

Виктор Ельмисов

ЛАРИССА

ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Мюнхен

1963

Виктор Ельмисов

ЛАРИССА

ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Мюнхен

1 9 6 3

Victor Elmisoff
"LARISSA"
Novel of 3 parts

Все права сохранены за автором
Copyright by the Author

Р о д и н е:
Настоящая любовь не требует
взаимности

«Ларисса» — свою повесть
я посвятил жене и другу

За то, что встретила и
 радость принесла с собой,
За то, что сердце отогрела мне
 и отдала свое.
За то, что трудный путь прошла
 со мной, ни разу не споткнувшись,
За все — за преданность, за верность,
 за любовь,
За милую улыбку добрых карих глаз.

А в т о р

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Чья очередь на завтра?	7
Буря	16
Норд-Ост	24
Тяжелые думы	28
На пароходе «Ксения»	30
Миша	36
Соблазн	41
Заключительный аккорд	49
Тьма	52
Преступная небрежность	56
Ирония судьбы	62

Часть вторая

Смех сквозь слезы	68
Думы и мечты	73
Соловей пташечка	77
Два сердца	80
Жертвы режима	84
Последние капли	89
Всюду жизнь	94
Пути жизни	98
«Философские» размышления	104
На пароходе «Анна»	108
Три человека — одна душа	115
Первые шаги	124
Бабье лето	130
Разруха	132

Новый учитель	135
Жизнь на волоске	140
«Вор»	145
Жемчужина милосердия	149
Радость	154
Чудо	160

Часть третья

Ольга	167
Отъезд и приезд	174
Весна	178
Женщина — Судьба	190
«Все дороги ведут в Рим»	192
Ларисса	200
«Венера»	209
Замыслы художника	215
На ушко	219
Сердца трех	225
Ежик	235
Ревность	244
Первая ласточка	250
Любовь	254
Коварство	261
Клевета	270
Расцвет	283
Искушение «Венеры»	287
«Разговор по душам»	306
Накануне	314
Решение Судьбы	320
Эпилог	323

Часть первая

ЧЬЯ ОЧЕРЕДЬ НА ЗАВТРА?

Начальник инженерной группы — капитан, военный инженер Трофимов, сидя за столом, набрасывал карандашом какой-то план.

— «Вы вечно что нибудь обдумываете! Наверно разработали уже труднейший переход через пески! Слов нет..., проблема сложная,» — сказал вошедший в комнату его сотрудник Озеров, один из группы военспецов и строителей, один из «могикан», защитников московского Кремля в семнадцатом году.

— «П-ожалуй, вы правы! Действительно сижу и думаю. Даю своим мозгам немного умственной гимнастики. Ведь мы сейчас почти что на вакациях. Попутно сочиняю план возможных направлений нашего похода, план дорог «в уме». Разумно это или нет, покажет будущее. Видите?» — Он указал карандашом на синюю полосу.

— «Это Эмба, славная река! Вы слышали когда нибудь о ней?»

— «Что за вопрос!»

— «Богатый нефтяной район. Он до сих пор еще, как следует не разработан, но зато он хорошо известен иностранным хищникам. Они имеют план получше моего. Вы были ведь свидетелем приезда «дорогих» гостей в наш пыльный Актюбинск.»

— «Да, был!»

— «Так вот, дорога через Эмбу безопаснее, но она нам не по пути. Я думаю, нам будет ближе и прямее на Сагиз.»

Вошли Сережин, бывший командир саперной роты и понтонный спец Андрей Каменских.

— Вы что это? Осваиваете пустыню, строите мосты, прокладываете пути?» — Спросил один.

— «Нацеливаетесь на эмбинскую нефть?» — Спросил другой.

— «Не то и не другое! Просто ищем выход.»

— «Ага... понятно! Салом пятки натираете?»

— «Пусть будет так! Посмотрим, что вы скажете не позже пары дней. А я готов хоть завтра, хоть сейчас. Вы — словно птицы беззаботные! Чирикаете глупости в такой момент, а я один несу ответственность за всех!»

— «Вы были в штабе армии?»

— «Да, был!»

— «Какие новости?», — спросил Каменских, меняя тон.

— «Они сошли с ума! Там форменная паника. Вот вам приказ, судите сами.»

— «Что?! В Китай? На верную гибель? Ни за что! Скажите, капитан, какие вести с фронта вы узнали там?»

Поручик поднялся и заходил по комнате, стуча серебряными пшорами.

— «Вы говорите — с фронта?» — засмеялся инженер.

— «С какого фронта? фронта нет, а есть позор и поражение... на всех участках! Армия не отступает, а бежит.»

— «А что же нам предпринимать, куда идти?»

— «Ага!... и вы очнулись наконец!»

— «Я все обдумал сам и все уже решил. Пора расстаться с Управлением В. С.»

Он крикнул и задумался.

— «Пойдем своим путем!», — отрезал инженер и стукнул кулаком об стол для подкрепления своих слов.

— «Куда?» — несмело уронил Андрей.

— «Пока туда... куда и все,» — он указал на юг, — «а там — подумаем!» Он хитро подмигнул. «Свобода или

рабство?, гос... по... дин поручик. Мы еще поборемся. Нас голыми руками взять нельзя.»

— «Нас восемнадцать человек — здоровых, молодых. Две дюжины прекрасных лошадей, выносливых, испытанных. Попробуем сквозь пекло и песок пробраться к морю.» Инженер опять задумался и почесал свой лоб. В его богатой умной голове сверлила мозг навязчивая мысль: как вывести людей из тупика.

Ответственность за жизнь своих соратников — друзей — вот что его тревожило в последние часы решения судьбы. Он должен вывести отряд, иначе грош ему цена, — так думал он.

Обозы вышли на ташкентскую дорогу. Люди шли и ехали, тащили свое барахло на собственных плечах.

— «А ты куда плетешься старина?», спросил солдат подслеповатого татарина.

— «Туда куда и «вся наша идет!»,» гласил ответ.

— «Махурка есть? Уж бульна хочется курить та!...»

— «Знамо есть!» Солдат отсыпал в руки старика с полпачки табаку.

Куда шла лавина людей, никто не знал, но каждый шел туда, куда и «вся наша идет».

Ташкент в руках большевиков, ползли во все концы назойливые сообщения, вернее слухи. Это было так ко времени и так естественно, что их никто и не оспаривал. Им верили. Все ясно видели свое безвыходное положение. Сердца людей наполнились отчаяньем и страхом за свою судьбу. Куда же мы идем, куда?, металась мысли перепуганных людей. Куда идет отряд строителей. Он должен, как и все разрозненные части южной группы колчаковских войск, во исполнение приказа двигаться в Китай, свернув, не доходя Темира, на восток.

Китай чужая сторона, дверь в эмиграцию. Она тяжелая, скрипучая, на ржавых петлях. Впереди огромные сыпучие пески перекрывают путь, — со страхом говорили люди меж

собой. Чтоб не лишиться себя последней искорки надежды, добавляли так: пока на юг, а там что Бог пошлет. Пусть ведают о том начальники, «они умнее нас».

Ужасная картина отступления. Какая лавина людей, обозов, лошадей и верблюдов, лилась потоками по гладкой как доска степной дороге. Тысячи, десятки тысяч сгорбленных, измученных людей шли в неизвестность. Рыхлая земля с песком и пылью — превратились в месиво. Оно вздымалось ввысь и, в неподвижном воздухе, стояло над обозами, а солнце жгло. Оно было закрыто от людей густыми, едкими, удушливыми тучами песка.

Пыль раскаленная, густая, перемешанная с потом, беспощадно рзьедала тело. Фантастические тени двигались, качаясь в гуще едкой пыли.

Нос и рот заполнены песком, дыхание затруднено. Кругом «туман» какой-то серовато-розовый. Глаза людей, разъеденные пылью, воспалились. Люди падали в изнеможении, от пекла и удушья. Сколько их погибло в эти дни. Так долго продолжаться не могло. Настолько страшная, густая пыль стояла в воздухе, что не были видны соседние подводы. Люди шли густой толпой, боясь отстать и потеряться. Гробовая тишина стояла над обозами и нарушалась только фырканьем и ржанием несчастных лошадей, да вскриками людей. Мольбы о помощи, проклятия, стенания, как эхо, еле слышное, как погребальный звон, глушившееся в гуще, растворялось словно в пекле ада.

— «Все кончается, настанет и для нас конец!», стонал в телеге умирающий старик, подхваченный строителями.

— «Дед!, какой конец то?»

— «Все равно какой, лишь только бы конец».

Но видно из груди измученных людей не только стоны и проклятия витали над живой могилой, слезы и мольбы летели ввысь.

Какое «странное» и непонятное случилось вдруг в засушливой степи. Откуда эти капли жидкой грязи на лице? Испарина текла потоком целый день, а это что то новое.

Вдруг загремело в вышине. Прорезало густую мглу баг-

ровым тусклым светом словно заревом и потекло потоком грязи по лицу. Заныло, зачесалось тело.

Что это, свет? . . . дневной? А там сверху небесное стекло или мираж застрял в глазах, которые пекло кололо словно иглами.

Нет, это не мираж, а Божье снисхождение и любовь спадали на людей из недр раскрывшихся небес.

Однако же, немного этой благодати упало на людей. Побрызгал дождь и пыль слегка прибил и людям возвратил дыхание. Надеждой вновь затеплились сердца когда перед глазами всех открылись небеса.

Незабываемая жуткая картина вдруг представилась большим глазам людей. Они увидели какая жалкая живая масса призраков катилась по земле. Нет! ни один художник, ни один поэт, какой бы гениальный ни был он, но все же человек, не мог бы передать, что было там в те памятные дни и дать почувствовать весь ужас бедствия и гибель человеческой души. Как Он, Художник и Творец, наглядно показал потуги и убожество бессильного и слабого, но гордого в своем бессилии зазнавшегося пария, забывшего Творца. Который даже грязь с лица не смыл ниспосланным дождем.

— «Где Управление В. С.?»

— «Поехало в Китай!»

— «Зачем?»

— »За чаем, слышь!», шутили молодцы.

— «Они свернули влево от дороги на восток».

— «Дай Бог им счастья!»

— «Скатертью дорога!», слышалось в толпе.

— «Мы повернем направо, ближе к Родине, но только ни гу-гу! У красных сильная разведка. Рано утром заскрипим колесами по мягкому песку.»

Сережин говорил негромко, обходя обоз. Он был теперь начальником «вооруженных сил» на весь тяжелый путь.

Верстах в двенадцати на запад от ташкентской дороги затерялся городок Темир.

Песчаные сугробы наметались вдоль единственной темирской улочки, когда свирепствовала буря. Городок Темир и послужил для наших путников трамплином на пути в песчаный ад.

Два дня стоял в пустынном городке отряд строителей. Он запасался пищей, сеном и питьем. Сам инженер с утра до вечера шнырял по городу. Заглядывал в дома, отыскивая знаменитых пустыни. Изучал её капризы и повадки. Делал карту местности, песков, речушек и колодцев, поселений и «дорог в уме».

— «Скорее уезжайте прочь отсюда», говорил волнуясь маленький, невзрачный человек, учитель местной школы. «Красные, заняв Актюбинск, быстро двигаются к нам.»

Отряд покинул городок Темир, вступив в таинственные, страшные пески.

Прошла неделя. Солнце жгло. Колодцев не было, а те, которые встречались на пути, засыпаны песком и высохли. Впервые повстречались с мирными киргизами. Здесь помещали часть инвентаря (лопаты, кирки, топоры на мясо и кумыс). Киргизы указали путь к воде. Действительно под вечер неожиданно наткнулись на колодцы.

Отдохнули, запаслись водой и вновь отправились в дальнейший путь. Еще одна неделя позади, а путники едва плелись.

— «Воды, воды!, хоть капельку воды!»

Ужасен путь, страшны горячие пески и зной небесного огня. Еще страшнее зной внутри.

— «Воды, воды!»

— «Стой!», кто то крикнул.

— «Лошадь пала!»

Распрягли, засыпали, телегу бросили в песках и побрели, понуриив головы.

Что делать, чем кормить несчастных лошадей.

Сами голодные, у всех подтянуты ремни. Про хлеб забыли, мясо съели, только лук и то по луковичке в день.

Скорей вперед до грозных поселений злых племен, чтоб там отвоевать себе право на жизнь.

Еще недели две назад боялись встретить на пути разбойничьи притоны, а теперь спешили из последних сил туда.

Иссякли силы окончательно. Дыхание со свистом вылетало из засохших губ. Удушливая мгла стояла в раскаленном воздухе.

Измученные лошади едва плелись, глубоко увязая и скользя в песке.

— «Колодцы!» радостно кричал «Борзой». («Борзой» — мальчишка лет шестнадцати, любимец, баловень отряда. Часто ночью исчезал верхом на лошади, отыскивая след бараньих косяков).

— «Отряд киргизов впереди!» Все приготовились.

Очередная встреча с мирными киргизами, очередная радость...

— «Баран барма»? (есть баран).

— «Деньга даешь?»

— «Даем, даем!»

Уже месяц бродят по пескам измученные путники.

— «Воды, воды, хоть капельку воды!»

— «Что это у меня? Распухло всё во рту!» сквозь зубы проскрипел Андрей, с трудом ворочая тяжелым языком.

Вот, вот они столкнутся с дикими киргизами. Они спешили к ним, а в сердце забирался страх.

Речушка на виду, а в стороне разбойничье гнездо.

Судьба готовила тяжелую утрату храбрецам. Как страшно вспоминать! В ночном дозоре Озеров. Его сменил приятель Костя прапорщик. Задумался, опершись на винтовку, стоя на краю песчаного обрыва. Рассветало. Легкий свист... Кинжал блеснул в руке бандита... Хриплый стон... Дозорный опрокинулся навзничь.

Раздался выстрел и зловещим эхом раскатился по окрестности. Злодей свалился замертво.

— «К оружию!» Начальник бросился к убитому.

— «Какой удар, как тяжела утрата, Боже мой! Прости меня мой друг!» Он взял за плечи холодеющее тело, поднял его, закрыл застекляневшие глаза и в лоб поцеловал.

вал. Лицо начальника исказилось отчаяньем. Он произнес ужасные слова:

— «Я жажду крови, жажду мести!»

— «Прочь отсюда поскорей, подальше от берлоги хищника. Мы с ними встретимся на вольном воздухе и там «поговорим»!»

Полуколосье телег сжималось на площадке небольшой скалы, нависшей над рекой. Отряд казался островком. Он оцетинился штыками в нервном ожидании.

— «Еще минуту!.. Приготовиться!» Минута оказалась роковой. «Борзой» упал, сраженный пулей наповал, не вскрикнув.

— «Крови!.. Крови!..», заревел поручик страшным голосом. Раздался залп шестнадцати винтовок. Вражьи кони дрогнули, вскочили на дыбы, а всадники летели вниз.

— «Еще!» вскричал поручик вне себя и снова залп.

— «Довольно!» крикнул инженер.

Отряд приблизился к реке «Сарыч», где и нашел приют. Трехдневный отдых подкрепил людей и лошадей. Похоронили двух друзей на берегу реки, насыпав холмики. Поставили кресты, прочли молитву и уехали.

Два друга и две лошади, таков итог борьбы.

Чья очередь на завтра?

Перейдя реку остановились. Сняли шапки. Бросили последний взгляд назад и стали подниматься на крутой обрыв.

— «О поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями?»

— «Что случилось?»

Стали лошади, храпят, со страхом озираясь в стороны.

Какое зрелище представилось испуганному взору изнуренных путников: обглоданные человеческие кости тут и там торчали из песка, сгоревшее тряпье, обломки сломанных вещей, телег, оглобли, трупы лошадей...

— «Назад, назад!»

С трудом свернули в сторону. Испуганные лошади моло-

ли по песку копытами, храпели и не двигались. Так вот какая участь ожидала маленький отряд!

— «Воды, воды!» Скорей отсюда прочь, пока к нам в сердце не забрался страх.»

Прошли две-три версты, тревожно озираясь. Сделали привал.

— «Колодцы!» крикнул радостно Степан. Никто не поднялся, нет больше сил идти, да и не верили, — так часто их обманывало зрение. Опять мираж.

Прошло два с лишним месяца. Пустыне не было конца. Шесть лошадей остались навсегда лежать у самого колодца.

Так терял отряд своих людей и лошадей.

Нет, нет! Не поле и не степь топтали кони злочолучных путников. Пустыня сыпала на них песком горячим. Ветер поднялся. Песок вздымался вверх. Он залеплял глаза и рот. Свистел и бушевал вокруг. Кружился над пустыней и звенел в ушах и, наконец, обрушился песчаной лавиной на злополучных путников.

С трудом расправили брезент, накрыли несколько подвод и вглубь залезли между лошадьми. Сидели тихо, чуть дыша, с трудом переводя дыхание. Молились, ожидая гибели. Нет! Видно не судьба. Утихла буря, выползли с трудом на свет.

— «А где же Петр?»

— «Он там сидит у лошади.»

— «Он спит!» сказал поручик странным голосом.

— «Он спит!» вскричал Иван и вдруг уставился на всех безумными глазами.

— «Он задохнулся!» констатировал печальный факт спокойный «мажордом» — начальник канцелярии. — «Иван сошел с ума,» добавил он.

— «С утра вторая лошадь пала. Чья?»

— «Поручика Степана — Ронька (лучшая из лошадей).»

Начальник тяжело вздохнул и отвернулся в сторону. Потом вдруг снова повернул лицо, со страхом всматриваясь в каждого. Он видел опухшие, тупые лица.

— «На кого похожи вы!», он не сказал, а прохрипел, поникнув головой.

Никто на это не откликнулся.

— «Иван сошел с ума!» Молчание. Он, обведя тревожным взглядом всех, повысил голос.

— «Петя умер!» Все сидели безразличные.

— «В дорогу!» Крикнул инженер не своим голосом. Никто не двинулся. Наган блеснул в его руке.

— «Кого я вижу? Женщин? Рыть могилу! Запрягать коней!»

Все поднимались нехотя с трудом. Похоронили друга. Сумашедшего взвалили на телегу, привязав веревками.

Чья очередь на завтра?

Скоро кончится ужасный переход, еще три дня и для живых скелетов настанет час освобождения из плена страшной и таинственной пустыни.

Трое верных, преданных друзей закончили свой скорбный путь. Четвертый навсегда сошел с ума. Страдает сам и нагоняет страх на остальных, а пятого сразил сыпняк. Он мечется в жару, привязанный к телеге. Двадцать лошадей остались навсегда лежать в песках. Оставшиеся, чуть живые, люди не сдаются, а идут вперед, претерпевая множество лишений и преград.

Б У Р Я

Как приятно было плыть на шхуне вдоль пустынных берегов, под всеми парусами, в солнечную теплую погоду.

Рыбачий поселок «Жилая коса» остался в памяти друзей, как выход из песков, как возвращение к жизни.

Расстояние от Устья до впадения реки Урала в море плыли целый день. Ночь провели на шхуне. Утром подошел буксир и потянул её вверх по реке до Гурьева. Огромные густые камыши тянулись по обоим берегам реки Урала. Стаи диких уток плавали в реке. Как только приближался

пароход, они спокойно отрывались от воды и, тяжело махая крыльями, летели прочь.

Своеобразная природа девственных, пустынных берегов, виды окрестностей впадения Урала в море. Тишина, таинственность преддверия пустыни, привлекали взоры пассажиров шхуны, переживших страшный переход через пески.

Пробыв неделю в Гурьеве, приморском пыльном городке, поехали назад.

На взморье ожидал их «Севастополь», старый и невзрачный пароход. Подъехали к нему и поднялись на палубу, заполненную до отказа пассажирами. Преобладали офицеры и солдаты-казаки частей разбитых групп, уральских, оренбургских и сибирских войск.

С трудом протиснулись сквозь шум и тесноту и пробрались на самый нос. Он был приподнят, выше этажем над средней палубой.

«Давайте здесь пристроимся — среди канатов, якорей и прочего инвентаря!» Все согласившись с доводами инженера разместились на носу довольно «комфортабельно».

Впервые в жизни Озеров поедет на морском товарном пароходе. Об удобствах он не беспокоился. Исполнились его заветные мечты. Он будет проверять правдивость путешествий по Жюль Верну.

Он мечтал о буре, сильной, настоящей буре. Чтоб его «обдуло ветерком» и соль хрустела на зубах, а брызги волн хлестали по лицу. Чтоб буревестники кружились над волнами, ветер пел и завывал в снастях. Все вышло по его желанию, о чем мечтал, когда влезал по трапу, «пришвартовываясь» у перил, среди канатов, свернутых в огромные круги.

Стемнело быстро, даль закрылась неожиданно. Взвился на мачте огонек, на небе «вызвездило». Все забегало, все ожило вокруг. Вновь вспыхнул огонек в таинственном оконце рубки лоцмана.

Все это видел Озеров, все слышал. Ощущал биение повышенного пульса пароходной жизни при отплытии. Звук колокола, вдруг, прорезал темноту. лебедка заработала. За-

двигались и закрипели якорные цепи. Раздалась команда с мостика:

«Трави-и-и... там носовой причал! Сильнее набирай!... Завертывай! Крепи! Отдай концы!»

У Озерова загорелось сердце. Он впился горящими глазами в рубку лоцмана, где трое моряков взялись за колесо (штурвал). На мостик вышел капитан и крикнул в рупор:

«С Богом!»

Сняв фуражку с головы, он трижды истово перекрестился. Все матросы, обнаживши головы, сосредоточились на несколько секунд и снова все пришло в движение. Весь корпус задрожал под действием винта и «Севастополь» медленно стал двигаться вперед.

Тянулись чередой минуты безотчетной радости, минуты неизведанных приятных ощущений. Сердце Озерова трепетало, а его глаза сверлили темноту. Все нужно видеть самому во всех подробностях. Запомнить все и ничего не упустить. Все пережить, вобрать в себя и увезти с собой.

Он, кажется, один не спал в ту ночь, когда все спали мертвым сном. Он с жадностью вбирал в себя морской соленый воздух, словно думал наверстать потерянное время за два с лишним месяца. И только поутру свернулся посреди кана и уснул.

Настало утро. Солнце поднялось уже довольно высоко. Оно играло в небе, чудно отражаясь и блестя в морской, слегка колеблющейся, зыби. Мимо проходил пустынный берег. Чуть подальше начинались соляные прииски. Слой соли, покрывавший берег, искрился под ярким светом утренних лучей.

Голубизна небесная над горизонтом, синь — глубокая, бездонная — над головой, и море — синее вблизи и темное вдаль, и чайки белые носились над водой. Песок и соль — какое сочетание красок и тонов!

Входили в гавань форта Александровск. «Севастополь» по-

дошел к причалу пристани. Спустили трап. Все устремились на берег смотреть, как добывают соль.

Кругом пустырь. Ни деревца, ни кустика. Халупы низенькие, белые, невзрачные, в один и только изредка в два этажа, стояли мрачно и уныло посреди песков.

Над Каспием повис ноябрь, а солнце припекало с самого утра. Шли медленно, с трудом переставляя ноги, утопавшие в песке.

Вернувшись и взойдя на пристань, стали у перил, любясь изумительной прозрачностью воды. Множество раковин и крабов ползали на дне. Поверх плескалась рыба, плавали медузы, живописно распластавшись на воде.

Часа в четыре вышли в море, взявши курс на порт Петровск. Волнение усилилось. Поникли головы и пожелтели лица пассажиров «Севастополя». И часа не прошло, как опустела палуба, и все залезли в трюм. Те, что остались наверху, стонали жалобно, склонившись над перилами.

«Так вот она — морская то болезнь!» — подумал Озеров.

«Все в трюм!» — кричал матрос оставшимся на палубе. Одни отважные «трофимовцы», не двигаясь, сидели на носу.

Погода портилась. Сгустились, почернели тучи. Надвигался шторм. Порывистый соленый ветер дул с огромной скоростью.

«На Каспии сейчас период бурь!» — сказал матрос, крепя канаты на носу. «Вы привяжитесь, а не то вас смоем всех до одного,» — добавил он и медленно спустился в трюм.

Густые тучи рваными охлопьями неслись над пароходом. «Севастополь» вздрагивал и будто съеживался под его порывами. Раскачивались и скрипели мачты, а в снастях свистело, нзводя тревогу и тоску. Невзрачный пароход всё больше накренился правым бортом. Он, то грузно погружался в водяной ухаб, то снова выползал на гребень. Качка полубортовая, неприятная и более опасная.

Команда с мостика не прекращалась ни на миг. Матросы бегали по палубе, окатываемые пеной брызг. Цеплялись за перила и за ванты. Катились, сидя, за волной по палубе и ловко прилипали к борту корабля. Влезали на веревочные

лестницы, вися над бездной и «крепили». Озеров с огромным любопытством наблюдал за всеми их движениями.

Между тем, погода разыгралась не на шутку. Стемнело. Вспыхнул огонек в волшебной рубке. Капитан сидел за компасом. Суденышко трепало по волнам, как утлую ладью.

На нижней палубе, вода лилась потоками. Все трюмы наглухо задраили (закрыли). Пароход держал теперь свой курс на юго-запад. Буря относила его к северу на Астрахань, которая была в руках большевиков.

Какой подарок получили бы они неожиданно и негаданно.

В то время, как друзья сидели мокрые, дрожа всем телом, Озеров легко привык и быстро приспособился к условиям морского путешествия. Он остро все воспринимал и восторгался дикой красотой стихии. Наблюдал как пароход, скрипя и вздрагивая корпусом, взбирался по крутым волнам и носом вылезал наверх. До слуха долетал тяжелый, резкий лязг винта, вертящегося в воздухе. «Сейчас конец!» — мелькало в голове. «Не выбраться из бездны, захлестнет — «девятый вал».

Огромная гора нависла вновь над хрупким пароходиком. Глубокий вздох с подъёмом вверх и устремленный кверху взор.

И, вдруг, удар и сильный треск... Невольно дрожь прошла внутри. На миг остановилось сердце в ожидании беды. Рука вцепилась в мокрые канаты.

«Что случилось?» — закричал испуганно привязанный Андрей.

«Идем ко дну?»

«Не торопись мой друг! Воды и здесь достаточно!», ответил Озеров.

Меж тем, огромная волна, со страшной силой, навалилась, вдруг, на левый борт. Ударила и лавиной обрушилась на палубу и затопила все. И только рулевая рубка светилась спасительным огнем. Там капитан сидел у компаса. Он был невозмутим.

Немного сыро и прохладно, — думал Озеров, — и душ

соленый, охлаждающий, нет нет да и окатит с головы до ног. Все это мелочи житейские, их можно пережить, Зато какая дикая, волнующая красота бушующей природы! Черные, густые тучи закрывали небо и верхушки мачт. Вода кипела, как в гигантском котле. Сплошной хаос стоял перед глазами Озерова.

Черный дым валил клубами из трубы. Он с силой уносился ветром в сторону и быстро исчезал во мгле.

На дне морском сегодня пир горой. Сам царь морской, потехи ради, вдруг пустился в пляс. В гостях у грозного царя «купецкий» сын Садко.

Царь в жены дочерей своих ему на выбор предлагает. Настал торжественный момент. Он, дикой пляской возмутил морскую глубину и волны хлынули наверх, а корабли поплыли на дно. «Девятый вал» опять повис над головой. Всего лишь несколько секунд и вновь удар, холодный душ и полный рот воды.

Какое счастье — испытание осуществление мечты прошедших юношеских лет, сегодня посетило Озерова в эту страшную, забываемую ночь.

Он так увлекся диким штормовым веселием, что все забыл. Сидел как зачарованный, глядя на огонек и на волшебника, склоненного над компасом. Тот все преодолееет, с ним не страшно никогда. Он смело проведет корабль сквозь бурю, к тихой пристани.

«Я тот, которому внимала

ты в полуночной тишине. . .»

неслось из «Демона» сквозь свист и вой и залетало в уши перепуганных людей. Разгул бушующей стихии, скрип и стон, как торжествующий живой аккорд пленительной, мятежной музыки, могучего оркестра, словно вторили певцу. Такое озорное пение, среди кромешной темноты, под дикий рев и хохот бури, поразило всех.

Минула ночь, настало пасмурное утро. Черные густые тучи закрывали небо. Ветер рвал и выл, свистел по прежнему в снастях, а море продолжало бушевать. Горами поднималось ввысь, бралось с тучами и снова низвергалось вниз.

Вдруг радостный луч солнца, чуть прорвавшись сквозь густые тучи брызнул по вершинам вспененных валов. Они блестели рассыпаясь искрами.

А пароход, как утлая ладья, все продолжал нырять среди ухабов волн. Как будто нет его совсем, исчез в пучине вод. Вдруг снова выползал наверх, как муха из воды, промокшая насквозь, с трудом взбирался на огромный вал. Дымил своей трубой, а люди наполняли трюм, валяясь на полу на чем и как попало. Их тошнило. Люди плакали, стонали, задыхаясь в спертom воздухе. Вокруг все словно падало, валялся потолок. Иллюминаторы открыть нельзя, зальет водой, а люки наглухо задраены. На палубе хозяйничал сильнейший шторм. Одни «трофимовцы» сидели на носу, уставшие и желтые, но все же на ветру, на свежем воздухе.

«Земля! Земля!» — раздался голос вахтенного. Вслед за ним простуженный свисток прорезал бурю. Радостью исполнились сердца измученных людей.

Однако время шло, а Озеров глаза все проглядел, стараясь увидеть сквозь пену и лохмотья туч, хотя бы маленький намек на горы, но напрасно.

Постепенно тучи расползлись, разверзлись небеса, ударили лучи и осветили хаос бушевавших волн.

«Земля! Земля!» — вдруг заорала «вахта» на носу. Все повернули головы. Действительно виднелись очертания Кавказских гор, мешавшиеся с тучами.

Что так взволнованы на мостике и так настойчиво глядят в подзорную трубу? Наверх поднялся капитан и долго всматривался вдаль. Потом взмахнул трубой на юг. Звук колокола зазвучал тревожно, пароход дал крен на левый борт. Он делал резкий поворот на юг.

«Что там случилось?» — крикнул инженер, сложивши руки вместо рупора.

«В советской зоне мы сейчас!» — летел ответ.

«Насмогут захватить!» — сказал матрос, крепивший мокрые канаты на носу.

Легли на новый курс и полным ходом шли на юг, борясь с непогодой и пытаясь ускользнуть от зорких глаз врага.

Прошло минут пятнадцать, двадцать. Напряжение росло.

«Корабль под ветром справа?» — крикнул в рупор капитан. Вопрос тревожный неожиданно повис над «Севастополем». Все превратились в слух.

Еще минуты две тяжелого молчания.

«Корабль под ветром справа!» — подтвердил матрос. Тревога охватила всех. Еще томительные полчаса и новый крик:

«Сторожевой корабль, лежит по курсу, что и мы!»

«Чей?»

«Трудно разобрать.»

«Смотри острее!»

«Есть смотреть!»

К полудню буря начала стихать. Тучи рвались на мелкие куски. Они неслись с огромной скоростью на фоне голубых небес. Даль постепенно расширялась. Видимость улучшилась, а дымка, застилавшая кавказский берег, вдруг растаяла. На фоне гор мелькнул корабль.

«Он на сближение идет!» — поспешно крикнул вахтенный матрос.

«Чей, неужели вражеский?» — немой вопрос написан был на лицах пассажиров «Севастополя».

«Ракета!» — хором пронеслось над палубой.

«Свой, свой! Ну, слава Богу!» — слышалось со всех сторон. Минуты шли.

«Флаг на корме!» — все напряженно вглядывались вдаль.

«Андреевский!» — кричал «помощник вахтенного», сидя на носу.

«Ну и глаза же у тебя, я ничего не вижу!» — буркнул инженер. Но скоро все увидели.

«Сигнализация!»

«Не позволяет приближаться к берегу» — сказал матрос.

«Мы все еще в опасной зоне. Он проводит нас на юг до перемены курса.»

«Севастополь» подходил к Петровску. Качка прекратилась сразу же, как только пароход прошел маяк и медленно

шел к пристани. Зато сильнее закружилась голова у всех, сидевших на носу.

«Какое навождение!» — ворчали «моряки», спускаясь по ступенькам трапа и держась за поручни, чтоб не нырнуть вниз головой. Вдруг Озеров почувствовал, что кто то сзади подошел к нему и тут же увидал мозолистую руку на своем плече. На безимянном пальце моряка блестело толстое кольцо. Он, оглянувшись, растерялся, увидав перед собой насмешливую пару глаз «морского волка».

«Капитан!» — воскликнул изумленный Озеров.

«Певец бушующего моря! Ваше мужество, проявленное в эту ночь, пришлось мне по душе. Не кажется ли Вам, что зыбкий мостик капитана и его мундир вам подошли бы лучше этого?» — он засмеялся, потянув его за пуговку, и на прощание дружески махнул рукой. «Певец бушующего моря», у которого все уходило из под ног, едва вступив на берег, растянулся на камнях, последовав примеру инженера.

Всем казалось, что земля то уходила вниз, то поднималась вверх бугром.

«За бороды держитесь;» — крикнул инженер.

НОРД-ОСТ

«Пойдем к начальнику и будем бить челом» — шутили, «моряки» — «чтоб разрешил покончить с бородами», выросшими за три с лишним месяца скитаний по пустыне. С нетерпением все ожидали сумерек. Стыдились показаться в городе в «боярском виде».

Шли по улице гурьбой, а люди их встречали с удивлением.

У входа в парикмахерскую собралась толпа зевак. Теснились у дверей, заглядывали в окна парикмахерской. Узнавши о прибытии отряда из песков, хотели повидать «диковинных» людей. «Боярская дружина», между тем, сложив ору-

жие и бороды, вновь шумно высыпала на панель. Толпа приветствовала появление друзей и выражала им сочувствие и восхищение.

С утра пошли осматривать Петровск. Отдали дань Кавказу. Были всюду и все видели. Зашли в шашлычную, где был и винный погребок. «Вино, должно быть, настоящее кавказское, довольно кислое, шашлык немного твердоват».

А сам хозяин был неотразим: в папахе и поддевке с ремешком, при бороде и при усах. Он был до крайности любезно-мил и жизнерадостен. Ходил व्यюном вокруг гостей, разглаживая чудные усы. Он поминутно целовал два пальца и причмокивал, превозносил свой «изумительный» шашлык, а гости морщились, хотя и соглашались с ним. За угощение взял втридорога, говоря: «Для вас».

Расположение Петровска живописное. С восточной стороны его — искусственная гавань-порт с хорошими причалами. А дальше море — безграничное, таинственно-прекрасное, но бурное. На западе тянулся горный кряж, синев в легкой и прозрачной дымке чудного морского воздуха.

Три дня стояла солнечная тихая и теплая погода. Шли по берегу, любясь отражением камней, торчащих из воды. На море штиль. Нашли укромный уголок уютной заводи, среди больших камней. Разделись, выкупались и поплавали. Какой то голос все шептал внутри: «Не надо, не купайся». Озеров его не слушался. Нырнул подальше в глубину, а выйдя из воды, унес в себе бактерии «кавказской малярии».

Прибыли в Ростов и поселились в привокзальном домике. На следующее утро Озеров почувствовал, что нездоров, а в полдень слег в постель. Озноб и жар чередовались дважды в день. Вода лилась потоками. Казалось все, что выпил за десятки лет, все потом выходило. Молодость боролась со страшным недугом, но все-таки болезнь брала свое. За две недели Озеров так исхудал, что превратился в мумию.

Военные дела у Добровольцев шли из рук вон плохо. Сводки купые. На фронте все «без перемен», замалчивались поражения. Большая карта на Садовой улице была совсем заброшена. Успехи на фронтах застыли. Лента и флажки

недели две стояли чуть повыше города Орла. А между тем, Орел и даже Курск давно оставлены. Пришлось писать о «временных, случайных» поражениях. Упорные бои под Харьковом, под Киевом и дальше к югу, словно под гору катился фронт.

Однажды в барак явились гости: капитан Нежинский и двое младших офицеров. Капитан сколачивал отряд строителей для срочной переброски в Вознесенск, южнее Киева.

Конечно, инженер воспользовался случаем, чтобы существенно помочь больному. Доктор говорил, что только перемена климата поможет справиться с болезнью Озерова. Капитан Нежинский решил принять его в число сотрудников руководящей группы. Вместе с ним был принят и поручик К., который влился в группу инженера Т. в «Жилой Косе». Маршрут намечен был через Новороссийск в Одессу морем.

«Дорогой ценой достанется мне исцеление! Расстаться навсегда с друзьями», думал Озеров, ворочаясь на узеньких досках. Казалось, у него живого места не было, болело все, от ног до головы. А главное, тоска, безумная тоска щемила грудь, в предвидении разлуки с милыми людьми.

«Судьба начертала каждому свой путь», сказал печально инженер. В последний вечер новый приступ малярии, а на утро грустное прощание. Последний взгляд, последнее прощание. Однообразный стук колес на стыке рельс не заглушил тоски.

Два дня прошли спокойно. Прибыли в Новороссийск. Придется трое суток изнывать на станции, ждать парохода «Ксения».

Лишь только разместились в зале на полу, как вдруг опять знакомые симптомы. Нервное, томительное ожидание, отчаяние и страх заполнили больную грудь, зажгли глаза болезненным огнем и залили румянцем исхудавшее лицо, а скулы вылезли вперед. Кружилась голова. Испарина сначала каплями спадала по щекам и вдруг открылись поры, словно краны, потекли холодные источники. От силь-

ного нагрева головы мутился ум. Пошел бродить по темным закоулкам и дворам. . .

«Спасите!» — он тонул вдали от берега в открытом море, выбиваясь из последних сил.

«Спасите!» — Озеров проснулся и пришел в себя. Но что это? Опять мерещится? Свист ветра. Звон разбитого стекла и беготня. Тревожные гудки.

«Норд-Ост!» — услышал Озеров. Он, шаря по стене, с трудом приподнялся и выглянул в окно.

Ему знакомо это бедствие. Норд-Ост довольно часто посещает порт Новороссийск.

Температура начала спадать. Рубашка выжата и силы выжаты. Однако спать до смерти хочется.

Вокзал опять исчез и люди вместе с ним. Настала тишина, всё погрузилось в сон.

Проснулся поздно. Бушевал Норд-Ост по-прежнему. Обледенело все вокруг. Упали провода или висели толстыми канатами. Повалены столбы, заборы опрокинуты.

Три дня свирепствовал Норд-Ост. Какую жалкую картину представлял собой порт Новороссийск! Порывы ледяного ветра были столь сильны, что даже внутренняя бухта не могла служить убежищем для небольших судов. Вода хлестала на берег. Волна не успевала убежать назад и тут же замерзала. Берег был завален ледяными глыбами. Разбитая «посуда» — мелкие суденышки — выбрасывались на берег. К причалам прилепились жалкие суда. Все трапы, мостики и палубы покрыты льдом. Обледеневшие борта со-сульками свисали вниз, а рей, снасти и веревочные лестницы висели толстыми гирляндами.

Довольно странную картину представлял собой стоявший у причала миноносец. «Это наш?» — любопытствовал у проходившего матроса Озеров.

«Француз!» — ответил тот. «Наш не полез бы к нам об эту пору, на свою беду!»

«Зачем он здесь?»

«А-а. . . лучший с ним! Должно быть «охраняет порт от наших крейсеров» — язвил матрос. «Со. . .юзнички!» — не вы-

терпел моряк и сплюнул от досады в сторону, презрительно махнул рукой и, не спеша, заковылял по скользкой набережной.

К вечеру Норд-Ост утих, и в порт входил слегка обледевевший «Муравьев-Апостол». Через час пришла и «Ксения».

«Большой, красивый пароход!» — подумал Озеров.

Когда входили по мосткам на палубу высокой и просторной «Ксении», волнение с новой силой охватило Озерова.

«Севастополь»... «Ксения»! — какая разница. Тот грузовой, тяжелый, неудобный! Этот — пассажирский и большой с широкой палубой, затянутой брезентом (тент). На нижней палубе толпилось множество людей. На верхней было посвободнее. Туда, как и в ковчег, всех не пускали, поделив людей по чину-званию, на чистых и нечистых.

Друзья с веселым настроением взобрались наверх, ища пристанища.

«Что с вами? Вас знобит?» — спросил поручик Б.

«Похуже, чем знобит! Я больше не могу все это выносить, теряю мужество!»

Поручик молча повернулся и ушел. Через минуту снова появился и сказал: «Давайте ваш рюкзак и следуйте за мной!»

Друзья пролезли сквозь толпу и у дверей каюты встретили Нежинского. «Вот сюда!» — он указал на дверь. Вошли. Повеяло теплом. «Вон там горячая труба, ложитесь в угол». Офицеры, наполнявшие каюту, уступили место. Лег. Все закружилось в голове. Кювета с офицерами ходила ходуном. Температура поднялась стремительно, но долго удержаться не могла. Болезнь шла на ущерб.

ТЯЖЕЛЫЕ ДУМЫ

Спустилась ночь, затихло все кругом. Заснули пассажиры «Ксении». Храпели в маленькой каюте офицеры. Озеров не спал. Всю ночь томила грудь какая то тоска. Его больные мысли понеслись в Ростов — в барак, к друзьям, с которы-

ми так тяжело расстался навсегда. Беспечность лет, случайно-мимолетное веселие прошло. Гнетущее, томительное одиночество вновь овладело им.

Еще не так давно он был среди друзей хороших и незабываемых. Друзей, которых Провидение дарит не часто и не каждому. Что будет с ними завтра — думал он. Кто уцелеет в хаосе гражданской войны? Пройдут ли сквозь огонь и дым, и множество лишений и преград. Кому из них придется претерпеть удары каверзной, изменчивой судьбы? Не лягут ли костями на поле брани с внутренним врагом? Все говорит за то, что побеждает вновь октябрьское предательство Российской революции. Жаль было Озерову брошенных друзей.

Припоминал больной, лежавший скорчившись в углу, свой путь и все вздыхал. А мысли пятились назад.

«Москва!... родная, милая Москва!...»

Прощание трех на Знаменке, у входа в их орлиное гнездо, захваченное коршунами. Тяжкие минуты расставания. Три пары воспаленных глаз смотрели друг на друга с нежностью, а плакать не могли. И тут же одиночество в ту страшную, незабываемую ночь на улицах Москвы. Казанский вокзал в мажорном дыму, и брань, и крики потерявших совесть и достоинство людей.

Родной Сарапул, город юных грез, в дыму и пламени, во власти черни городской и пьяной красной армии. Собор, таинственно и страшно освещенный заревом пожара. . . Шесть мертвецов при свете зажигалок. Страшные воспоминания теснились чередой в больной уставшей голове. . Он на пороге детства, в эту памятную ночь, на фоне зарева, горящего родного города! Сидит, опершись на винтовку на крыльце родного очага.

А дальше, дальше что? Вновь бесконечные кровавые страницы открываются перед его глазами. Сердце трепетно сжимается от боли, от обиды и от жалости. . . Герой Алеша — мальчик, тайный друг среди врагов. . . Какой конец! . . Погиб от рук убийцы и предателя за то, что спас его от верного расстрела. Вздурораженные мысли в воспаленной го-

лове метались беспорядочно... Какие встречи с девушками милыми, сердечными... Все промелькнуло, как во сне. Осталась только грусть, мучительная, ноющая грусть да горькие воспоминания. А дальше, дальше... что? Он нервно обнимал рюкзак, а мысли мрачные, тоскливые все пятились назад. Он снова вспоминал о Зине и не мог заснуть. Что с ней теперь, и как перенесло удар судьбы её горячее сердечко, преданное и прекрасное. Прощанье в час ночной у палисадника... Ее глаза, налитые слезами... Сердце то, как защемило вдруг... А ты, что сделал ты? Чем отплатил за верность, за её горячую любовь? Как мог её покинуть в эти страшные минуты жизни... Как рапился ты?... Но я не виноват... Моя судьба была иная!.. Замолчи! Нет оправдания тебе! Так бичевал себя больной. Он сознавал, что выхода иного не было, и все-таки винил себя во всем.

Вновь били склянки. Озеров лежал с открытыми глазами. Сон бежал, его больная голова не находила себе места на «подушке»... Дальше что? Трагедия поручика Сережина... А пленные, а их страдания... Желание, хоть чуточку помочь и облегчить им жизнь в плену. Разгром и отступление и гибель штаба армии в песках. Вновь слезы, перемешанные с кровью... много слез. Пески непроходимые и гибель четверых друзей. Чья очередь на завтра? Стынет кровь. Еще не все. Прощание с «Самсоном», плач «Самсона» (лошади). Как будто это много, выше сил. уж очень тяжела нагрузка на одно страдающее сердце... Но их много ведь!.. Одно огромное страдающее сердце родины! Вот, что кричит о помощи, зовет очнуться от летаргического сна и снова взяться за оружие. Ведь не у всех застыло сердце русское.

Земной поклон тебе, страдальца Россия!

НА ПАРОХОДЕ «КСЕНИЯ»

Озеров очнулся от забытья, задыхаясь в тесноте, в удушливом и спертom воздухе. Скорей на палубу на ветерок! Необходимо освежить пылающую голову. Схватился с места,

взял рюкзак, шинель, фуражку и на цыпочках с трудом добрался до двери. Открыв ее, он тут же задохнулся от избытка кислорода, голова кружилась. Притворив тихонько дверь, стал осторожно пробираться между спящими на палубе. Нашел укромный уголок и сел, вдыхая аромат морской воды.

А «Ксения», меж тем, ныряя по волнам, шла полным ходом, в гущу ночи. Качка килевая, равномерная, баюкающая, как колыбель качала материнская рука, а ветерок, раскачивая тент, приятно шелестел в ушах.

Там, под трубой в каюте, не спалось, а тут едва лишь только лег на пол и, не успев опомниться, сейчас же и заснул. Проснулся поздно. Тент убрали. Разбудил лязг якорных цепей: спускали якоря. Широкий керченский пролив безмолвствовал. Спокойную поверхность вод ничто не возмущало. Ни ветер, ни движение судов. Такая тишина, как будто вымерло кругом и только солнышко приветливо играло на воде.

На палубах красивой «Ксении» все ожило. Проснувшиеся пассажиры мылись и укладывали вещи в рюкзаки, а палубы, казалось, стали шире и просторнее. Все быстро согревались под лучами утреннего солнца, подставляя грудь, лицо и руки действию его живительных лучей. Сидели группами и пили чай. Судили, спорили, делились мыслями по поводу последних мрачных сообщений с фронта. Предвещали скорый и плохой конец борьбы за Родину.

«Кто в город?» «Дедушка пришел!»

«Идем встречать!» — сказал поручик Б.

Пошли на нос, где было и просторно и светло. Увидели как к борту подходил колесный маленький буксирный пароходик «Дедушка». Он, как комар, уселся с боку на огромный нос когда пришвартовывался к борту «Ксении». Отчаянно дымил своей трубой, вся палуба была в дыму, за что ругали «Дедушку», что закурил не во время.

«Кто в город?» — крикнул вахтенный матрос. Все устремились вниз. Три раза «дедушка» тихонько прилеплялся к борту «Ксении» и уходил с народом в порт. Он шлепал ло-

пастями по воде, кряхтел и вздрагивал. Кренился бортом так, что раза два хлебнул водицей. Капитан его, состарившийся вместе с «Дедушкой», тревожно призывал людей держаться середины палубы, подальше от бортов.

Керчь не понравилась своим невзрачным, грязным видом.

Озеров припомнил много анекдотов о Керчи, которые охотно рассказывали в поездах веселые рассказчики. Однако изумительная керченская сельдь была незаменима на обедах, званых и не званых.

В Феодосию зашли всего на полчаса. Что хорошо запомнилось, так это множество медуз в воде. За ними пассажиры наблюдали с верхней палубы.

Погода стала портиться. Когда входили в ялтинскую гавань, было поздно и темно. Курортный городок не светился огнями. Моросил осенний дождичек, но было тихо и тепло.

Стоянка два часа! — так объявили пассажирам «Ксении».

Заволновался Озеров. Воспоминания прошедших юношеских лет заставили его задуматься над жизнью и судьбой любимой им заступницы Лариссы Павловны Барановой. Одно воспоминание о ней тревожило его. Все мысли, весь сердечный жар своей любви и благодарность к этой женщине спешил он унести туда в Сарапул, к ней, в её уют. Хотелось снова пережить всю нежность и любовь к нему, заброшенному бедному мальченку.

Лара девушка, богатая и бедная, пригрела Озерова. Отвлекла его от улицы своей сердечной добротой и жалостью к нему, старалась приручить его, направив мысли и стремления в другую сторону. Её духовные богатства не были доступны пониманию родителей и общества, в котором выросла она-жемчужина, за что терпела много неприятностей. Снискала нелюбовь к себе отца и матери, казалась им чужой. Она, любя своих родителей, страдала не от их холодности к ней, а за их презрительное отношение к несчастью, бедности, за их бесчувствие и гордость богачей. Она за них молилась, плакала и делала добро по мере своих сил.

Лишь только «Ксения» пришвартовалась к пристани, как

Озеров уже спешил туда на набережную, которую узнал по фотографиям в альбомах у Лариссы Павловны. . . Знакомые места. . . Пошел вперед. С волнением остановился у перил. Задумался. . . И чудилось ему, как некогда она стояла грустная и одинокая. . . вот тут, и всматривалась вдаль.

«Ларисса — Лара — бедная, замученная пленница хорóm! . .» — подумал про себя и стал припоминать всю её жизнь среди богатства, злобы, зависти. . . , жалел ее, любя по-прежнему.

«Вот корридор, дорожка мягкая, неслышные шаги. Две комнаты. . . она. . . её глаза незабываемые, грустные, всегда приветливо и ласково глядели на него. Не сладок был родительский кусок для девушки. Она была чужая в доме. Только горничная привязалась к ней и называла ее «барышня Ларес».

Четыре иностранных языка Ларисса знала в совершенстве. Гувернантка и гимназия. Её тянуло в институт, но это оказалось не по вкусу хмурому отцу. «Там только голодранцы учатся!» — кричал отец. «Замужество, семья! Вот твой удел, твой институт!» — он, хлопнув дверью, уходил к себе. Ларисса плакала, но горю девичьему не помочь. Она рвалась на свежий воздух. Навещала детский дом (дом трудолюбия). Её тянуло к детям, к сиротам. Она увидела другую жизнь — тяжелую и неприглядную. Еще сильнее потянуло Лару в этот дом.

За свой визит в приют она выслушивала поучения и, наконец, ей просто запретили навещать его, дабы не принести «заразу» в дом. Отец и мать Лариссы были крестными родителями Озерова Виктора. Она, спасая честь родителей, которым не было нужды не только позаботиться о нем, но даже замечать его, решила помогать ему. Она любила его грязного, покинутого, бедного. Беседовала с ним, рассказывала мальчику о Ялте много интересного, когда они вдвоем сидели вечером в её покоях. Он дичился, чувствуя себя, как тигр, попавший в западню, и убегал. Она настойчиво звала его к себе. Рассказами о путешествиях, уроками по рисованию, выпиливанием, рассматриванием множества

картин она и приручила Озерова. Незаметно отвлекла его от улицы. Когда же он привык и полюбил бывать у ней, пошли занятия по арифметике, по алгебре, истории и языкам. Успехи поднялись; он полюбил Лариссу, привязался к ней, как маленький щенок, и слушался её. Все удивлялись, как она смогла «прибрать к рукам» волчёнка Витьку.

Время шло. Волчёнок вырос, поумнел и стал самостоятельным.

Ларисса полюбила. Капитан, военный инженер Балтийского флота, отвечал взаимностью. Он чаще стал бывать в Сарапуле и наконец просил её руки. Он получил отказ разборчивого и упрямого купца.

— За «голодранца» не отдам! — ответил он на слёзы и мольбы несчастной дочери. Два года тосковала девушка, пока отец не выдал её замуж своевольно за богатого пришельца-немца прокурора, маменькиного сынка, изнеженного и безнравственного. Он женился не любя. Богатое приданое и двадцать тысяч на руки прельстили немца. После свадьбы он потребовал обещанные деньги у отца жены и получил отказ.

Замужество Лариссы было для нее сплошным страданием... Месть мужа за обман отца была утонченной. Измученная и подавленная, мать двоих детей, приехала к отцу в день Ангела (Петра и Павла). Она жила в Москве. Защитница и путеводная звезда печальной юности и всей дальнейшей жизни Озерова, Лара и тогда в тревожный год его любила и гордилась им.

Прошло шесть лет со дня ее замужества, когда ее лишился Озеров. Теперь она сама приехала к нему отдать визит.

В один из летних дней подъехал шарабан, в который был впряжен ее любимый иноходец и с таким же старым, верным кучером. Остановился у крыльца простого, скромного жилища в три окна. По лестничке всходила молодая дама с грустным и худым лицом. Она растрогалась при встрече с ним, с своим питомцем молодым, закончившим образование. Как светлый луч блеснул на несколько минут.

—«Ларисса Павловна!!» — Он больше ничего не мог сказать, язык застыл во рту.

Но все кончается, закончилась и радость встречи с ней и женщина — душа уехала. Что думала она печальница, садясь в коляску и махнув рукой, послав воздушный поцелуй бедной семье, единственной семье, которая её любила искренно и преданно.

Что переживало сердце Озерова, проводившего последним взглядом ту, кто вырвал его юность, его жизнь из мрака и невежества, направив любящей рукой на верный путь. Он принял с благодарностью прощальный нежный взгляд любимых глаз. А в следующем году закрылась навсегда печальная страница жизни и семейной драмы незабвеннейшей Лариссы Павловны. Ее красавец муж распутничал на стороне и даже дома на глазах жены. Обиженная, оскорбленная в своей душевной красоте, Ларисса чахнула. На все мольбы о помощи несчастной дочери к отцу, тот отвечал: «Отрезанный ломоть».

Ларисса брошена с детьми безжалостно и подло. Жертва мужа и отца «иудушки», двух недостойных и морально искалеченных людей, не долго прожила на свете и растаяла в мучениях моральных и физических.

«Покинула сиротка грешный мир и отлетела к Богу чистая душа. Страдала на земле, возрадуется в небесах!» сказала преданная, плачущая няня на могиле Русской Женщины.

Очнулся Озеров, дрожа от холода и сырости. Он одинокий странник, ночью под дождем, склонился у перил, где некогда стояла и она. Теперь Лариссы нет, Ларисса умерла. И даже здесь, в холодную сырую ночь он чувствовал ее любовь и свет, который, с юных лет, блистал ему во тьме.

И снова день и снова солнце освещает море и блестит в волнах. Попрежнему ныряет «Ксения», идя вдоль крымских берегов.

Входили в бухту Севастополя. На рейде высились большие устаревшие суда: «Сисой Великий», «Три Святителя», четырехтрубные, громадные... А вот и пристань «Граф-

ская». Широкая, большая лестница спускалась вниз к воде, где ждали шлюпки. Офицеры-моряки взбегали вверх по лестнице или спускались вниз, спешили на свои суда.

Роскошный солнечный осенний день. На море штиль. Ни облачка не закрывало синь небесную над головой. Над горизонтом небо чуть затянуто прозрачной легкой дымкой. Море синее, почти что черное. Вдали оно красиво отливало серебром засыпанным оранжевыми, красными и нежно-голубыми блестками под действием лучей и легкого дыхания морской поверхности и будто мириады самоцветов устилали путь навстречу солнечным лучам. Местами море отливало бирюзой. Как бы широкая кайма переходящая в небесную лазурь сливалась с легкой дымкой голубых небес. На фоне ультра-марина красиво выделялись чайки, стаями летевшие за «Ксенией». Они парили, распластавши крылышки, над палубой, выпрашивая хлеб. Летели камнем вниз, садились на воду, парили за кормой и на лету хватали брошенный кусок.

— «Смотрите, слева впереди румынский берег». — «Ксения» идет недалеко от берега, а прямо впереди, в небесно-голубом сиянии и в блеске солнечных лучей уже видна вдали красавица Одесса.

МИША

Озеров любил Одессу, изучив её и вдоль и поперек. Особенно любил морской бульвар. Спускался вниз по знаменитой лестнице. Неподалеку созерцал величественный памятник Екатерине. Чуть подальше оперный театр, один из лучших по акустике. Приехав, поселился в номерах, недалеко от центра. Чувствовал себя прекрасно, будучи уверен, что болезнь его покинула. Однако, после длительного перерыва, она вновь вернулась. Запылали щеки, а глаза зажглись болезненным огнем. Под вечер, без предупреждения и стука, распахнулась дверь. Больной оторопел от изумления и радости. Два школьных друга обнимались, приговаривая:

— «Витька!»

— «Мишка! Сколько лет и сколько зим!» Россия так «мала», что негде спрятаться. Они разъехались в двенадцатом году, а в девятнадцатом опять судьба свела. Затих порыв восторженных объятий, Миша спохватился.

— «Что с тобой? Ты — болен?»

— «Пустяковина... Трясет по временам. Я к этому привык».

— «Ты как попал в Одессу?»

— «Волею судьбы, наверно так же, как и ты!»

— «Скажи, Мишук, как ты узнал, что я в гостинице остановился?»

— «Очень просто. Я пришел по делу в канцелярию и на доске прочел твою фамилию. Я бросился сюда, уверенный, что это ты. И вот опять я вижу эту «морду» и глаза большие... Елки палки! Жизнь то как устроивается! Ну, ладно, соловья не кормят баснями!» И он исчез с такой же быстротой, как и вошел сюда.

Прошло не больше полчаса. Как это долго показалось Озерову. Распахнулась дверь и снова Мишкина широкая «луна» заулыбалась до ушей.

— «Вот это — главное!» Он натащил каких то пузырьков и баночек. — «Ты должен это принимать и больше «никаких гвоздей»!»

— «И больше никаких гвоздей?» — расхохотался Озеров.

— «Эх, Мишка, милый мой, я узнаю тебя! Я слышу через восемь лет: «и больше никаких гвоздей». Ничуть не изменился, всё такой же друг.»

— «Я русский ведь! И в этом весь секрет.»

— «Я знаю, Миша, знаю, что ты русский, как и я. Но знаю и другое, что нам скоро здесь, на Родине, не хватит места на двоих.»

— «Не думай о таких вещах. Давай ка чокнемся разок-другой за нашу встречу. Вот коньяк! Немного, правда, маловато здесь. И то с трудом достал. А вот бутылка красного вина, оно старше нас с тобой.»

— «Да ты с ума сошел, какую гору натащил!»

— «Всё это пустяки!»

— «А масло, брынза, сало — тоже пустяки? Эх Мишенька, ну подойди ко мне!»

— «Постой, давай сначала выпьем по одной и выгоним твою болезнь!»

— «Ну, и коньяк! Такого я и в жизни не пивал!»

— «Так, значит, нужно повторить!»

— «Еще?» — «Что, ты уже с копыт долой?»

— «Да, кажется... Кружится голова... «Пошла писать губерния»! Проснулся Озеров на следующий день. Он был здоров.

— «Ну, Мишка, чародей! Сказал, что выгоним болезнь «и больше никаких гвоздей»! И выгнал.»

Рождество Христово. На дворе тепло. Который день стояла чудная погода. Мишенька вкатился в комнату нарядный и прилизанный, окутанный приятным, нежным запахом духов. На нем был новенький коричневый костюм в полосочку. Платочек пестрый, расписной кокетливо выглядывал своей каемочкой, насколько требовал «хороший тон». И весь он был какой то празднично-веселый.

— «Мишка, леший, тыфу, тыфу, тыфу!.. Куда ты разлетелся, не к невесте ли?»

— «Да, нет... Пока к тебе, а там...» — Он покраснел. А Озеров насторожился, но молчал и только с беспокойством вглядывался в доброе, открытое лицо приятеля.

— «Уж не влюблен ли ты, Мишук?»

— «Ты угадал!.. Свихнулся малость!.. Вроде как бы с рельс сошел на всем ходу, как только увидал её. И вот уже три месяца страдаю, мучаюсь, ночей не сплю.»

— «А кто она?»

— «Наташа, дочь полковника Левицкого... Пресимпатичный человек. Он овдовел уже давно, лет пять тому назад... Но, что с тобой? Ты, кажется, не рад?»

— «Не знаю, как тебе сказать!.. Не в этом дело, рад я или нет. Какое время то тревожное сейчас...» — ответил

Озеров, задумавшись. — «Как это не похоже на тебя!» — добавил он.

— «Взаимность, что ли?»

— «Да, мы оба с ней хромаем на одну и ту же ногу.»

— «Это хорошо, что на одну, но... только видишь ли...»

— «Что видишь ли?»

— «А как же дальше то, когда пинка получишь в зад и в море полетишь вниз головой? Потайишь и Наташу за собой и бросишь рыбам на съедение, что ли?»

Михаил задумался и, укоризненно взглянув на Виктора, спросил:

— «Разбитая любовь... поруганная честь и реки девичьих горячих слёз!.. Не это ли ты хочешь мне сказать?»

— «И да и нет. Подумай, Миша, мы с тобой сейчас ничто, бродяги бесприютные... И ни кола, и ни двора у нас. Сидим у моря, ждем дурной погоды, а дождемся бури, да еще какой!»

— «Ты очень мрачно смотришь на свою дальнейшую жизнь!»

— «Не только на свою, и на твою, и на Наташину.»

— «Мы все сейчас зависим от случайностей.»

— «Ты ошибаешься!.. Не от случайностей, а от судьбы!» — поправил Озеров.

— «Пусть будет так, но знай одно, что восемь лет, прошедшие с тех пор, как мы с тобой расстались осенью в Сарапуле, ничего не изменили. Я такой же, как и был тогда, каким ты знал меня почти с пеленок. Только вырос, подурнел и постарел, но душу черту не отдал. Я офицер Российской Армии!..» Он не закончил фразы, побледнел и как то скорчился от внутренних страданий.

— «Миша, что с тобой? Ты нездоров?» — заволновался Озеров. Тот горько усмехнулся. Озеров обнял его и, притянув, прижал к своей груди.

— «Ну, что с тобой?» — тревога проскользнула в сердце Озерова. Он, почувствовав прерывистое сильное биение Мишиного сердца, растегнул ему рубашку на груди, потом на-

лил стакан воды и подал другу. Тот глотал её порывисто, стуча зубами о стекло.

— «Не обращай внимания. Минутная, предательская слабость — вот и всё!» — волнуясь, неуверенно попробовал схитрить, чтобы отвлечь внимание друга, побледневший Миша. Озеров отлично понял всё. Он гладил его голову, держа его в своих объятиях.

— «Ты знаешь, Витя?..»

— «Что?»

— «Никто другой, как только ты один, поймешь меня по настоящему!»

— «Ну, говори, всё говори, что наболело на душе. Пойму, как друг, как брат родной, пойму! Ну, погляди в мои глаза!»

Всего лишь несколько секунд они смотрели пристально в глаза друг другу Миша обнял Виктора порывисто, по детски, как когда то прежде, и потерялся о его плечо. Тот вздрогнул, вспомнив то далекое и близкое, когда они, наивные юнцы, клялись «своею бородою» любить и защищать друг друга «во всю жисть». И слезы детские, как и тогда, давно, нечаянно блеснули на глазах обнявшихся друзей.

— «Мне страшно, Витя!» — Тот молчал. — «Ты слышишь? Страшно мне! Жить хочется как никогда и вдруг, у самого порога счастья...» Он закрыл глаза своей рукой. — «Ведь я люблю её!» — как вопль отчаяния со стоном вырвался из уст его.

Он встал и подошел к окну, а Виктор с болью наблюдал за ним. Он понял, что душа приятеля в смятении, а сердце ранено вдвойне. Любовь и недуг поселились в нем. Тяжелое дыхание со свистом вырывалось из груди, повидимому от нехватки воздуха. Он как то неестественно его глотал перед открытой форточкой.

Когда всё улеглось и сердце Миши, сдавленное, как в клетках, немного успокоилось, он подошел к приятелю и сел с ним рядом.

— «У меня порок. Ты знаешь, что это такое!» Озеров, ко-

нечно, знал и лучше Миши понял всё. Порок последней степени наметил сроки жизни Миши.

Старые друзья встречались каждый день. Делились радостями и печалью и говорили много обо всем, — о пройденном пути, — но не касались будущего. Озеров старался развлекать приятеля, когда тот приходил к нему по вечерам. Все дни до темноты он проводил в порту, на базе, карауля приходившие суда.

Всё инженерное имущество в конце концов получено и переправлено на станцию. Отряд строителей укомплектован полностью. Готовились к отправке в Вознесенск. Нежинский нажимал все кнопки. Явное вредительство, бюрократизм и много всяческих преград и неприятностей мешали выезду. То там, то там, по линии происходили взрывы и поломки. Красные рвались вперед. Дивизия Котовского шла маршем к морю, не встречая на пути серьезного сопротивления. Подонки города, которыми так славилась Одесса, распоясались. Убийства среди бела дня и грабежи всё учащались. Власть была бессильна справиться с разгулом черни и одесских «молодцов», всё больше выпуская вожжи. Почва уходила из-под ног.

В последние тревожные недели Озеров вдруг стал «богатым» человеком, получивши, в виде жалования, много «колокольчиков», — так назывались тысячерублевые бумажки «ассигнации» с изображением «царь-колокола». Их было выпущено видимо-невидимо. Не обеспеченные золотом, они буквально ничего не стоили. Валюта падала катастрофически. Всё быстро приближалось к своему концу. Вот-вот затянутся последние узлы.

СОВЛАЗН

Миша звал приятеля с собой.

— «Я говорил с полковником. Рассказывал ему о нашей встрече. Он согласен взять тебя и высказал желание скорее познакомиться. Поверь, что это будет лучше и тебе и мне.

Поедем вместе... Женюсь!... Я на Наташе, ты на Ольге...
Породнимся!»

Миша замолчал. Тень промелькнула по его лицу. Каким то жалобным, молящим взглядом он взглянул на друга, словно ждал сочувствия и помощи.

«Бедняга!» — думал Озеров. Как тяжело смотреть на его бледное лицо. Ведь он был счастлив он любил, мечтал о будущем. Он радовался, как ребенок, позабыв на миг то страшное и неминуемое, что носил в себе. Когда, очнувшись, вспоминал, опять впадал в уныние. Он часто приходил за утешением. Надежда снова воскресала в нем и будоражила воображение: он молод, полон сил, он всё переживет и переборет недуг. Озеров поддерживал в нем это настроение и говорил, что надо потерпеть. В Европе ждет его любовь. Там есть прекрасные врачи. На время Миша успокаивался, позабыв болезнь. Природный оптимизм и жизнерадостность брали свое. А Озеров и сам не верил в то, что говорил. Он был у доктора, который и лишил его последней искорки надежды. Озеров, узнавши приговор, был поражен. Он все-таки надеялся на лучшее. Несказанная радость встречи с милым другом и в него вселила лучшие мечты. Он думал, что вдвоем им будет легче пережить лишения, крушение надежд и государственный позор. Однако же и здесь их мысли и стремления печально расходились в стороны. Разлука двух друзей казалась предрепешенной, независимо от них самих.

В то время, как его приятель Миша так стремился за границу за семьей полковника, у Озерова с каждым днем сильнее возмущалось всё внутри. На сердце осаждалась горечь и тоска. Как может он покинуть Родину, оставив позади родные берега, и даже мысль о выезде его страшила пуще прежнего. Она так несозвучна с внутренним душевным состоянием. Его привязанность, его любовь к великой, горемычной Родине, которую исколесил он вдоль и поперек, страдая вместе с нею. Нет нельзя! Даже теперь, в последние часы его душевного разброда, разве может он решиться на отъезд? И разве хватит мужества, чего бы ни случилось с ним, покинуть Родину?

Семья полковника Левицкого была немногочисленна: полковник и его две дочери — невесты.

Озеров, идя с визитом ради праздника, принарядился, приосанился. На нем был френч и галифе, а на ногах изящно сшитые по мерке сапоги. Сегодня Новый год, вот почему он, вопреки желанию, благодаря настойчивости Миши, приобрел парадный вид. Он принят был в семье полковника весьма радушно и тепло.

— «Имею честь представить — юнкер-александровец!» — торжественно сказал полковник своим дочерям. — «Я очень рад вас видеть у себя», — добавил он. — «Я много слышал и узнал о вас хорошего от вашего приятеля.»

— «Мы тоже рады с вами познакомиться!» — сказала Ольга, старшая сестра. Знакомство, видимо, понравилось обеим сторонам. Второй визит друзей в семью полковника произошел в Крещение, разговор вертелся около отъезда за границу. Настроение двух девушек сестер было прекрасное. Наверно они думали, что «заграница» встретит их, как дорогих знакомых. Озеров, наоборот, не разделял такого мнения о загранице, но был вынужден сказать и снова подтвердить свое желание покинуть Родину. В конце концов и он повеселел, удачно избежав атак своих красивых собеседниц. Он сидел и думал, глядя на задумчивую Ольгу, находя, что имя Ольга не подходит к ней, и даже высказался в этом духе. Девушки потребовали пояснения. Пришлось высказываться до конца. Ведь Ольга в представлении его, воспитанного романтически, должна быть экспансивна, подвижна, восторженно стремительна.

— «Точь в точь, как Ольга Ларина?», насмешливо спросила младшая сестра, не дав договорить.

— «Вы угадали мои мысли. Да, я вспомнил Ольгу. . . Ларину, с которой познакомился когда то прежде, и. . .»

— «И что же?», перебила вновь Наташа Озерова и притом смеялась громко, заразительно.

— «Она мне нравилась, ужасно нравилась», ответил Озеров, шутливо глядя ей в глаза, а Миша покосился на прия-

теля. Наташа вскинула своими дивными глазами на него и покраснела вся, поняв его намек.

— «Прошу прощения!» — кивнул ей Озеров. — «Я вовсе не имел намерения вас смущать. Я только лишь хотел сказать, что вы родились Ольгой. Это имя вам подходит более.»

— «О, я согласна с вами!», крикнула Наташа (Ольга), закружившись по ковру. Она умышленно раскручивала верером свое воздушное, небесно-голубое платье. Видно было, что сравнение с Ольгой Лариной пришлось ей по душе и привело ее в неистовый восторг. Тут Озеров толкнул тихонько Мишу в бок и прошептал: — «Смотри на свою «Ольгу»!»

— «Витька, замолчи!», ответил Миша полушопотом. — Я не могу! Я, кажется, схожу с ума!»

— «Мой бедный, бедный друг» — подумал Озеров. «Наташа ведь еще совсем ребенок, взбалмошный, игривый и пригожий, но...» Он загляделся на неё и думал про себя: «Она действительно мила, изящна и красива... мало этого, она обворожительна!» Он перевел свой взгляд направо, в кресло у трельяжа и... глаза их встретились. (Татьяна) Ольга, видимо, о чем то думала и, неожиданно столкнувшись взглядом, опустила голову. Но не сконфузилась, как младшая сестра, а так... повидимому, нужно было опустить её, подумал Озеров. Её каштановые волосы чудесными волнами улеглись на лоб. Встряхнув кокетливо своей прелестной головой, она их перебросила назад. Потом, переменивши позу, повернулась к собеседникам. Она не покраснела, как сестра, не опустила глаз, а смело смотрела на него. «Её глаза сильнее — думал Озеров. Я должен опустить свои, иначе покраснею сам». Он опустил, но все же покраснел, а Ольга засмеялась весело, довольная победой и собой.

— «Я не Татьяна Ларина, а вы... и вовсе не похожи на Онегина. Я это поняла, послушав разговор. Ведь правда, вы готовили мне этот комплимент?»

— «Готовил. Вы правы, но сам к нему не подготовился.»

— «И дальше что?»

— «Не знаю женского лица и не читаю по глазам!»

— «Мне вапа искренность мила!» ответила она. — «И не способны заглянуть поглубже?» наступала девушка.

— «И не способен!..» не смутился Озеров. — «В чем вам и признаюсь!»

«С такими девушками шутки плохи — думал он. — Недаром Мишка потерял свой ум!.. Пора бежать!.. я больше не приду, — сказал он про себя, прощаясь с ними на крыльце. «Из трусости?» — как будто спрашивала пара глаз, насмешливо глядя ему в лицо.

— «Когда придете к нам?» спросила Ольга.

— «Скоро, очень скоро... ну, а впрочем... я не знаю сам когда!»

С упреком на него взглянула девушка и на прощанье погрозила пальчиком.

— «Нет, больше не приду!» — позорно отступал герой, как видно, не надеясь на себя.

Он больше не пришел и всё оттягивал свидание под разными предлогами, чем огорчил семью полковника. Пришел проститься за пять дней до страшного конца, но тут же вынужден был вновь пообещать поехать с ними. Он солгал. Солгал умышленно перед людьми, которых уважал. Солгал перед самим собой и, вообще солгал. Простим ему!

Пять дней тяжелой внутренней борьбы. — Как быть, как успокоить Мишу?.. Обмануть его... Какой соблазн!.. Ведь он придет, в чем Озеров не сомневался. Он пришел действительно. Ввалился в комнату взволнованный и бледный, видимо приняв решение забрать приятеля с собой.

— «Ты едешь, наконец?»

Как трудно овладеть собой! — подумал Озеров и отвернулся в сторону, чтоб скрыть свое волнение.

— «Ну, отвечай мне, едешь?»

Миша тряс его, стараясь повернуть лицом к себе. Его тревожный взгляд невольно приводил в смятение болезненные мысли Виктора.

— «Да!.. Нет!.. Конечно нет!» — твердил он про себя. «Мой бедный Миша, мучается сам и за меня страдает, хочет

увезти с собой. А я то... Что со мной? Что ждет меня? Куда идти, что предпринять? Уедет друг, а я останусь здесь. Мы с ним ведь никогда не встретимся!» Больные мысли проносились с быстротой в уставшей голове, все больше наседавая друг на друга. Озеров сильнее нервничал. Чем объяснить гнетущую тоску? А плакать то как захотелось вдруг. Так вот и разрыдался бы в объятиях друга, бурно и порывисто, пока еще не сказано последнее решительное — нет.

— «Ты едешь, наконец, несчастный?» — закричал в отчаянии его действительно несчастный друг.

— «Еще немного... обожди... прошу тебя!»

А Миша жалобно смотрел ему в глаза. Сомнение закрадывалось в душу. Он съёжился в комок в объятиях приятеля, как слабое дитя.

— «Вот наказание! Ведь ты погибнешь здесь, убьют тебя! Я не могу тебя оставить одного!»

Решение принято. Он задохнулся, выдавив с трудом:

— «Да, еду!»

— «Наконец то!» — отлегло от сердца.

Озеров опять солгал. Да он иначе и не мог бы поступить в такой момент, жалея друга. Он старался овладеть собой, чтобы сдерживать волнение и боль, кипевшие внутри.

— «Я не могу сейчас... пойми меня! Дай время подготовиться, приду позднее.»

— «Слово?»

— «Да, да, да... а!» — в отчаянии воскликнул Озеров.

Один ушел довольный, успокоенный. Другой — разбитый, обессиленный, наедине с самим собой. Он, как бы потерял способность что-нибудь соображать, не мог собраться с мыслями. Они, как стая голубей, беспомощно металась над пожаром, обжигая крылышки и падая в огонь. Ведь там, под крышами домов, в дыму и пламени, их гнездышки, а в них беспомощные милые птенцы. Как трудно овладеть собой, чтоб трезво оценить создавшееся положение. Вдруг, словно ток прошел внутри. Он, задыхаясь, выскочил из комнаты и крикнул в коридоре.

— «Миша, подожди!» — и тут же, испугавшись собствен-

ного голоса, он прислонился к косяку двери, едва дыша. «Что я наделал дуралей?» — он ущипнул себя и поборол свое отчаяние, чуть чуть не вырвавшись наружу.

Миша вышел из фойе, идя назад.

— «Чего тебе?» — Он деланно спокойным голосом ответил:

— «Ничего... иди!»

— «Зачем так тяжело!» — подумал он, входя к себе и, хлопнув дверью, опустился в кресло. Миша подошел к двери.

— «Нам нужно торопиться, не задерживай, сейчас же приходи!»

В последний раз он слышал Мишин голос. Тот ушел с хорошим настроением.

«Поверил на слово, а я? Так нужно нам обоим. Он поверил мне, как прежде, как всегда он верил Озерову, и... ошибся в первый и последний раз. Какая мука!..» Он купал свое лицо в подушке, тяжело дыша.

«Нет!.. Это невозможно, нет! Расстаться навсегда и не проститься с ним... Зачем все так случилось?... Так жестоко, глупо!.. Потерять такого друга, Боже мой! Оборвалась, нет — раскромсалась вся на мелкие куски последняя страница преданнейшей дружбы двух людей. Не может быть!.. Все это бред какой то, вот и все.»

Глаза его уставились в одну единственную точку на стекле окна. Сначала неподвижную, потом она задвигалась и, будто, поползла. Да, поползла, он в этом был уверен. А как «важно» для него сейчас: шевелится она или сидит на месте недвижима... Странно!.. ведь она в таком же состоянии расстройства и растерянности, как и я. Он встал и подошел к окну.

Мне жаль её... — подумал Озеров. — Я должен ей помочь, а то она погибнет на окне от голода и холода... а он? Он также одинок сейчас, как и она, и он погибнет с ней одновременно под напором надвигающейся бури и тоски... Он оторвал кусок газеты и, придвинувшись поближе осторожно стал подсаживать беспомощную муху. Словно мысль какая

то «блестящая» спасительная мысль, засела в голову. Ему казалось, что он должен непременно должен ей помочь спастись от гибели. Её судьба переплелась с его судьбой. Та не пыталась улететь, она была без сил. Она, наверно, будет благодарна, если он поможет ей тихонько опуститься между рамами. Она заснет в пыли до будущей весны, пока её не отопреют теплые весенние лучи.

«Ну вот, иди туда... Иди счастливая!.. Скажи спасибо, что я спас тебя!.. А я куда пойду? Что ждет меня, где я найду покой? Кто защитит меня, кто так же бережно прикроет до весны? Кто пожалеет, посочувствует в тяжелую минуту жизни?..»

Озеров насторожился, даже вздрогнул, услышав шаги за дверью. Кто то шел по коридору... Это Миша!..

Заскрипела дверь в соседнем номере и всё затихло.

«Нет, не он! — вздохнул он с облегчением. — Но он еще придет, он непременно будет здесь. Он не оставит друга одного в беде и сделает еще попытку увести с собой. — Идея! — вдруг мелькнуло в голове. — Я напишу ему письмо, а сам пойду... «гулять». Какая мысль пришла мне в голову, ведь право же отличная... и остроумная... Нет, просто гениальная!»

Конверт, бумага, карандаш как бы нарочно приготовлены. Письмо написано, оно осталось на столе, а Озеров ушел «гулять» на свой бульвар. Куда же мог бы он еще пойти в последние минуты гибели всего, что он любил, что ему было дорого всю жизнь. Он вышел, как во сне, на улицу, а в голове какая то мелодия и глупые слова. «Они как раз к моменту и знакомы всем, как это там?.. Ах, да! припомнил всё «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить!.. Вот здорово как!» — Озеров, и сам не замечая, хохотал до слез.

— «Эй!.. Сивый мерин! С голодухи ржешь?» — и двое, обменявшись взглядами, свернули в сторону и расплылись в морозном воздухе. На что ему «цыпленок жареный» и почему полезла в голову вся эта дребедень. Ему вдруг стало так не-

выносимо тяжело. Он был готов кричать от горя и от жалости и к Мише, и к себе.

— «Мой бедный друг, прости меня! Мне так здесь плохо без тебя, в моем ужасном одиночестве в Родном Краю!»

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

Метались люди, бледные, растерянные. Под ногами зыбкий берег, их последнее убежище, а позади навис ужасный шквал. Вот, вот он с силою обрушится на всех.

Уже доносится гром канонады. Слышны вопли, стоны и проклятия. А впереди? Бушующее море — темное, сердитое, неумолимое. Оно шумит, ревет и плещет на берег, плюется пеной и кипит среди камней. Сквозь мрак и ветер вдалеке не видно ничего. Чужая, неприветливая сторона, а потому и сердце бьется у людей тревожно, тяжело, душа в смятении. Она тоскует и болит от горького сознания вины перед несчастной Родиной, униженной и преданной своими же детьми. — *Что может быть милее, краше и роднее, пускай замуженной, голодной и истерзанной, но всетаки великой и прекрасной Родины.*

— «Ма-а-ма! Маа-а-мочка!» несло из за обрыва. Ноги подкосились, словно приросли к земле. Схватился за сердце. В ушах звенел отчаянный призыв малютки.

Родина взывала к совести людей. Они метались, как безумные, внизу, в порту, теряя вещи и... детей, теряли образ человеческий. С искаженными лицами, растрепанные, грязные бросали все и шли на приступ пароходов, чтобы какнибудь спастись... Они на палубе. Стоят «счастливые», усмешка на лице.

А там, на набережной крики, плач, мольбы о помощи...

Что представлял собой Одесский порт в последние часы, не поддается описанию! Какая масса *бедных* русских обезумевших людей! Их тысячи, десятки тысяч заполняли берег. — «Ма...а...ма! Ма...мочка!»

Вы — за границами родной земли! Вы не забыли свою Мамочку, которую покинули в беде? Припомните морской бульвар, и там, внизу, в тот памятный, последний день. Пусть ваше сердце защемит от жалости. Вы слышите призыв покинутых детей? Их миллионы там, голодных и измученных. А может быть, не слышите призыва: — «Ма...а...ма!» «Ма...а...мочка!»

Вот кончился бульвар, пошел назад. Остановился у перил перевести дыхание, со свистом вырывавшееся из груди. Присел, задумался. . . Всё как то неестественно ходило у него перед глазами. Голова болела. Шум стоял в ушах, а мысли вновь перенеслись в ту комнату, где он со страхом ожидал в последний раз прихода Миши. Он придет за ним, он не оставит друга одного в такой ужасной обстановке. Как же быть, как избежать последней встречи с ним? Нет сил еще раз испытать тяжелое прощание.

«Я лучше напишу ему письмо». И написал. Он умолял приятеля не беспокоиться о нем и пожелал ему счастливого пути, привет семье полковника. . . и всё. Меж тем, тревога охватила город. Озеров всё шел куда то. . . Он не знал куда. Одна назойливая мысль сверлила мозг: «Я одинок теперь, как никогда. Нет никого; ни близких, ни друзей, ни даже попросту знакомых. Все уехали, а я остался здесь, хотя имел возможность выехать. Обидел милую семью полковника. Обидел друга и теперь брожу по улице, как привидение.»

Вокруг царил хаос, куда то все бежали, ехали. Он слышал крики, ругань, плач и выстрелы, а на бульваре царствовал покой и тишина. Зато внизу был слышен отдаленный шум. Вдруг возглас позади:

— «Приятель, стой!! Вот так! . . И лапки кверху подыми.» Карманы вывернуты. Деньги и часы переменили место жительства и перешли в чужой карман. Порывшись и забрав все мало-мальски ценное, два дюжих молодца заржали, словно лошади. Потом, пощупав пальцами пустой бумажник, бросили его под ноги Озерова.

— «На возьми! . . Чужих документов мы не берем, «рабо-

таем» на совесть... Ну, пока!» — они отдали честь и, как «порядочные» воры, отошли немного в сторону и сели на скамью.

«Всё взяли... отняли... последнее... Бог с ними!... Им нужнее. Да и что все эти пустяки в сравнении с вечностью,» болезненно застряла мысль в уставшей голове.

«Улица, улица, улица веселая,

«Ходит по ней публика

«Босая и голая!»

неслось по улицам покинутой Одессы. Озеров остановился, словно вкопанный. «Куда теперь идти?..» Туда вперед, куда метелица метет...» — ответил сам на свой вопрос. О чем он думал? Он и сам не знал. О чемнибудь, наверно, думал. Мысль не дремлет, день и ночь работает. Ведь даже глупая свинья и та о чем-то думает. Он, попросту, не отдавал себе отчета в том, о чем он думал, что вокруг него творилось. Шел без цели в «никуда» по опустевшим улицам. И не успел он выйти на большую Дерибасовскую улицу, как вновь столкнулся с тройкой пьяных молодцов.

— «Здорово, брат!.. Н...на, получи!» Они свернули за угол и заорали на высоких нотах неприятными, пронзительными голосами:

«Где ты... бродишь, сербияночка моя?

«Пузырьки с собою носишь,

«Отравить хочешь меня!»

Удар, довольно крепкий, угодил в висок и в ухо. Озеров качнулся в сторону и, потерявши равновесие, свалился на панель, ударившись о что-то головой. В глазах поплыли круги, всё закружилось перед ним. Он потерял сознание. Придя в себя, увидел над собой склоненного мужчину средних лет с повязкой на руке. Тот вытирал ему лицо, запачканное кровью, каплями стекавшую из правого виска.

— «Собаки!» — выругался незнакомец, помогая встать.

— «Одесса-мама» разгулялась!» — поучительно добавила старушка, высунувшись из окна.

Действительно, Одесса «разгулялась» не на шутку. К вечеру опасно стало выходить на улицу. «Братишки» распоя-

сались, врывались в частные дома и грабили, а люди прятались.

Второго февраля, в морозный день, входили в город красные. Они шли через Пересыпь — район, скорее пригород. Что было там, в порту, в тот памятный и страшный день? Резня. Попали ли на пароход полковник и его две дочери, а с ними Миша, первый и последний друг?

Нахлынувшая в порт, в последний день, людская масса не могла попасть на уходившие суда. Они отчалили от пристани. Покинутые милыми союзницами и «отцами города», суда, набитые людьми, стояли трое суток навиду у всех. Их даже не снабдили топливом. Отчаянные вопли услышал пришедший иностранный пароход, какой то греческий угольщик, и снабдил углем застывшие суда. Машины заработали, и Родина осталась позади.

Т Ъ М А

Как ядовитое, гнилое испарение, как туман прошли два месяца сиденья за колючей проволокой. Каждый день, наполненный тревогой за свою судьбу, не проходил благополучно для несчастных пленников. Большие списки смертников мелькали в затуманенных глазах. А сколько зуботычин, сквернословия!

Работали с утра до вечера: закапывали рвы, окопы, рыли ямы для расстрелянных. Но были и счастливые, затребованные извне. Тех отпускали «насовсем», вычеркивая имена из списков заключенных. Приходили люди с «воздуха» и выбирали тех, кто выглядел бодрее всех, здоровых, крепких и выносливых. — «Счастливые!» — несло им вслед, когда те выходили за ворота с сияющими лицами.

— «Кого я вижу? Озеров, ужели это вы? Я не ошибся? Боже мой, как хорошо, что я пришел сюда. Сама судьба вас, видимо, хранит. Я скоро снова буду здесь и выручу вас из беды.»

Он говорил поспешно, шепотом, оглядываясь в стороны.

— «А вы то, Николай Семенович, зачем сюда пришли?»

— «Потом всё расскажу, не надо привлекать внимания шпииков.»

Под вечер он опять пришел в сопровождении начальника команды «Гурт-скота». Взволнованный случайной встречей нервный Озеров весь день ходил по длинному двору. Он часто подходил к контрольной будке у ворот тюрьмы, пока не увидал своих освободителей. Его затребовали в «Гурт-скота» снабжения дивизии.

Откуда взялся Николай Семенович Калюжный? Озеров был с ним знаком еще по Управлению В. С., где тот служил кладовщиком. Встречался с ним, когда случалось приезжать по делу в Оренбург. Он же помог ему на станции достать и получить имущество для полевого телефона. Боевой, смысленный и увертливый Калюжный, видимо, сумел найти лазейку, чтобы влезть в Продмаг дивизии. «Какое странное стечение обстоятельств» — думал Озеров. Всё будто просто и естественно, а вместе с тем необъяснимо и таинственно.

Шли месяцы скитания в «почетной» должности погонщика скота. Одесса, Бирзула, Вапнярка, Жмеринка, какие памятные, страшные названия! Вапнярка и, в особенности, Жмеринка. У Озерова новые друзья, которые хотели вывести его в красноармейцы и тем самым скрыть его прошедшие «грехи». Им это удалось, но не теперь, а много позже.

Станция Вапнярка, как зловеющий призрак будущего Родины, как страшный сон, застряла в памяти уставшего, измученного Озерова навсегда. Состав стоял в глубоком тупике недели полторы. Вагоны вытянулись вдоль забора, оголяющего сад. «Тропинка смерти» узкая, протоптанная босыми ногами жертв. Она тянулась между садом и вагонами направо, уходя далеко в степь. Немного в стороне какие то несчастные копали ямы. Слышались винтовочные выстрелы и кто то падал в ямы. Это те, кто сам себе выкапывал могилу. Возвращались палачи, уставшие и почерневшие, с необъяснимым выражением жестокости и тупости на лицах. Это «правосудие» свершалось на виду у всех.

— «Ведут, ведут!»

— «Кого ведут?»

— «Священника!»

Бессилие и сдавленную боль внутри, обиду за поруганную гордость русского тысячелетнего орла почувствовал вдруг Озеров, когда, не веря собственным глазам, он увидел идущего священника, как символ святости Российской Земли, потоптанной ногами недругов. Он видел все с начала до конца и в эти страшные минуты набирался хладнокровия, чтоб быть непримиримым до конца к теперешним хозяевам порабощенной Родины.

Священник шел с поникшей головой в сопровождении трех «рыцарей» лукавства, злобы и предательства. Они шли с ружьями на перевес, направленными дулами вперед. Как страшно, как величественно зрелище. Лицо священника бледно. Оно слегка опущено, глаза смотрели вниз. Его шаги спокойны и размеренны. Ни признака волнения, ни страха не было написано на восковом лице. Спокойное смирение светилось, будто изнутри, а губы шевелились. Он молился, осеняя изредка себя крестом. Что это — сон, галлюцинация? Нет, вовсе нет! Действительность, похожая на сон.

— «Ведут!»

— «Кого?»

— «Военного!»

— «Смотрите!» — шепотом неслось из уст в уста.

— «Он красный командир, нашивки даже не сорвали.»

Молодой боец был бледен. Голова завязана платком, из под которого сочилась кровь, а под глазами синяки. Глаза уставились туда вперед, где рыли ямы. Поступь неестественно тяжелая, в коленях чувствовалась судорога. Губы синие, сухие и распухшие. Он смачивал их языком. Старался быть спокойным пред людьми, которые с тоской и ужасом смотрели ему вслед.

Все эти дни томило грудь какое то тяжелое предчувствие. «Что ждет меня?» — с тоской и страхом думал Озеров. Об этом будет сказано позднее, а сейчас:

— «Опять ведут!»

— «Кого?»

— «Наверно «кулаков», пять человек крестьян в изодранных рубашках с испытymi, желтыми и пасмурными лицами.

— «Ведут!»

— «Кого?»

— «Красноармейцев рядовых, двух человек.»

— «За что же их?»

— «Избили политрука, слышь.»

— «И поделом ему, прохвосту!»

— «Шш! . . Об этом лучше помолчать.»

— «А это что еще?» Нет больше сил смотреть. Как будто волосы шевелятся на голове!

— «Кого ведут?»

— «Не спрашивайте! . . Юношу . . мальчишку, лет шестнадцати, семнадцати, не более.»

— «За что его, за что?» — волнуясь спрашивали проходивших мимо, но никто не знал за что.

Кто это там кричит так страшно, так пронзительно? —

Все словно приросли к земле, беспомощно жестикулируя. Не только люди, даже лошади подняли головы и перестали есть, тревожно поводя ушами.

— «Ваничка! . . Сынок! . . Родимые, пустите, это мой!» — она кричала страшно, истерически, цепляясь за одежду палачей, бежала, падала, растрепанная вся, растерзанная.

— «Ваничка, родной! . . Родимые! . . Да что же это с нами делают?» — взывала мать к случайно проходившим людям. Все молчали опустивши головы.

— «Ванюша! . . Отпустите изверги проклятые! . .» И вдруг удар по голове, она упала и замолкла.

Озеров забрался в угол между лошадьми, зажавши уши. Он не мог понять, что это всё действительность и он свидетель преступления. Ему казалось, что вот-вот придут за ним и уведут туда же в ямы, где два раза в день закапывали русских пленников.

ПРЕСТУПНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ

Вот и Жмеринка — гнездо советской инквизиции. Предчувствие не обмануло Озерова. Страшные минуты жизни медленно, но верно приближала стрелка времени. Он должен здесь погибнуть вместе с сотнями и тысячами жертв.

Беревка, вымазанная в крови, едва не затянулась у него на шее, но его всегдашняя хранильница — «Женщина—Судьба», в которую он верил, не покинула его и в эти страшные последние часы.

Приказ получен: выгружаться из вагонов и идти на Могилов-Подольский. Рано утром выгрузили скот и «пехтурой» погнали за околицу. В обед жара усилилась. Дневное солнце жгло невыносимо.

Пыль столбом стояла над огромным стадом. Овцы блеяли, давя друг друга, и сжимались в тесную сплошную массу. Задыхались от жары, от пыли и усталости. Коровы жалобно мычали. Гул и стон стоял вокруг, сопровождая это шествие. Овец оставили в селе, чтоб не случился массовый падеж. Коровы продолжали путь. Ни озера, ни речки на пути, ни деревца. Лишь только к вечеру завидели вдали большое озеро, заросшее вдоль берегов густой травой.

— «Товарищ комиссар!» — остановил начальника гурта крестьянин маленького придорожного села.

— «Вы будьте осторожны, придержите стадо, дайте отдохнуть ему. Жара спадет, тогда на водопой. Здесь нехорошая трава (осока), ядовитая, а скот уставший и голодный, бросится, завидев воду, обопьется. Кабы не случилось что!»

— «Иди отсюда прочь! Чего ты мелешь то, не слишком ли умен!»

— «Ну, вам виднее, вы ученые, а я то что, сам по себе.»

«Мужик» покорно отошел, почесывая за ухом. Пролетка «умного» начальника поехала вперед.

Пройдя еще немного, начали спускаться к озеру. Пологий спуск тянулся с полверсты. Мычание усилилось. Коровы с силою вбирали воздух, чуя близкий водопой. Все стадо взбудоражилось и вдруг, уставившись вперед горящими

глазами устремилось вниз, задрав хвосты. Начальство растерялось, поняло «ошибку». Пробовали задержать бегущий скот, но было уже поздно. Стадо ринулось с разбега в камыши и дальше в озеро. Коровы, стоя по брюхо в воде, с остервенением глотали воду. Деревушка в двух шагах от озера. Уставшие крестьяне бросились на помощь. Они с гиканьем и свистом били по спинам коров, стараясь выгнать из воды. С большим трудом им это удалось.

Начальник, бледный и испуганный, сидел, закрыв лицо, опершись на ладони рук. Он растерялся окончательно, увидя «пьяный» скот, и не решался правде посмотреть в глаза.

— «Пропал, пропал!» — шептал он про себя. Задор прошел и мужество его покинуло. Он больше не заботился о стаде, о спасении коров, а лишь о том, как отвести удар от собственной персоны, поскорей удрать на Днестр, где находился штаб дивизии. Там все его друзья. А между тем на берегу коровы падали. Иные сами отходили, многих удалось спасти. Спасибо «глупым мужикам».

Ревтрибунал охотно расстрелял бы всех за двух коров, а их погибло сорок восемь штук. Их резали упавших, но еще живых. Весь берег был усеян тушами.

Начальник наконец опомнился и даже ожил. В голове его созрела мысль (идея) гадкая, конечно, и преступная, но верная. Крестьянские подводы прибывали.

Кто поедет в Жмеринку сопровождать убитый скот? Там все враги и рады отомстить за всё. Кто будет жертвой его собственной небрежности? Он, как начальник «Гурт-скота»? Конечно, нет! Помощник? Тоже нет! Он лучший друг. Зачем же подставлять его под дуло револьвера. Не начальник ли команды? — Как же можно. Он ведь свой и говорит с большим акцентом. Главный надзиратель? Нет, он личный друг начальника гурта. Еще три надзирателя, который же из них? Они все старые друзья и собутыльники. Так кто же?

Озеров все знал заранее. Вопрос решался хитрым латышем не иначе, а только так, а потому и был ни жив, ни мертв. Он с грустью ожидал свой приговор. Его догадки были основательны.

— «Товарищ Озеров», — сурово глядя вниз, позвал его начальник, — «ты поедешь со скотом. Ты образованнее всех и лучше всё «обтяпаешь»». Потом добавил, помолчав:

— «За эту дружбу я готов такой же дружбой отплатить тебе». Начальник хмурился и не смотрел молчавшему «помощнику» в глаза, боялся видно.

«Жребий брошен!» — думал Озеров. Он должен расплатиться за вину виновников несчастья.

— «С тобой поедут четверо красноармейцев из «Гурта». Тебя я назначаю старшим и ответственным за всех.»

Какое издевательство! Ирония судьбы!

Печальная процессия тянулась по дороге в Жмеринку. Хорошие ребята, русские, сопровождали битый скот туда... в Ревтрибунал. Им не грозило ничего. Они простые смертные — красноармейцы, подчиненные ему, а он? Он — «старший», отвечающий за все несчастья. Он мрачно шел за мертвым грузом, думая: Ведь я же человек, как и они. Зачем же так несправедливо поступили с ним. А там, в Ревтрибунале тоже люди ведь. Я выполняю омерзительный приказ. Они укрылись за моей спиной. Я должен вместо них нести ужасную ответственность. Они её избегнут, выйдут чистыми, оправданными, ну... а что со мной, что ждет меня? Кто выходил живым за стены трибунала?

Невольно навернулась на язык ходячая в народе песенка:

«Эх, яблочко, куда катишься,

«В трибунал попадешь не воротишься!»

Он горько усмехнулся над самим собой. Душа протестовала в своем собственном бессилии против коварства, злобы и предательства.

Он шел понуря голову и... только думал, думал и молился: «Господи! Я здесь один среди врагов. Я не прошу у них ни крошки сострадания, они ведь не услышат, не поймут. Тебя прошу: дай эту крошку милости!»

Вдруг словно ток прошел внутри. — Что, это Жмеринка?.. Как это страшно... страшно как...! Зачем так скоро мы пришли? Почему так тяжело в груди и сердце так встревожено...? А может быть, бежать? И тут же на него нашло

тупое безразличие. — Куда бежать, зачем? Ведь всё равно от смерти никуда не спрячешься. . . И кто же будет отвечать за сорок восемь туш.

Входили в Жмеринку. Телеги с тушами ползли по улицам, вздымая пыль. На лицах встречаемых жителей написано недоумение и страх.

— «Откуда погребальная процессия?»

— «Что ждет виновных за падеж скота?»

Вдогонку им летели возгласы сочувствия и жалости, но слышался и смех злорадства и непонимания. «Над чем смеются?» — думал Озеров. В чужую душу не заглянешь, чужие мысли не прочтешь. Никто не объяснит причины тайной радости за горе ближнего.

Подводы сбились в кучу на базарной площади. Какое зрелище открылось изумленным взорам множества людей, собравшихся вокруг подвод.

— «Его и расстрелять то мало!» — жестко и увесисто сказал один из зрителей, стоящих позади.

— «А кто их разберет, ищи виновника! Идем подальше от греха!» — ответил вразумительно другой.

Как грустно стало на душе от этих слов. Он с горечью сознал всю невозможность выпутаться из беды в подобной обстановке безисходности.

— «Вы ожидайте здесь. . . и будьте начеку, а я пойду в отдел снабжения. . . , вернусь сейчас же!»

Озеров сказал это несвойственным ему холодным, жестким голосом и, как во сне, стал пробираться сквозь толпу. Вернулся не один. С ним были двое представителей «Снаб-арма».

Бросив равнодушный взгляд на туши битого скота, они переглянулись. Озеров просил прислать ветеринарного врача для составления акта на предмет приемки туш.

— «У нас здесь нет врача, — ответили они. — А если бы и был, так что? Кормить дохлятиной своих красноармейцев мы не будем.»

Представители ушли. «Какие варвары жестокие!» подумал Озеров, глядя им вслед.

— «Товарищ. . . Господин! Я знаю доктора», — сказал один из возчиков крестьян. — «Он тут недалеко живет, хороший человек. Он спас мою жену.»

Подводчик с состраданием смотрел на Озерова, понимая всё. Он был свидетелем тяжелой драмы, приключившейся на озере.

— «Идите. . . Позовите. . . если можно!» — благодарно произнес упавший духом Озеров. Ему хотелось верить, что еще осталась тлеющая искорка надежды, что его судьба еще не решена. Минуты шли. Со страхом и надеждой он смотрел в ту сторону, откуда ждал спасения.

Спасение пришло. Он увидал идущего подводчика в сопровождении высокого мужчины, лет пятидесяти.

Доктор (это был действительно его спаситель доктор) шел спокойно, медленно среди телег и вглядывался в туши, жарившиеся на солнце. «Вот та крошка милости, которой я просил», — подумал Озеров.

Но что случилось с ним, он весь дрожал. Холодный пот большими каплями усеял лоб. Он стал зевать. Какая странная реакция! Ему вдруг так неудержимо захотелось спать. Он видел доктора, которого еще не знал, но чувствовал, что в этом подневольном человеке искрилась решимость какнибудь помочь беде. Глаза их встретились. Тот подошел и тихо произнес:

— «Поплите в Р.К.И. (Рабоче-крестьянскую инспекцию) кого-нибудь из ваших спутников. Сошлитесь на меня. Вот моя карточка. Пусть скажет: доктор вызывает представителей от Р.К.И. составить акт приемки битого скота.»

Незамедлительно явились двое, недоверчиво глядя на Озерова и на доктора.

— «Я представитель Р.К.И.» — сказал один из них. — «Кто вы такой?» — он не совсем корректно обратился к доктору.

— «Я местный врач, пришел по просьбе пострадавшего от «Гурт-скота».

— «Кто вас прислал сюда?»

— «Я вам сказал: по просьбе пострадавшего. Я здесь, а

остальное не существенно. Прошу назначить представителей от Р.К.И. и от снабжения.»

— «Я третий, а четвёртый — представитель от «Гурта».

— «Не поздно ли всё это вы...»

— «Я на себя беру ответственность. Я отвечаю, а не вы!» перебивая представителя, отрезал доктор.

Двое колебались, но решимость доктора, а главное, боязнь ответственности, напугала их. Комиссия шла вдоль подвод.

— «Вы видите здесь черви, возле глаз и носа?»

— «Это ничего не значит! Порча лишь поверхностная от жары. На нас лежит ответственность спасти для армии все эти туши мяса.»

Доктор бегло осмотрел штук пять. Потом, приблизившись вплотную к Озерову, шепотом спросил его.

— «Которую прирезали еще живой?... Не ошибитесь!»

Озеров смекнул. Вопрос, как видно, важный для него. Он молча указал на телку. Доктор обратился к резчику, прося раздвинуть небольшой разрез на шее телки.

— «Вот, смотрите!»

Доктор что то говорил двум представителям инспекции и что то им доказывал. Потом он выпрямился и сказал решительно:

— «Я утверждаю: мясо свежее и годное к употреблению». Он первый подписал бумаги и добавил, подавая лист двум представителям:

— «Без промедления на бойню. Ни минуты не держать на солнце!»

— «Кто здесь старший, кто привез убитый скот?»

— «Я!» — как во сне пролепетал в конец испуганный, волнующийся Озеров, глядя в лицо посланцу «правосудия».

— «Отправить скот на бойню. Самому явиться в канцелярию Р.Т. особого отдела! Вам известно, где она находится? Вот там! правее от вокзала!...»

Озеров кивнул. Он был не в состоянии ответить агенту.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

— «Вы знаете, кто вы такой? Преступник, негодяй!.. Вы знаете, что ожидает Вас сейчас... немедленно за вашу мнимую халатность?», — заорал на Озерова в диком иступлении чекист брызжа слюной.

— «Вы представитель «Гурт-Скота»? Вы привезли с собой дохлятину?»

— «Да, я!..» —

Сам приговаривал себя к позорному столбу, помимо воли, Озеров поддерживая неосведомленность грозного «судьи». Тот видимо совсем не знал кто был начальником «Гурта». Да и зачем ему всё это знать? Интеллигентное лицо и выправка вредили Озерову в данной обстановке.

— «Я не виноват!» — решился он сказать, чем вызвал бурю возмущения и приступ бешенства всесильного вельможи и судьи.

— «Товарищ!.. нач...»

— «Чего ещё?»

Красноармеец подскочил к столу.

— «Ах, извините!.. я ошибся!.. Где же он? «Начальник вышел по делам, сейчас вернется.» — Озеров сообразил, что за столом сидел не самый главный из вельмож и стал смелее.

— «Разрешите вам сказать!»

— «Молчать, собака!» — и за сим последовала непечатающая, но выдержанная в известном стиле брань. Вельможа побагровел от напора «мудрого» ругательства. Он явно торопился поскорей разделаться с «врагом». Насаживая кляксы, чертыхаясь «на чем свет стоит», он нервно заскрипел пером. Закончив срочный приговор, он трижды стукнул по столу своим огромным кулаком. Явился подчинённый.

— «Что прикажете?»

— «Наряд красноармейцев-исполнителей.» Явились палачи, винтовки стукнули прикладами об пол. «Виновник», ту-по и бессмысленно переводил свой взгляд с лица безумца

на руку, которая широким росчерком пера решила участь пленника.

— «В расход!» — вот что увидел он своими мутными глазами. Он качнулся в сторону, все закружилось перед ним и стол и зверь, сидящий за столом. Язык одервенел, по телу прошла судорога, он молчал. Ни слова не слетело с посиневших губ. Он знал, что всякие слова теперь уже не нужны, бесполезны.

— «Живо!» — заревел начальник, сунув в руку конвоира свой кровавый приговор. В который раз он «именем народа» посылал людей на смерть?

— «Ну, что стоишь?» раздался голос «исполнителя». Удар прикладом по ногам заставил пленника очнуться и придти в себя.

— «Вперед!» — и новый основательный удар. Он больше ничего не сознавал, туман закрыл глаза. Ему казалось, что не он, а «кто то» зашагал вперед пружинистой, тяжелой поступью. Он смутно различил, как кто то шел на встречу, загораживая узкий корридор. И тут мелькнула мысль в уставшей голове.

— «Товарищ, я не виноват!»

— «В чем дело?» — тот остановился.

— «Я имею приказание...» — конвойный, видимо, разочарованный, подал начальнику приказ. Тот, пробежав его глазами, побагровел.

— «Что-о-о? Назад!» — и он, стуча железными подковами, прошел в свой кабинет.

— «Товарищ Красин!» — крикнул резким голосом пришедший господин. — «Кто вас уполномочивал решать судьбу людей?» — Тот что то промычал в ответ.

— «Что!.. Превышение власти?» — заорал начальник диким голосом. Он весь позеленел от ярости. Помощник вытянулся, что то бормоча себе под нос.

— «Потом поговорим, идите прочь!» Начальник молча сел за стол, с трудом переводя дыхание. Он быстро овладел собой и Озеров стал приходить в себя.

— «Кто вы такой?» — спросил начальник грубо, глядя в сторону.

— «Красноармеец я, погонщик «Гурт-скота».

— «Зачем вы здесь?»

— «Меня назначили сопровождать убитый скот.» Начальник заскрипел зубами.

— «Та-а-ак, понятно!..» — Он задумался, молчал и только нервно барабанил пальцами об стол. — «Послали вас, а сами смазывали пятки?..» — «Гады, сволочи! Земля горела под ногами!» — Брань посыпалась еще увесистее и злобнее первой. Он, ругаясь и кляня, в упор смотрел в глаза своему пленнику. — «Какое страшное, звериное лицо», — подумал Озеров, зевая и с трудом переводя дыхание.

— «Кто старше вас в «Гурте»? — внезапно задал комиссар вопрос оторопевшему от неожиданности Озерову.

— «Все старшие, весь начсостав!»

— «Позвать сюда Фадеева!» — вдруг крикнул комиссар, приоткрывая дверь. У Озерова сердце замерло от страха.

— «Продолжайте говорить!»

— «Четыре надзирателя в команде».

— «Кто они?»

— «Красноармейцы.»

— «Выше кто?»

— «Начальник всей команды.»

— «Имя!» — злобно заорал чекист.

— «Кар. . . нис, кажется.»

— «Ага! Вся свора собралась. Одну секундочку, вы мне нужны!» — сказал он, ожидавшему Фадееву.

— «Ну, продолжайте!»

— «Старший заместитель Зам. начальника «Гурта»..»

— «А кто начальник?»

— «Ба. . . ныш!»

— «А где они сейчас?» — ответа не последовало. Озерова била лихорадка, он зевал и вздрагивал. В глазах зеленые и красные круги. Он еле раздвигал «вдали» сидящего начальника. В ушах звенело всё сильнее и. . . вдруг выстрел за спиной, ужасный, оглушительный. Он покачнулся. Перед

ним зияла свежее вырытая яма. Озеров пришел в сознание. Его поддерживал солдат, держа в руке стакан с водой. Чекист рвал приговор на мелкие куски.

— «Всё это бред!» — подумал Озеров и окончательно пришел в себя.

— «Я спрашиваю, где они сейчас?»

— «Ах да... я вспомнил всё... Они погнали скот на Могилев-Подольский.»

— «Где? Когда?»

— «Вчера... нет не вчера, сегодня рано утром.»

— «К...контра! Снарядить погоню!» — крикнул он Фадееву.

— «Товарищ, вы свободны!»

— «Странно... что со мной? Я брежу?»

Озеров не двигался, держась за стул.

— «Ну.!!» — заорал чекист, схватившись за наган, и вдруг расхохотался.

— «Марш на бойню! А я дам распоряжение по всем частям.» Он снова словно врезался глазами в жертву, нервно барабанил пальцами.

— «Вторично не советую вам при...ходить сюда! Ха! Ха! Ха! Ха!»

Качаясь Озеров бежал от смерти, слыша за собой всё тот же истерически-ужасный смех.

— «Товарищ Озеров! Так, кажется, вас величают все? Я к вам пришел с великой просьбицей...»

Увидя доктора, пришедшего на бойню, Озеров не верил собственным глазам. Рука его тряслась в руке героя доктора.

— «Я никогда, поверьте, никогда не смею вас забыть!» — перебивая доктора, воскликнул Озеров.

— «Вы кончили...? Благодарить то в сущности меня ведь не за что... Я тороплюсь уйти скорей от... этих...» — он кивнул куда то в сторону.

— «Бог им судья! Мне...» — доктор мялся.

— «Видите ли... Я хотел просить мяса...»

— «Вам лично?»

— «Да... моей семье... Давно уж мы его не нюхали.»

— «А как же...?» — удивился Озеров. Тот засмеялся добродушно, искренно.

— «Я понимаю вас, вы, видимо, стеснялись предложить «недоброкачественное». — Оно вполне съедобное и свежее, иначе я не мог бы расписаться в этом, даже перед этими... Ведь вы прирезали его, когда скот падал?»

— «Да, но некоторых опоздали.»

— «На одну, на две минуты?»

— «Да, не более.»

— «Вот видите! А главное, прирезали и выпустили кровь?»

— «Так точно.»

— «Значит, всё в порядке! Я доказываю это тем, что для себя прошу, но с оговоркой: дайте помоложе.»

Доктор уходил с большим куском говядины, завернутым в рогожу. Выйдя за порог двери, он оглянулся и приветливо махнул рукой, сняв кепку на прощанье. Озеров, разбитый, обессиленный в конец, присел в углу и глубоко задумался над тем, что видел, слышал, пережил в последние часы. Он встретил доктора. Как гордо и почетно это звание. Ушел отсюда не ремесленник, а настоящий русский врач, один из тысяч труженников, честных и самоотверженных врачей, воспитанников Родины.

Зарвавшийся и наглый внешний враг, освободившаяся от немецкой оккупации, объединенная страна Пилсудского, решила взять реванш. Как видно, мало было пылкому капризному «юнцу» своей земли. А почему бы, думал он, мне не воспользоваться слабостью великого народа. Под командой «грозного вождя» вскочили на коней, взмахнули шапками и лихо поскакали на восток. Союзники, конечно, вдохновляли их, подталкивали пылких воевод. Сначала шли победным маршем, продвигаясь на восток, всё дальше вглубь чужой земли. Измученный и обескровленный народ не мог им оказать сопротивления. Они уже сидели в Стольном Кие-

ве. Завыли самозванцы из Москвы. Народ решил, что тяжело нести на собственных плечах своих поработителей, а тут еще чужие порешили оседлать его. Нет, этому не бывать! Враг быстро убегал назад.

Дивизии, освободивши Киев, двинулись в Галицию во след врагу, но не могли его догнать. Пустилась конница Буденного «непобедимая» и страшная. Она скакала и рубила на все стороны. Кружилась голова.

«Никто пути пройденного у нас не отберет.

«Конница Буденного, дивизия, вперед!»

Зарвался и второй «герой» и влип, перескочив границу Польши и Германии. Как ни слаба была последняя, а всё же интернировала скакунов и разоружила лихую конницу.

Коровы «радостно» мычали. Запах родины их гнал назад. Над ними щелкали бичи.

— «Крути, Гаврила!» — весело кричал на скот знакомый нам пастух.

Так докрутились до Чернигова.

Прошла зима, пришла весна. Защелкали, запели птички перелетные.

У Озерова новые друзья.

— «Пора домой!»

— «В бессрочный, значит?»

— «Угадали, год мой подошел.»

— «Зачем ты так торопишься домой? Там голод и нужда. Здесь все-таки сытнее,» — уговаривали Озерова и других отпускников друзья. Но всё же все рвались домой. Стояли в Малине под Киевом.

Когда настало время расставаться, новые друзья решили проводить приятеля до Киева на маленькой дрезине. Одного его им не хотелось отпускать. Вокруг бродили банды, нападавшие на мирных жителей. Они блуждали по дорогам, грабили и резали. В огромных Киевских лесах «за каждым деревом скрывались мстители», под видом партизан искавших «белых», о которых и помину не было. О них пора забыть. Другие «мстили красной власти». Третьи били комис-

саров и евреев, а четвертые — «кацапов-москалей», а пятые — всех к ряду. С криками: «Даёшь Варшаву!» — разбивали головы. Страдали больше всех бойцы. Звезда во лбу была для «вольной вольницы» приманкой и мишенью для прицела.

Наступила ночь. Дрезина весело катилась под уклон. Никто не встретился, никто не задержал в пути.

Приехали на станцию, простились трогательно, обнялись, погоревали и разъехались, чтобы больше никогда не встретиться.

Часть вторая

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

В один из теплых майских дней, пройдя тяжелый, бесконечный путь в скитаниях, в нужде, оставив за собой четыре года жизни, Озеров вернулся на родную Каму.

Милая красавица река! Такая же привольная, приветливая и любимая, текла в роскошных берегах на встречу страннику. Как будто бы ничто не изменилось. Все, куда ни погляди: леса, луга, приволье, пенье птиц, журчание воды, — все будоражило воспоминания, все волновало грудь. Напоминало детство, юность, пролетевшие, как сон, но вместе с тем незабываемые, ощутимые и ясные.

Вдали Сарапул... Сердце вдруг забилося, но не так, как прежде, не от радости, — от боли за разбитое любимое гнездо. Едва спустившись на берег и не успев поставить ногу на родную землю и вздохнуть, как снова в путь, подальше от родных пределов.

Неприветливо, тоскливо встретила героя повести его любимая, голодная и обездоленная родина. Нужда и голод — спутники безвременья, сопровождали Озерова на его пути. Его родной, цветущий прежде, город превратился ныне в

грязную, огромную деревню, показавшись страннику совсем чужим.

Сестра и мать уехали в Сибирь. Знакомых и друзей осталось мало. Озеров не выдержал, подавленный тоской. Бежал, голодный, вниз по Каме, в поисках приюта и спасения.

Опять летит синица в небе. Снова гонится за ней наш «чужестранец» по родной земле. Он силился поймать её, схватить свое далекое и призрачное счастье и свою далекую мечту.

К тому же одиночество и жизнь бездомного скитальца, жизнь бродяги, растерявшего своих знакомых и друзей, и жизнь без цели, без перспектив.

— «Куда бежать?» — он спрашивал себя. Только Казань мерещилась ему землей обетованной. Туда направлен был его печальный взор. Казань, как думал он, была последнее убежище, последняя надежда отыскать укромный уголок, зарыться со своими мыслями и думами, уйти подальше от людей, найти душевное успокоение.

Однако, вышло все не так. Не понимал он и не знал влечений сердца, а подавленный, разбитый личным горем, он не чувствовал, что только дети принесут ему все то, к чему стремился его ум, чего так жаждала душа.

В водовороте сутолочной, пошлой и голодной жизни Озеров интеллигент, не мог нащупать боковую и заросшую тропу. Но жадность жизни и стремления больного оптимиста были столь сильны, что не дали ему возможности упасть.

Он шел с трудом и спотыкался. Он искал упорно и настойчиво. Бродил в потемках ошупью. В конце концов нашел свой путь, пошел вперед свободно и уверенно. В последнюю минуту бросил все, прекрасную карьеру (в общем мнении людей), ушел в трущобу, в лес к ребятам, к беспризорным сиротам. И дети дали удовлетворение, вернули к жизни, оживили сердце. Дети принесли ему и счастье личное, семейное.

Вот и Казань! Привет тебе, окно в волнующую жизненную даль. Привет тебе, столица русского студенчества.

Вновь увидал тебя и снова сердце трепетно забилося от нахлынувших воспоминаний. Снова шесть незабываемых студенческих тяжелых лет промчались вереницей в голове уставшего — взволнованного путника.

Как он хотел бы сызнова прожить их, эти шесть полугодных, но и радостных, полных надежд на будущее, своих лет! Что ждет его теперь? Как встретит своего питомца старая Казань?

Что значат эти горести житейские и мимолетные в сравнении с настоящим ужасом? Все многолетние засухи, безхозяйственность и хищничество довели Поволжье до предела истощения. Как следствие их были: голод и лишения и смерть.

Оборванные люди с изможденными худыми лицами бродили тут и там по городу. Чем жили люди — думал Озеров. Ведь никакой торговли не было, ни магазинов, ни лотков. Он в тот же день пошел искать себе хоть чтонибудь поесть. Прошел по Рыбнорядскому базару. Удивился, что он жил, как будто, полнокровной жизнью: всего много. Но купить то было не на что.

Меняли и меняли все, чего еще осталось у людей. Меняли и обманывали. Нравы падали. Приличия не соблюдались, — всё было прилично.

Поселился Озеров в коморке у знакомого врача. Устроиться по специальности на службу оказалось, паче чаяния, вполне возможным. По рекомендации знакомых, он отправился в «Таткомгоссоор». Расшифровать это красивое название возможно так: «Татарский комитет государственных сооружений.» Его назначили на пост начальника участка по ремонту зданий.

— «Ну, теперь пойдет всё по иному!» — думал Озеров.

Проходит месяц скучного сидения за письменным столом. Работы «пока» было мало — некоторое затишье, видимо, в строительном сезоне. Он сидел и что-то все писал и составлял. . . Какие то отчеты, планы, сметы и проекты. Приходили подчиненные с докладами, за разъяснениями или просто так поговорить о том, о сем и о погоде.

«Начстройуч» доклады принимал, просматривал, подписывал, разъяснял и пояснял. Насчет погоды соглашался. В общем делал всё, что требовалось от начальника участка.

Сам он тоже приходил с бумагами к товарищу начальнику, что поважнее чином-званием и выше этажем. «Товарищ Нач.» просматривал и одобрительно кивал, — мол, хорошо. Он в свою очередь подписывал и ставил, с чувством и достоинством, печати со звездой.

Чем жил Озеров? Откуда он брал средства, в ожидании большого гонорара за свой труд?

В «свободные» часы, когда начальника не донимали посетители (к слову сказать, они его не так уж сильно донимали), поднимался, закрывал все ящики на ключ и уходил «на промысел».

Желудок был хронически пустой, и поневоле приходилось принимать все меры, использовать возможности для удовлетворения своих потребностей. А о каких то там духовных и иных запросах говорить не приходилось, их и не было.

— «Всё это буржуазные петрушки, фигли-мигли и отрыжка прошлого!» — внушал в фойе, жестикулируя, один из «понимающих» проблемы революции и всякое другое. — «Все теперь равны!» — кричал он, надрываясь. — «Всех освободили от буржуев!...»

Озеров невольно улыбнулся, проходя к двери. «Действительно, — подумал он. — «Теперь, как никогда, конечно, все равны, кроме вождей и их ближайших помощников.»

Кто не работает, тот, стало быть, не ест, а кто работает тот ничего не зарабатывает, стало быть, и он не ест. Как это просто, ясно и понятно! Значит, пролетарские желудки раз и навсегда освобождались от «внеплановых» нагрузок.

Как то раз, придя в свое строительное учреждение позднее, чем обычно, Озеров был сильно удивлен, а главное, обрадован. Стоячее болото вдруг зашевелилось. Все о чем то говорили, спорили. Заранее благодарили власть за нежную

заботу о трудящихся. Оказывается, сегодня «будут выдавать паек, в который входят: сахар, мясо, масло и мука и многое другое».

— «Вы не верьте им, товарищ Озеров, пустое мелют то!» — с насмешкой указал на говоривших старьёй Федор Пантелеевич — почетный, несменяемый уборщик в этом доме.

— «Слышь! Коровы то с приплодом, «ликвидированные, как класс» вчерась «обратно» замычали.»

— «Што ты мелешь то?»

— «А вот те што!»

— «Да ну тебя!» — и Федор Пантелеевич отвернулся, проворчав: «И впрямь какой то недоделанный!» Все засмеялись.

— «Вы, ребята, чуть потише. Ухо то «у них» остро. Зацапают, пропишут «класс» и... поминай, как звали!»

— «Не робей, братва! Покудова я жив, не тронут, их тут нетути. Они за «карасями» промышляют, пожирнее нас с тобой. Мы — что ерши — костлявые, колючие, — неровен час, подавятся!» — Но Федор Пантелеевич их не слушал.

Между тем, народ шумел. Все ждали, волновались. Настроение у всех было приподнятое. Люди понимали, что жирам и мясу взяться было неоткуда, всё же думали: «а вдруг!»

Когда же стрелка у стенных часов с трудом, но всё же дотащи́лась до назначенного часа, все носы, как по команде, опустились вниз. Оказывается, что в Совнархозе было заседание по... «лошадиному вопросу». На собрании решили, что такой продукт питания, как овес, преступно разбазаривался «капиталистическими хищниками» и в ущерб трудящимся.

«Единогласное» решение гласило: лошадь проживет и без овса, а посему — переключить овес на удовлетворение потребностей трудящихся.

Во исполнение сего постановления, все служащие «Комгоссоора» с мая месяца были приравнены к потомственным почетным пролетариям, и наш товарищ «Начстройуч» зачислен на паек « по первой категории», иначе «лошадиный»,

как его сейчас же окрестили преданные пролетарии. И так, рабочие и служащие государственных сооружений, за свои заслуги перед родиной трудящихся, отныне перешли на лошадиное питание.

— «Ведь это дешево и вкусно!» — уверяли лошади.

Слыхали вы хоть чтонибудь подобное? В какой еще стране правительство могло пойти так далеко в отеческой заботливости о своем народе?

Нет, нигде и никогда вы не слыхали, чтобы служащие получали государственный паек по «первой категории»!

Взвалив на плечи свое «счастье лошадиное», голодный Озеров тащил его домой, буквально потрясенный с головы до пят, заботой партии, правительства и «лично Ленина». Теперь уж несомненно, думал он, все служащие и рабочие повысят качественно и количественно продуктивность их труда.

Какое наслаждение испытывал герой повествования, когда варил под вечер себе кашу из... овса. Когда же кушал, то конечно приходил в восторг от действий комитета государственных конюшен (сооружений). Пожелав такого же питания «любимому вождю», лежал он с выпученными от «умиления», когда то добрыми, а на сей раз, дикими глазами.

Претерпев с похвальным мужеством все стадии пищеварения по «первой категории», он испытал на собственном желудке нежную заботливость «правительства» о человеке, каковым считал себя.

— «Все эти Ленины и всякие другие, — думал он — пройдут, как все такие проходили, а народ останется. Залечит раны, выдавит нарывы и вздохнет свободно, полной грудью!»

ДУМЫ И МЕЧТЫ

После жары, когда дневное солнце нестерпимо жгло, когда бездонное, безоблачное, голубое небо, как колпак сте-

клянный накрывало землю и печалило тяжелый утомленный взор, настал и долгожданный тихий вечер. Жара спала. Легкий, чуть заметный ветерок ласкал измученную землю.

Как проснувшиеся после долгой зимней спячки мухи еле шевелились между рамами, отряхивали пыль, стараясь вылезти на солнышко, чтоб чуточку согреться, — так в вечерний час прохлады люди, изнуренные, полуживые вылезали из своих домов, плелись к воротам, выходили на крыльцо, чтоб выглянуть на улицу, чтоб выйти посидеть на лавочке и вдоволь надышаться свежим воздухом.

Забрав с собою пару грязного белья, поплелся Озеров на речку. Захотелось освежиться, смыть дневную пыль, поплавать, поплескаться и попутно сделать маленькую постирушку.

Он прошел по Рыбнорядской улице и, миновав большой театр, немного дальше завернул в калитку маленького сада, чудесно расположенного на краю высокого обрыва. Словно зачарованный смотрел он вдаль, любуясь дивной панорамой, неожиданно открывшейся перед его глазами.

Далеко внизу, у самого подножья мощного обрыва, протекала тихая, задумчивая, флегматичная Казанка. Влево, обогнувши Кремль, река спокойно выходила на равнину Волги. Дальше, обогнувши памятник погибшим воинам при взятии Казани при Иване Грозном, обойдя Пороховую слободу, вливалась в Волгу.

Вправо речка делала красивый поворот и, извиваясь змейкой, уходила вдаль. Еще правее — левый берег перекрыт довольно живописными холмами, с покрывавшим их красивым лесом. Ближе, словно врос в холмы, раскинувшийся над рекой, красиво и уютно, сад «Швейцария». Здесь, на его холмах, студенты каждую весну готовились к весенним испытаниям.

Уйдя подальше в гущу сада, Озеров усаживался на какомнибудь пенечке с видом на реку. Здесь он просиживал по несколько часов, долбя историю искусств: архитектуру, живопись, скульптуру. Греция и Рим. Расцвет искусства всех

видов. Венеция с её историей каналов и дворцов. Эпоха Возрождения — Ренессанс с его нововведениями в украшении фасадов зданий вертикальными пилястрами. Расцвет родной архитектурной живописи. Кремль с Успенским собором и дворцом и Чудов монастырь. Непревзойденные по колориту росписи дворцовых сводчатых хором XVI-XVII веков. А также храм Василия Блаженного с затейливыми куполами и крылечками на Красной площади.

А живопись!.. Певец любимой Волги — Левитан. А Шишкинская девственница Кама, родина художника, певца её просторов. Рёрих, Репин, Суриков, Серов и Васнецов с их изумительными жанрами, — им несть числа. Невольно преклоняешься перед величием художественной мысли человеческого гения.

А что теперь царит на родине великих мастеров! Великая напасть и страшный грех падения.

Еще последний взгляд на чудные знакомые места, привольные поля, леса, холмы, горевшие теперь под яркими вечерними лучами солнца, медленно склонявшегося к западу.

Еще последний вздох воспоминаний прошлого, неповторимого, и Озеров стал медленно скользить по узенькой, извилистой тропиночке. Спустившись вниз к реке, пошел вдоль берега, насвистывая про себя. Как будто позабыл все горести житейские, а также все свои «напрасные тревоги и труды», как думалось ему.

— «Ты ошибаешься!» — сверлила в голове настойчивая мысль.

— «Ты ошибаешься!» — не то почувствовал, не то услышал Озеров какой то шепот внутренний и убедительный. Он даже вздрогнул, даже оглянулся, — но вокруг по прежнему царил тишина.

— «Вот странно как!» — мелькнуло в голове. Раздался смех и плеск воды.

— «Купаются!.. Пройду подальше до излучины и там спокойно выкупаюсь!» — Озеров повеселел. Ему неудержимо захотелось петь. Он не задумываясь затянул родную песенку:

«Вдоль да по речке, вдоль по Казанке
Серый селезень плывет.
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Добрый молодец идет!»

Вдоль по бережку идет и белье с собой несет да на селезня красавца всё поглядывает.

Плыл красавец-селезень по речке не один, а со своим большим семейством. Плыл он с важностью, с сознанием своей неотразимой красоты и своего значения в утином обществе.

Плыл да побрякивал, да искоса на уточку любимую поглядывал.

А его серенькая скромная супруга, его уточка плыла поодаль с левой стороны. Она не смела даже глаз своих поднять на обожаемого ею, грозного супруга.

Следом за почтенными родителями, словно по веревочке, плыли утята. Они плыли чинно-важно, в том порядке, в коем вылупились из яиц. Нарушить, раз и навсегда по Домострою установленные правила и строгие порядки, было невозможно. Детки знали нрав крутого, непреклонного и гордого красавца, своего папашы.

Шел наш добрый молодец по бережку и с завистью на селезня поглядывал.

— «Семейка то какая! — думал он. — Вот самому бы завести такую же. Красавец то какой!» — залюбовался Озеров главой семейства. С виду важный, строгий муж, а как засматривается, с какой любовью на свою супругу.

Скромненькая и простая серенькая уточка лишь изредка, как будто невзначай, бросала нежный взгляд на милого красавца селезня.

— «Какая верная и любящая!» — Озеров вздохнул не то от зависти, не то от умиления.

Глаза все проглядел, любуясь счастьем милого семейства, вспоминая собственный тяжелый путь, свою безрадостную жизнь. И тут, на берегу реки Казанки размышлялся вдруг о лучшей жизни. Он впервые осознал своё полнейшее одиночество.

СОЛОВЕЙ ПТАШЕЧКА

Чем все-таки жил Озеров? Какими средствами располагал? Этот вопрос так и остался без ответа. Неужели он серьезно мог рассчитывать на гонорар, согласно занимаемой им должности? Конечно, нет!

В течение двух первых месяцев, он как то мог еще тянуть-ся, продавая свои вещи, облегчаясь от «избытка хлама». «Если эта распродажа будет продолжаться, — думал он, — то пустота, возникающая в желудке, может оказаться также в гардеробе.»

Правду говоря, зачем ему такие сапоги, — пускай хорошие и крепкие, — когда имеются еще простые желтые и хлюпающие, новейшего советского образца 1921 года, прекрасные и водонепроницаемые, красноармейские ботинки с чудными завязками в два бантика.

Конвейер шел на полный ход. Освобождение от «буржуазных предрассудков» протекало удовлетворительно. За пару дней ушли две пары чудного белья.

Так продолжалось до тех пор, пока «орденоносные» глаза не увидали в этом нарушение законов о торговле. На беду у Озерова сохранилась пелерина из хорошего английского сукна. Её носили офицеры, надевая поверх пальто или плаща.

Погода в этот день была довольно теплая и даже жаркая. Дневное солнце светило и грело очень сильно. Мухи, как навязчивые мысли, целый день покоя не давали. Люди, словно мухи поздней осенью, измученные, сонные бродили взад-вперед, не зная, куда деться от жары. Собаки вялые, худые и голодные, с облезлыми и впалыми боками, волоча хвосты, нет-нет да вылезали из под лестниц, где лежали днями и ночами, предаваясь своим грустным думам.

Только лишь одни, всегда беспечные и легкомысленные, воробьи чирикали, купаясь в уличной пыли, стоявшей в неподвижном и горячем воздухе, влезавшей в рот и в нос. Однако, воробьев такое неприятное явление ничуть не беспокоило. Они гонялись друг за другом, поминутно ссорились,

устраивали драки. Всем известно ведь — какие это драчуны.

Базар шумел разноголосым говором. Торговцы, надрываясь зазывали покупателей, расхваливали свой товар и уговаривали их, а покупатели не соглашались, возражая продавцам.

— «Вот пирожки горяченькие с пылу — с жару! Налетай и убедись, если деньги завелись!» — острил гнусавый баритон.

— «Хады, душа лубезный, на мой лавка, кушай чего хочешь!» — с важностью спокойно приглашал всех проходивших добродушный, хитрый «иностранец» армянин, сидевший возле «бутербродов с колбасом».

— «Кому кваску?» — кричали бабы.

— «Дяденьки, кому водички то холодной?» — вторили мальчишки.

Сявки (мелкие воришки) появлялись вдруг, откуда ни возьмись, и ловко вырывали сумочку из рук случайно зазевавшейся на что-то дамочки. А дамочка кричала не своим, конечно, голосом. А сявка удирал во все лопатки. А милиция свистела «для порядка» и за ним бежала и ловила, но всегда безрезультатно. Дама плакала и причитала, мол, последние гроши... детишки... и всё прочее. А граждане столпились и сочувствовали дамочке. А страж закона, видя, что «народ собравшись», рассердился, стал кричать на дамочку за то, что воет, как корова и за «нарушение порядка», обещал забрать её в район милиции.

Оно понятно. С дамы то ведь взятки гладки, не получишь ничего, а сявка какнибудь поделится.

— Что там за шум? — Оказывается какой то «висельник» украл у мелочной торговли пачку масла. Та схватилась с места и давай кричать:

— «Держите, люди добрые! Ловите окаянного, хватайте! Ах ты, шибеник проклятый, чтоб ты сдох, чтоб ты утоп и захлебнулся, чтобы твоего отца в «Чеке» в расход пустили!.. мать и тётку...!»

Выплывает страж закона. — «Бабка, ты чего это из скорлупы то из своей вылазишь?! По милиции соскучилась?»

После такого оборота «бабка» сразу присмирела. Только погрозивши кулаком в пространство, пожелавши «шибенику» всяких бед, особенно его прабабушке, волнуясь и ворча и вытирая пот с лица подолом платья, стала прибирать свою «торговлю».

Все наверно знают соловья, такую маленькую, серенькую и невзрачную пичужку. С виду она — так себе. Сидит на веточке комочек крошечный такой, его и не видать. Зато, как запоеет да как запустит трель, «запляшут лес и горы». Все внимают соловью, все слушают его с восторгом, затаив дыхание: люди, птицы и животные. Один осел, скотина глупая и несуразная, не понимает соловья. — Петух-де лучше соловья поет. — Вот лопухое создание! Вот осел!

Когда весной, в лесной тиши, зальется соловей, когда он так увлечется своим пеньем, что забывает всё на свете, тут его и «цап-царап». Нечто подобное случилось в этот день и с нашим соловьем.

Он тоже «сладко пел». Он убедительно расхваливал сверхзаграничный свой товар. Он весь ушел в свою торговлю. Новые, казалось, перспективы и широкие возможности сегодня открывались перед ним.

Вдруг, в тот момент, когда «солидный гонорар» приятно зашуршал в руках у одного из покупателей, из за спины «купца» тихонько вышли два «охранника» в какой то неопределенной форме, с непонятными нашивками и с розовыми ленточками на фуражках. Ноги одного из них имели выгнутую форму (колесом) от потрясаяще-широких галифе и узких голенищ начищенных сапог. Два револьвера украшали френч. Один торчал блестевшей рукояткой из кармана галифе, другой висел на поясе. Они внушали страх и уважение к владельцу галифе, повидимому, главному.

Наш «соловей» всё пел, не замечая их, а слушатели слушали, расхваливая качество английского сукна, когда большая лапа опустилась на плечо «купца».

— «Постой, товарищ продавец! Давай не будем больше

разоряться насчет качества, оно и так понятно. Знамо «на все сто»!

За шпикуляцию военным, значит, обмундированием, наша рабоче-крестьянская власть вас, «соловьев», не шибко любит и не гладит по головке. Сразу «цап-царап» да и «в конверт» *).

— «Эта накидка не военная. . , не красноармейская. . , таких они не носят!» — нерешительно вступились некоторые из покупателей.

— «Товарищи! — повысил голос страж закона и порядка. — Давайте-ка уйдем отседова! Не вашего ума. . . Сами с усами, люди мы бывалые и знаем «что к чему»! Ну, значит, осади назад! Сам знаешь за сопротивление властям! . . »

Что говорил и чем грозил «блуститель», Озеров не слышал. Он стоял, понутив голову. Как не крути, а угодишь «в конверт». А если станешь возражать, похуже будет. Лучше положиться на свою звезду.

— «Ну, складывай свой «магазин» купец! Пошли в район!»

Итак шел баловень Судьбы, повесивши головушку, в сопровождении блустителей порядка.

«Почему так строго? — думал он, — словно преступника ведут!» Опять же страж закона лучше знает, «что к чему».

— «Ванюха, глянь-ко, глянь! «Контру» поймали. Ишь ты, стерва, опустил башку то, не глядит! Не мало вас, собак, зачислили в разряд покойников!» — художественным ругательством закончил свою мысль «ученый» человек.

Черт оказался не таким уж страшным, как его рисуют, не всегда талантливые, но услужливые иногда, художники.

ДВА СЕРДЦА

Пришли в район. Пройдя довольно узкий корридор, остановились перед дверью, на которой красовалась вывеска: Уполномоченный Ч. К.

*) «В конверт» — за решетку.

— «Ого! — подумал арестованный. — Наверно комиссар какойнибудь!»

Один из провожающих зашел к уполномоченному и, вернувшись стал давать распоряжение другому, своему приятелю.

— «По вызову начальника сдадите этого товарища по назначению и объясните «что к чему».

— «Есть объяснить!» — ответил тот. А галифе, закрывши корридорчик, двинулись в обратный путь по направлению к выходу.

— «Какая честь, — подумал арестованный, — даже товарищем назвал, а я то перетрусил.»

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась и «преступник» очутился в комнате перед очами «правосудия». Однако, вопреки всему, начальство приказало провожатому покинуть комнату и милостиво задало вопрос:

— «В чем дело? По какому поводу вас привели ко мне и что вы там накуролесили?»

— «Так что, товарищ... — начал арестованный, не зная, как назвать начальника, — пришел я на толкучку по причине небольших финансовых, чисто случайных затруднений. У меня в кармане сделалось не густо, а в желудке... извините, пусто!»

— «Что за вещи продавали?» На столе высокого начальника была развернута виновница всех неприятностей, английская перелина. — «Это всё?»

— «Всё, госп... товарищ!»

— «Что они совсем рехнулись? В каждой юбке видят обмундирование. Готовы всю толкучку притащить ко мне, безмозглые ослы!» Начальник сочно выругался.

— «Я... я сразу так подумал...» — чуть не сорвалось с болтливового и неорганизованного языка восторженного «словья», но спохватившись во время, он больно прикусил язык за несознательность.

— «Берите свой товар и убирайтесь прочь!»

Поспешно выскочив на улицу, «счастливый» Озеров спешил к себе домой кратчайшей дорогой. — «Ловко выкру-

тился я! . . . А всетаки накидка то военная!» — злословил он, всё ускоряя шаг.

Придя домой уставший и голодный, он прилег, чтоб сэкономить силы, с каждым днем всё больше иссякавшие. Когда стемнело, вышел за ворота подышать вечерним воздухом. Вернувшись в комнату, не раздеваясь лег в постель, решив, что утро мудренее вечера.

Опять толкучка. Что придумать? Как и чем наполнить свой желудок? Вдруг идея: почему бы не «открыть торговлю» спичками? Задумываться некогда да и не стоит. Озеров зашел за угол дома, вынул кошелек и подсчитал свой «капитал». Всё же задумался: что лучше — четвертушка хлеба или пачка спичек? Вот проблема! Голод мучает, под ложечкой сосет, соблазн велик, но сила воли и рассудок победили. Заскочил в оптовую лавченку и купил большую пачку спичек. Вышел на толкучку, рассовал коробки по карманам, часть оставил и открыл торговлю. Спички будто и нестоящий товар, но и без них не обойтись. Тут сразу тетка повернулась и спросила: — Почем спички, молодец!

— «Да вот, как и на всем базаре, столько-то,» — конфузливо ответил, с непривычки, продавец.

— «Ну, это дорого, — вертит коробочку в руках и так, и сяк со всех сторон. Пугает, что уйдет и подешевле купит у другого. Ничего не возразил «купец». Предательская краска залила лицо, он не смотрел на «тетку». От стыда готов сквозь землю провалиться. Он впервые пожалел себя и свое жалкое существование.

— Шестнадцать лет учился, а на спичках провалился, — промелькнула мысль в болезненном мозгу. Как провинившийся школяр стоял он перед женщиной, не смея голову поднять.

Вы знаете, что женщина создание сердечное и мягкое, уговорить бы можно, да язык то как колода поперек рта лежит и не способен даже слова вымолвить.

С минуту женщина глядела на «торговца» и, как видно, оценила по достоинству. Теплом повеяло от пристального

взгляда добрых глаз. В смятение пришла душа голодного и растерявшегося продавца.

— «И у меня вот, — говорит, — такой же, как и ты, сыночек то. Весь, как две капли, на тебя похож.» — Она вздохнула. — «Где то сгинул, пропадом пропал. Война давно закончилась, а Ванечки то моего всё нет как нет! Жду, не дожусь и только плачу. Все глаза проплакала. . . Как в воду канул! . . Как похож то, — после паузы опять заговорила мать, — глаза такие же, как у тебя, высокий, статный. . . Только вот полнее был, когда на фронт. . .» — она остановилась, не закончила, слезинки заблестели на глазах. — «Худой ты больно! Одинокий, видно, сиротинушка. . . Из за нужды, ведь, спичками то начал торговать.» —

Учуяло родную душу сердце матери. Очей не сводит с продавца. Глаза сильнее заблестели, залились слезами. Озеров стоял, как истукан. Казалось, всё забыл, готовый убежать, «куда глаза глядят», лишь бы не видеть скорбного лица несчастной матери.

— «Вот на тебе, возьми, родимый!» — женщина совала ему деньги за коробки спичек. — «Оставайся с Богом!» — «Сдачи получите, тетя!» — он пошел за ней. — «Оставь себе!» — она, не оборачиваясь, уходила быстрым шагом.

Озеров совсем расстроился. Какая то обида, жгучая, — болезненная завладела сердцем и душой. Не за себя страдал, за женщину, за мать, за все её обиды, унижения и слезы. Сколько их тут, бедных матерей, голодных и измученных! Сколько несчастных, беззащитных и больных, лишенных материнской ласки, брошенных детей, с утра до вечера слоняющихся в поисках кусочка хлеба!

— Бессердечные и черствые мужчины! — думал Озеров. В пылу войны, в дыму пожаров, в горе и слезах находят смысл и оправдание своих честолюбивых замыслов. —

С тяжелым сердцем, нервный, Озеров закончил свой «торговый день». Не выходила женщина из головы. Обида, смешанные чувства горечи, стыда и даже злобы бушевали в нем.

Он, распродавши спички, сел за столик, выпил чаю с саха-

рином, съел кусочек хлеба и ушел с базара. Плачущая мать стояла, как живая, перед ним. Невольно он разбередил её незаживающие раны.

Озеров пришел домой, а женщина не выходила у него из головы. Хотелось плакать — он не мог. Хотелось петь — боялся собственного голоса, но все-таки не выдержал и затянул:

«О мать, не плачь!

Твоей любовью в нем билось сердце высоко.

И в нем вскипело львиной кровью родимой груди молоко.»

Всю ночь не спал. Всю ночь болела голова. Всю ночь слова призыва и мелодия не выходили из уставшей головы. До самого утра стояли перед ним блестящие от слез глаза.

Вставая утром, он решил не браться больше никогда за это ремесло.

ЖЕРТВЫ РЕЖИМА

Озеров опять на ненавистном ему рынке. Не успел он оглянуться, как столкнулся со своим начальником, что этажем повыше. Что-то из одежды продавал начальник.

Неожиданно заметив сослуживца, он смутился на мгновение, но тут же весело спросил: «Что вы здесь делаете с раннего утра?» и тотчас получил ответ: «Гуляю, свежим воздухом дышу.»

— «Вот как? И что еще?»

— «Интересуюсь ценами, приноживаюсь. Редко здесь приходится бывать, — всё как то некогда!» Начальник весело смеялся.

— «Продолжайте, я вас слушаю.»

— «Хотелось бы куданибудь поехать отдохнуть,» — невозмутимо продолжал тот свою горькую тираду. — «Климат нехороший, всякие болезни могут прицепиться. Не воздержись, покушаешь чегонибудь такого... слишком жирно»

го... «По первой категории!» — добавил он и горько усмехнулся.

— «Что поделаешь! Насчет желудка я могу вам дать совет: скажите, почему бы вам воздерживаться от хорошего питания? Вам непременно нужно чтонибудь поесть такое... что жирнее. Сразу легче станет, уверяю вас! Я это знаю по себе. Как скушаешь, так сразу и почувствуешь, как «благодарь» приятно разливается внутри.»

Два собеседника не выдержали, рассмеялись весело от всей души, как некогда смеялись.

— «К сожалению, и у меня в последние недели наблюдается какая то тоска в желудке. Что то всё покалывает и пошвыстывает. То вот тут под ребрышком, то там под ложечкой. Всё что то ноет, ноет... И когда всё это кончится?»

— «Как только скушаете того-этого, что пожирнее, как удачно вы советовали мне,» — ответил Озеров.

— «Вот вы какой?»

— «Какой уж есть, когда и день и ночь кишки играют марш на всех известных инструментах, а в желудке, как всегда хроническая пустота.»

— «Идите ка отсюда прочь подальше! Не мешайте торговать другим и сами не толкайтесь попусту, а для своих прогулок — «подальше выбрать закоулок», как сказал когда то в «Горе от ума»... Кто? я не помню.»

— «Фамусов.»

— «Черт с вашим Фамусовым! Впрочем, подождите, не спешите уходить. Мне жаль вас, Озеров. Вам здесь придется труднее, чем другим. Я «тутошний», а во-вторых, еще имею много хлама для продажи, года на три хватит. Вы — другое дело. Я для вас, кажись, придумал что-то. Приходите завтра утром к десяти часам, а впрочем... Что за разговоры и где это видано, чтобы начальники просили подчиненных приходить на службу. Подождите же — я доберусь до вас... Чтоб завтра были точно к десяти утра!» Начальник снял фуражку и кивнул, а Озеров, ответив тем же, постарался скрыться с глаз.

На следующее утро он поздравил своего начальника с

вчерашней прибылью. — «Благодарите Провидение, что я сейчас в хорошем настроении, — сказал начальник, подавая руку. — Разговаривать мне с вами некогда. . . Вы жрать хотите?»

— «Да, конечно!» — удивился Озеров.

— «Так слушайте: есть в нашей слободе огромная тюрьма. В этой тюрьме мы делаем ремонт, а наблюдает за работами Смирнов. Вы его знаете?»

— «Конечно.»

— «Он пройдоха, плут и жулик!» — Озеров насторожился. — Вы — другое дело. Он не столько там работает, сколько «латается». . . Пускай себе латается, неправда ли? Дай Бог ему здоровья. У него семья! — участливо добавил инженер. — Вы можете туда заглядывать хотя бы через день, как контролер. Там кое что и вам перепадет. . . Вот только. . . знаю вас — то неудобно, то нехорошо! Вот вы и покраснели, вижу вас насквозь. Солдат то вы хороший, тоже знаю! Кремль, Россия не забудет вам. Вот только в жизни то вы малость подкачали, не сердитесь! Полюбил вас и жалею. Хочется помочь, а вы брыкаетесь. «С волками жить — по волчьи выть». Честным трудом не проживешь! Слышите вы?» — «Слышу, но. . .»

— «Без всяких «но»! Туда идите хоть сейчас. Идите смело, как специалист. С начальником тюрьмы я созвонился и с завхозом тоже. Больше вам никто не нужен. Предъявите удостоверение и всё. Смирнов хороший техник, только на руку нечист. Не верю я ему ни на вот столько. Обойдите камеры, внимательнее присмотритесь ко всему и сообщите мне.»

Озеров ушел от инженера недовольный. Эта миссия была ему не по душе.

Единственное посещение тюрьмы произвело на «контролера» удручающее впечатление.

Со страхом он входил туда, а выходил подавленный, расстроенный. Худые лица арестантов, желтые и мрачные,

встречались Озерову во дворе тюрьмы. Как привидения, как тени они двигались, с трудом переступая с ноги на ногу.

Им приказали двигаться, но жизнь, казалось, проходила мимо них, а сами они были только безучастными свидетелями к окружающей их жизни.

Озеров вошел в подъезд большого корпуса и в коридоре встретился с начальником тюрьмы, который «с виду» был довольно мил. Он вызвал своего помощника и предложил ему оказывать содействие по всем, интересующим пришедшего, вопросам. Показать все помещения и ознакомить полностью с характером работ. Ремонт полов, дверей и окон. Штукатурка и побелка стен и потолков производились в экстренном порядке. Страшное нашествие клопов и прочих насекомых вынудило к этому администрацию тюрьмы. Они безжалостно обрушились на пленников режима. На полу и на стенах, везде их было множество. Постели заключенных словно певелились. Всё воняло и всё двигалось, все было вымазано кровью. Под карнизами, под каждой половицей, всюду открывались очаги заразы. Всё кипело массой этих отвратительных союзников режима, вечных спутников нужды и голода.

Не удержался «контролер» и высказал тюремщику, какое тягостное впечатление осталось у него от беглого осмотра помещений. Он даже указал ему на свое отрицательное отношение к тяжелой обстановке и условиям, в которых протекает жизнь несчастных заключенных.

Это было сказано неосторожно.

— «Что поделаешь, товарищ. Каждый монастырь имеет свой устав. Не мы его подписывали, правда ведь? Не нам и изменять его. Мне, откровенно говоря, и самому не по душе всё то, что вы здесь видели, что ж из того? Всё это горькая необходимость, без которой мир не может обойтись.»

— «Спасибо!» — Озерову не хотелось больше слушать лицемерные высказывания советского ханжи. Они расстались.

Встретившись с подрядчиком, поговорили о деталях, о рабочей силе и о качестве материалов. Весь ремонт производился вопреки всем правилам и смете, даровым трудом ра-

бов, а стройматериалы поступали из сомнительных источников окольными путями, а расходовались бесконтрольно, хищнически. Это сразу бросилось в глаза «строителя», которым не хотел быть Озеров ни до, ни после.

Смета заменяла фиговый листок, которым силились прикрыть свою духовную и нравственную наготу служители тюрьмы, а также те, что были над тюрьмой.

Касаясь, главным образом, побелки, Озеров от имени главного инженера предложил производить побелку известью, которая является врагом домашних паразитов.

— «Это некрасиво!» — возразил подрядчик.

— «Пусть, тут не до красоты, зато практично!» —

Скоро Озеров заметил, что поговорил «достаточно» и сделал указаний больше, чем указано в неписанных уставах. Наступил момент, когда необходимо поскорее убираться, дабы самому не очутиться за стенами «трудового лагеря» — такого же, в котором находился в данную минуту. Озеров спешили скорей уйти на волю, чтобы больше никогда сюда не приходить.

По окончании осмотра подошли к окошечку тюремной кладовой, где запах русских щей способен был лишить сознания, ударив в нос изголодавшегося Озерова.

Пригласили пообедать, отказался, ибо и без щей был «сыт по горло». Получивши за свой труд фунт хлеба, два кусочка сахара да плюс прощальное приветствие начальника тюрьмы, он вышел за ворота нервный и расстроенный.

Хлеб и сахар, как вознаграждение за труд, давили своей тяжестью и обжигали руки. Не хватало мужества взять в рот кусочек хлеба, несмотря на мучивший жестокий голод.

Свора прихлебателей вертелась около тюремного котла и грела руки возле бедного пайка несчастных арестантов.

Вслед за Озеровым вышли из ворот с одним конвойным четверо худых и желтых арестованных.

Какой невыразимый жадный взгляд всех четверых перехватил голодный, но зато свободный человек! Он попросил конвойного остановиться. Разломал дрожащими руками

хлеб, куски которого буквально были вырваны из рук несчастными. За хлебом — сахар.

Конвоир опешил, удивленный происшедшим. Он стоял и улыбался глупо-добродушно. Русская душа!

Сбросив «ношу» с плеч и облегченный Озеров старался поскорей уйти подальше от советского концлагеря. Как будто легче стало на душе, но силы окончательно покинули. Он шел, печально опустивши голову, с трудом передвигая ноги.

ПОСЛЕДНИЕ КАПЛИ

Сомнения и неуверенность в себе, в своих возможностях, всё более настойчиво терзали Озерова. Мрачные, назойливые мысли лезли в голову. День ото дня всё тяжелее становилось на душе. Всё больше претил ему ненавистный вид толкучки. С каждым днем всё туже он затягивал ремень, хотя и знал, что это бесполезно, что затягивать то было уже нечего.

— «Бежать отсюда поскорей, закрыв глаза и не оглядываясь, — но куда? Где лучше то?» — со страхом спрашивал он сам себя. — «Теперь ведь всюду голод и разруха. Попытаю счастья где-нибудь в верховьях Камы, например. . , в Перми.»

Но там грозит полнейшее одиночество. В Казани еще были кое-кто из прежних многочисленных его друзей, а Пермь совсем чужой и незнакомый город. Несмотря на голос здравого рассудка, Пермь ему казалась всё же лучше, привлекательнее и сытнее.

Вслед за первым возникал второй вопрос: где взять такую кучу денег-совбумажек на проезд или как достать бесплатный проездной билет.

Однако, что засело в голову, должно быть выполнено, такова его натура. Выбить из уставшей головы все эти «бредовые» планы было невозможно. Это значит выбить из под ног его последнюю опору и надежду на спасение. Бороться трудно, а сдаваться еще рано.

Тяжело переживались Озеровым горе и нужда чужих ему людей, но видеть бедствия знакомых и друзей и их страдания для Озерова было выше сил. Всё чаще он встречался на толкучке с прежними хорошими знакомыми ему людьми в ужасной обстановке. Бедствие постигло всех.

Анна Акимовна жила в «Овраге» между «Первой и Второй горой», — так назывались улицы, спускавшиеся вниз к Суконной слободе.

У этой добродушной женщины студенты — Озеров с приятелем — снимали маленькую комнату в последний 1916—1917-ый учебный год.

Теперь, случайно проходя «обжорный» продуктовый ряд, он вдруг остановился не то в страхе, не то в изумлении. Тревога защемила сердце. Возле одного из столиков на ящике сидела женщина, заставившая Озерова вздрогнуть.

— «Нет, не может быть, не может быть! Я, видимо, ошибся, это не она! — Но нет, глаза его не обманули. «Боже мой, Анна Акимовна!... Она!... Какой убийственный сюрприз!» Какие встречи предстоят ему еще на этом подлом рынке? Он с минуту вглядывался в изможденное нуждой её приветливое прежде, добродушное лицо, тогда еще довольно молодой жены и матери двух мальчиков.

Теперь на ящике сидела сильно постаревшая худая женщина с уставшим взглядом. Множество морщин он видел на её лице. Какие складки залегли по обе стороны её приветливых и вечно улыбающихся губ. Её слегка скуластое лицо нельзя узнать. Благодаря худобе скулы резко выпирали; щеки глубоко ввалились; острый подбородок выдался вперед. Большие выразительные, бегающие глаза куда то провалились, а веселенькие, убегающие веером от глаз, морщинки превратились в старческие и глубокие морщины. Женщина производила впечатление довольно старой, лет пятидесяти с лишним. Между тем ей не могло быть больше тридцати шести-семи. И в довершение всего, веснушки мас-сой покрывали обожженное, обветренное старое лицо. Осо-

бенно усеяли они её худую шею и, до боли, впалую открытую, худую грудь и руки.

С первого поверхностного взгляда было видно, как нуждалась, как страдала эта женщина.

— «Виктор Петрович, вы ли это? Что случилось с вами, где вы были столько лет, откуда взялись вы?» — выпаливала женщина, стараясь подавить волнение, но после бурного прилива вдруг осеклась и притихла. — «Я то на кого стала похожа!» — с болью вырвалось у неё. Потом засуетилась около своих растрепанных волос. — «Вы не смотрите на меня!.. Я некрасивая и старая, я страшная такая стала!.. Горе и нужда...» — Она опять запнулась и умолкла, не закончив фразы, подавивши вздох, готовая вот-вот расплакаться.

После минутной паузы, вновь начала было рассказывать о всех своих несчастиях, постигших их семью.

— «Не говорите мне!..» — со страхом и отчаянием вырвалось у Озерова, угадавшего её намерения, зная в то же время, как ей это будет тяжело.

— «От Николая Федоровича я всё узнал, о всех ваших несчастиях в последние четыре года. Знаю о кончине Кольеньки и о пропавшем без вести Петре Ивановиче.»

Что кроме сочувствия и крепкого рукопожатия, мог дать несчастной женщине безправный, одинокий человек, сердце которого рвалось на части от ужасных встреч последних дней?

Что будет с ним в ближайшее время, если этот ужас будет продолжаться далее?

— «Я не осилю это мерзкое и пошлое существование!»

Что предпринять, куда бежать? Но это было для него еще не всё!

Еще один горький сюрприз, еще одна тяжелая, незабываемая встреча ожидала Озерова в этот день, не дав опомниться от страшного свиданья с Анной Акимовной.

Пройдя весь продуктовый ряд, он снова очутился на тол-

кучке. — «Витя!» — Озеров остолбенел от неожиданности. — «Вы меня не узнаете?»

— «Как же можно не узнать?» — смутился тот. Кровь прилила к лицу. Вплотную перед ним стояла худенькая, нежная фигурка девушки, знакомой прежде, жизнерадостной красавицы Марии (Мери — по домашнему).

Семья Веры Ивановны, жены профессора Духовной Академии В-нова, была немногочисленна: он сам, его жена и двое девочек — Мария старшая, и Кети. О прекрасных качествах души Веры Ивановны все знали. Озеров поддерживал знакомство с этой милой женщиной на протяжении пяти студенческих тяжелых лет. Вокруг неё образовался маленький студенческий кружок певцов и музыкантов, из которого она образовала хор как раз в тот год, когда в Казани появился Озеров .

Какие светлые воспоминания остались в его памяти от близости с семьей Веры Ивановны и благотворного её влияния на душу Озерова! В этом хоре находил он утешение и отдых. Девочки в то время были лет четырнадцать и двенадцати. В семнадцатом году он расставался уже с барышнями.

С той поры прошло четыре года. Перед ним теперь стояла Мери — худенькая и высокая, с большими, темными, глубокими глазами, окаймленными, как веером, густыми длинными ресницами. Синева вокруг глаз свидетельствовала о переживаниях, нужде и горе. Озеров не выдержал пытливого и пристального взгляда её грустных и прекрасных глаз и густо покраснел. В руках у девушки он увидел кое какие вещи женского туалета.

— «И вы тоже?!» — сорвалось, помимо его воли, с языка.

— «Да, Витя, и я тоже! . . . Ведь одна беда, другой хуже, сыплются на нашу бедную семью. Да только ли на нашу? Видите, что здесь творится: тени, а не люди бродят по базару и по улицам. . . А вы то сами на кого походите?! Я не узнала вас, скорее догадалась. Убедившись окончательно, что это вы, я не решилась сразу вас окликнуть от волнения.»

— «Что с мамой?» — Озеров тревожно заглянул в глаза

Марии в ожидании ответа. Помолчав с минуту, Мери начала рассказывать.

— «В конце тяжелого для всей Казани восемнадцатого года», — начала она, — «после того, как «вы»*) оставили Казань и отошли на Каму, город заняли большевики. Мы не успели успокоиться, как начались бесчисленные аресты.

— «К нам приходили раза три под видом обыска; забрали ценности и наконец арестовали папу, мучили его допросами и били. Только через год освободили из тюрьмы — замученного и в последней стадии туберкулёза.» Мери говорила, часто останавливаясь и глотая слезы.

— «Папочки не стало. Он скончался в том же девятнадцатом году... Ушел от нас страдалец...» — Мери плакала, а Озеров, уставший и растерянный, с тоской и жалостью смотрел в её измученное, но ещё прекрасное лицо.

Оправившись и поборов себя, Мария продолжала. — «Мамочка моя совсем больна, от истощения уже и не встает с кровати. Кети тоже ослабела. Я одна еще, с трудом, борюсь за жизнь моих любимых, но не знаю, хватит ли на долго моих сил... Разграбили квартиру, унесли всё, до последней нитки. Только и осталось то, что удалось припрятать у знакомых. Я боюсь... я жду со страхом тот момент, когда изсякнут мои силы и тогда... конец!» — она поникла головой, пытаясь спрятать вырвавшееся наружу горе и прикрыть платком предательские слезы.

Озеров стоял, словно пришибленный, и «в сухоматку» перемалывал сухими воспаленными глазами горе и отчаянье семьи, которую любил, которая пригрела бедного студента своей лаской и участием.

Каких усилий стоило ему перенести этот второй удар!

— «Простите мою слабость!...» — как во сне услышал Озеров её слова. — «И плохо не подумайте о Мери, что всё говорю вам о своей беде, о своем горе. Это так естественно! Не спрашиваю вас о том, что пережили вы за это страшное безвременье. Ваша судьба была для нас не безразлична. Мы

*) войска.

частенько вспоминали вас и наши маленькие вечера и наш уютный хорик. Мама всякий раз, когда читала нам нотации, то непременно ставила вас всем в пример.»

Она умолкла как то сразу и задумалась. Короткие воспоминания прошедших юношеских дней её немного успокоили. Она нечаянно смахнула пару заблудившихся слезинок со своих ресниц и даже сделала попытку улыбнуться.

Уж не лучше ли им было не встречаться? Что мог сделать Озеров? Что мог сказать в успокоение, чем мог помочь? Любое слово сожаления, сочувствия в такой момент, казалось, лишним и ненужным. Он со страхом вглядывался в нервное, испуганное личико Марии. Они оба, как во сне, стояли молчаливые, задумчивые, опечаленные. Горе было общее, понятное без слов. Он всё держал её холодную, худую руку, словно бы хотел ей передать свое сердечное тепло, свое сочувствие.

Последнее рукопожатие, последнее приветствие страдающей семье. Она ушла, а он исчез в толпе. Он затерялся в гуще сутолочного базара, в гуще потных тел, расталкивая всех и вызывая нарекания и брань. Две капли, две последние увесистые капли переполнили измученное сердце Озерова.

Распростившись с Мери, Озеров с трудом тащился по знакомым улицам, совсем разбитый. Мысли безнадежно перепутались в его уставшей голове. Так перепутались, что ни собрать их, ни направить в нужном направлении он их никак не мог. Всем существом своим он чувствовал, что эта «жизнь» — бесцельное существование, вернее прозябание — его к добру не приведет. Он должен выбраться как можно поскорей из пут тяжелой обстановки.

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Последние две встречи доконали Озерова. Что то нужно предпринять. Так дольше продолжаться не могло. Пока есть силы и возможности сопротивляться разлагающим вли-

аниям толкучки и базара, нужно действовать. Бежать, пока непоздно, чтоб избавиться от покрывшей душу плесени, чтобы прогнать навязчивую вялость и сонливость, медленно въедавшуюся в мозг. Необходимо освежиться, побывать на Волге, надышаться свежим воздухом.

Для этой цели Озеров договорился с братьями Ковровыми, двумя своими бывшими друзьями по учебе. Ранним утречком они отправились на «Устье»^{*)}). Шли кратчайшим путем через луга, напитанные утренней прохладой. С удовольствием дышали ароматом свежей зелени и множества цветов. Друзья шагали весело на встречу утренним лучам. В лицо им дул прохладный ветерок. Они смеялись, пели, восторгались прелестью лугов, омытых утренней росой. Забыли все невзгоды; повседневные заботы быстро выветрились, их хотелось вычеркнуть из памяти хотя бы ненадолго.

— «Как прекрасен Божий мир!» — вздыхали путники. — Как чист и как прозрачен воздух. Как легко дышалось им. Какая свежесть разлилась по заливным лугам. Как водяные брызги, разлетались тучи насекомых из под ног счастливых путников. Беспечное, неумолкаемое стрекотание висело в чистом воздухе. Они глотали воздух с жадностью изголодавшихся людей, чтобы наполнить легкие надолго. Сняв рубашки, подставляли грудь под благодатный ветерок, смотрели с жадностью вокруг себя. Хотелось видеть всё, обнять далекие и близкие луга, леса. Прислушивались к стрекотанию кузнечиков и к пению птиц, подолгу и мечтательно смотрели в высь.

Хотелось ощутить, понять иную жизнь — прекрасную, безгрешную, без суеты, без муки и без слез. Прислушивались к мерному дыханию лугов и к шелесту травы. Глядели в ясную лазурь, отыскивая в вышине певца полей — чудесного и быстролетного, как тень, как воздух — невидимки-жаворонка. Кажется, что он вот тут, по близости, над самым ухом льется его пение, то замирает, то усиливается — журчит, как ручеек, звучит, как серебристый звон невидимки.

^{*)} Набережная с пароходными пристанями в устье реки Казанки.

димого колокольчика; то низко над землей, то где то далеко ныряя, как в волнах, в лазурной вышине. Счастливая подруженька его сидит с птенцами в гнездышке, прикрытая густой травой. Но вдруг она насторожилась. Кто то крадется к гнезду, — не то какой то хищник кружится над ней, а может быть и человек проходит мимо.

Кубарем летит встревоженный певец. Он своим писком отвлекает вас от своего жилья, а вы невольно поддаетесь искушению увидеть хоть на миг чудесного певца. Напрасны все ваши усилия увидеть хитрую пичужку, зов которой вас уводит в сторону от милого гнезда! И только убедившись, что его любимая семейка в безопасности, он так же быстро исчезает в вышине, как и спускался вниз.

Невольно думаешь: какое радостное чувство испытал певец, что ловко обманул вас, заведя на ложный след. «Какая хитрая пичужка!» — скажет про себя прохожий, зная, что простое любопытство, но не больше, привлекло его к гнезду.

Осталось пожелать семейной радости певцу полей, певцу нескошенных лугов!

Повсюду жизнь — и на земле, и над землей, куда ни погляди.

Вот одинокий домик с маленьким двором и садиком. Местами, кое где еще видны остатки старого забора, окружавшего когда то небольшой уютный хуторок. Нуждой и бедностью повеяло от этого жилья, как только путники приблизились к нему. Полуразрушенный сарай с конюшнями, где прежде помещались лошадь и корова, и отдельный птичник пустовали. Только старый и облезлый верный пес лежал возле своей, каким то чудом уцелевшей будки и свидетельствовали о прежних, добрых временах. Завидя путников, он по привычке, нехотя охрипшим голосом оповещал хозяев о приходе незнакомцев.

Еще пара кур бродили с петухом возле завалинки и рылись в поисках съедобного, разбрасывая пыль. Наседка с малыми цыплятами копалась тут же возле старого крыльца.

Петух имел солидный вид урядника. Он с гордостью

оглядывал свои владения и охранял свою семью. Вдруг беспокойство овладело им. Насторожился, покосившись глазом вверх, и дал сейчас же знак наседке о соседстве хищника. Та всполошилась и нахохлилась, сзывая деток.

Путники с восторгом наблюдали за полетом ястреба, красиво плывшего над домиком. Он шарил острыми глазами по земле и, увидев наседку, стал описывать над домиком круги. На этот раз воздушному пирату не везло. Пока случайные свидетели следили за полетом хищника, наседка собрала цыплят под свои крылышки. Никто не смел высовываться и смотреть, что делается во дворе, под страхом получить удар тяжелым клювом матери. После такого опыта охота вылезать наружу пропадала раз и навсегда.

Петух, завидя хищника, сейчас же принимал довольно грозный вид. Его красивый гребешок на голове темнел и делался пунцовым. Сам он был готов вступить в кровавый бой с врагом.

Присутствие трех путников, как видно, тоже помешало хищнику. Увидя неудачу, ястреб взмыл под облака и несколькими взмахами своих могучих крыльев повернул на чуть видневшийся вдаль лесок и быстро скрылся с глаз.

Еще последние усилия для ног, скользящих по песку и «Волга — русская река» у ваших ног. Она, как вы, утомлена. Ей так же, как и вам, хочется пить. Ждет — не дождется Волга-матушка холодного дождя. Истосковалась, бедная, по нём, свершая бесконечный путь среди степей, среди песков, под зноем солнечных лучей. Сыпучие горячие пески, преследовали Волгу по пятам. Широкие песчаные поля безжалостно перекрывали её вдоль и поперек, благодаря чему она быстрее высыхала и мелела. Торопилась Волга-матушка, хотелось ей скорее встретиться с сестрой, с её любимой Камой.

Гордая уральская красавица-река текла не по степям. Урал могучий да леса дремучие насытили её великой водной силой. Молодая свежая краса лесов сосновых весело текла в своих роскошных берегах.

Спешила Кама, ускоряя бег. Хотелось поскорей догнать сестру, чтоб напоить её своей водой, чтобы навеки слиться с ней. Вдвоем не страшны им пески.

Не страшны им палящие лучи!

ПУТИ ЖИЗНИ

Выйдя на песчаный бережок, друзья расположились отдохнуть, полюбоваться зеркалом реки и выкупаться.

«Устье» — этот когда то полный жизни и движения огромный порт имел теперь печальный вид. Что стало с ним? Ведь прежде сотни пароходов пассажирских и товарных ежедневно приходили с двух сторон. Движение судов столь было велико, что не было почти возможности переплывать на лодке на другую сторону реки, в районе пристаней. Шум, крики, пароходные свистки висели в воздухе с утра до вечера.

Трамваи и извозчики сновали взад и вперед. Огромные ряды гостиниц, чайных, ресторанов были переполнены людьми.

Вдоль пристаней, поближе к берегу, расположились в два ряда фруктовые палатки, столики и мелкие лавчонки.

Жизнь кипела. Все толкалось, суеилось и кричало. Сколько всякой снеди!

На баржах и лодках шла торговля дынями и арбузами. На пристанях полно народа. Все куда то торопились, приезжали и уезжали. Шла погрузка и разгрузка пароходов и баржей.

Теперь всё словно вымерло. Движение парализовано. Торговли не было совсем. И торговать то было нечем да и некому. Огонь пожрал все магазины, рестораны, уничтожил целиком торговые ряды.

Богатый волжский флот довольно сильно поредел во времена междоусобицы, когда на Волге и на Каме шли кровавые сражения. Речные пароходы приспособлялись для военных целей. Им достаточно было одно прямое попадание

из трехдюймового орудия, и «грозный броненосец» шел на дно.

Еще сильнее пострадал прекрасный Камский флот. Его новейшие пароходы были уничтожены так называемой «народной армией». Во время отступления, в осенний ледостав, флотилия судов застыла в устье Чусовой, в верховьях Камы. А зимой, когда остатки «армии» бежали за Урал, все пароходы были преданы огню. Огромные красавицы пароходы, как «Наталия», «Марианна», «Вера», «Харитина» и другие, облитые керосином и преступно подожженные, пылали на глазах рыдающих людей.

Российская армия за всю свою тяжелую, но славную историю, не была способна на такие темные дела.

Когда друзья зашли на пристань Камской линии, к ней только что пришвартовался пароход «Желанный». Капитана и, в особенности, старшего помощника Ковровы знали очень хорошо. После приветствий и расспросов, приступили к сути дела. Оказалось, что проехать в Пермь на даровщину невозможно, как надеялись друзья. Наличие на пароходе «судового комитета» ограничивало власть и капитана и его помощника. Особенно они боялись сплетен и доносов, а в содействии устроиться в Перми на службу не могло быть никаких сомнений.

Оказалось, что начальник Пермского «Райкульта»*), некто А. Анисимов был личным другом старшего помощника. Он тут же написал письмо Анисимову и, вложив его в конверт, вручил друзьям, а по приезде в Пермь, пообещал поговорить с ним лично.

Озеров был вне себя от радости, благодаря судьбу за помощь. Новый взлет энергии забушевал внутри и освежил отяжелевший мозг. Вновь захотелось жить, бороться со всей страстностью и пылом беспокойной действенной натуры. Только маленький толчок извне и обещание помочь пере-

*) «Культурно-просветительный отдел водного транспорта».

вернуло всё вверх дном. Он, словно утопающий, схватился за соломинку в надежде, что соломинка окажется бревном, а ухватившись за бревно, спасешься сам и вытянешь других. Надейся на себя и верь в свою судьбу. Она придет и выведет тебя на светлый путь.

Счастливей человек! Мечтательная мысль его, как птичка радуется и поет. Летит в неведомую даль, за синие моря, в края заморские чудесные. Туда, где реки все молочные текут в кисельных берегах. Где манна падает с небес в одно и то же время, каждый год. Где радостное солнышко не сходит с неба и не прячется за землю, за какойнибудь лесок; не появляется опять то из-за мельницы, что на краю села, то из-за Марьиного сада, — сияет всем и каждому, кто любит жизнь, кто рвется ввысь.

Достиг ли Озеров того, чего искал, к чему стремился ум его? Чего так жаждала душа? Достиг ли он вершин в своих стремлениях? Достиг и четверть века шел вперед по верному пути.

Птицы летят на юг. Летят большими стаями за сотни верст туда, где вечное тепло. Тяжелый, долгий и опасный путь. Не все они, конечно, достигают цели. Много их, несчастных, гибнет на пути. Иные разбиваются, иные тонут в море. Уцелевшие летят всё дальше, всё вперед. Таков закон природы перелетных птиц. Они уж далеко, под ними море, впереди неведомая даль. Ни островка, ни камня на пути. Они измученные и голодные летят над морем, выбиваясь из последних сил.

Отставшие от стаи гибнут в море. Ветер крепнет. Он шумит, свистит в ушах, срывает пену с гребней волн и гонит их на встречу стае.

Тучи закрывают небо. Гул прибоя и шум ветра нагоняют страх на бедных птиц. Слышны далекие раскаты грома. Всё сильнее и всё ярче блещет молния. Лишь только буре-вестники ныряют, кружатся над бездной, предвещая бурю, предвещая все несчастья. Тоска, уныние овладевают птицами, а страх всё гонит их вперед, в ночную мглу.

Вот беспросветный мрак, как черным саваном, закрыл бушующее море. Видимость исчезла окончательно, и шторм вступил в свои права. Сознание не покидает бедных птиц. Бороться нужно, а иначе гибель стаи неминуема.

Вдруг свет блеснул в глаза пернатым странникам. Далекий и спасительный маяк! Все вострепнулись, ожили, как будто легче стало всем. Еще последнее усилие и долгожданный отдых ожидает их.

Не чувствуют, бедные, свою беду, не ожидают гибели. Ведь это ложный и опасный свет блеснит в крошечной темноте. Чем ближе, тем сильнее бьет он им в глаза. Всего лишь несколько минут и птицы, ослепленные лучами страшного прожектора, теряя мужество, теряя волю, гибнут, не имея силы убежать гипноза адского огня.

Какую массу бедных птиц сгубил за время перелета враждебный им маяк! Тела пернатых странников покрыли камни маяка, а море поглотило стаю в бездне вод.

Самые ужасные опасности, встречающиеся на жизненном пути, это соблазны. Сколько их и малых и больших! Сколько заманчивых дорог расходятся перед вами во все стороны! Как много привлекательных тропинок, на которые так хочется ступить!

Один пошел, не разбираясь, наугад. Ошибся, не нащупал своего призвания и уклонился в сторону, ушел от счастья, не найдя себя. Другой, покорный злой судьбе, тянул томительную лямку до конца своих печальных дней и с ней мирился. Третий шел в потемках крадучись, как вор и спотыкаясь. Наконец, упал, разбился и не встал. Все трое шли не по тому пути. Им ложный свет светил во тьме. Они, как мухи на свет лампы, шли за ним. Их много, ослепленных и доверчивых, плелись по ложному пути под светом дьявольского маяка. Оставшиеся и сейчас идут-бредут по скользкому пути, всё так же в темноте. Завидя ложный свет, спешат к нему, впадают в грех и, пораженные духовной слепотой, покорно гибнут, не имея сил бороться.

На другое утро после вылазки на Волгу Озеров проснулся поздно. Встал с намерением отправиться в Художественное училище под впечатлением «таинственного» сна: опять портретный класс; он окружен друзьями; все его приветствовали и радовались за него, а почему — за что? . он, как ни силился, не мог припомнить, но его неудержимо потянуло на Грузинскую улицу.

Он, тщательнее, чем обычно, вымылся и причесался. Выпил чашку чаю с сахарином, съел положенную четвертушку хлеба и, схватив фуражку, выскочил на улицу.

Он — у дверей парадного подъезда. Он вошел в подъезд. Вторая дверь. . , знакомый коридор, вход в канцелярию. . , а сердце учащенно билось. Он переступил порог. За письменным столом сидел знакомый старый деловод, который сразу же его узнал.

— «Ба. .а. . ! Озеров, когда приехали? Каким вас ветром занесло сюда и прочее. . .» Болтали долго обо всем, припоминая прежние «золотые времена».

Вошел художник Фешин Николай Иванович, за ним еще какой то ружий господин. В руках художника было охотничье ружье, которое он, видно, собирался покупать, решив испробовать на месте, тут же в канцелярии. Мишенью выбрали портрет, висевший на стене, — портрет того, кто «осчастливил» всю Россию.

Фешин долго целился на близком расстоянии и бахнул. Все переглянулись, но портрет остался там, где был повешен. Пострадала дверь. Раздался дружный смех присутствовавших в комнате. Все были в восхищении от «меткости» стрелка. На счастье всех, по улице не проходил никто из тех, кто сильно реагирует на выстрелы, а потому никто не пострадал. Ружье, которое «стреляло плохо», Фешин, может быть, купил, а может быть, и нет*).

Когда все разошлись, а Озеров замешкался с заведующим канцелярией, дверь отворилась.

— «Озеров! Какой пассаж! . . . Какая неожиданность! . . .»

*) Озеров в последний раз увидел своего преподавателя.

— он обнимал приятеля, — то был коллега Озерова, Петр Петрович Н. Наговорившись вдоволь, оба друга перешли поближе к делу. Озеров узнал, что архитектор Н. заведывал сейчас здесь уцелевшими от грабежей в дни Октября архивами. Одновременно исполнял обязанности коменданта здания. Воспользовавшись этим обстоятельством хотелось Озерову получить свои отборные работы: чертежи, рисунки и проекты.

Петр Петрович его тут же успокоил: «Всё расхищено!» — сказал он с огорчением. — «Твоя «Венера» украшает комнату в одном приличном доме. Хочешь, покажу! И подпись даже сохранилась.»

Решено было предать это забвению. Но тут произошло нечто, совсем из рук вон выходящее и неожиданное.

— Случай! — скажет ктонибудь.

— Судьба! — решил сейчас же Озеров. — Спасибо ей! Она же привела его вчера на «Устье» и на пароход «Желанный», а сегодня привела его сюда, столкнула вместе двух приятелей, — а дальше всё пошло само собой.

Как выяснилось, Петр Петрович в сентябре идет в отставку, собираясь открывать свое проектное бюро. «Тоже мечты — полет фантазии», ибо сейчас не время для реализации таких серьезных предприятий. Но от неожиданности Озеров, словно ужаленный, вскочил со стула. Все дальнейшие сообщения приятной музыкой звучали у него в ушах.

Уполномоченным К.В.Х.Т.П.М., вместо профессора Макарицкого, теперь назначили какого то Ф. Заозерного. Кто он такой, никто не знает. Сидел, как полагается не в своем кресле, но зато и был «рубаха парень».

— «Если вор у вора украдет дубинку, что случится? — Ничего, грех небольшой. — «А если Заозерного «объехать»*), что тогда, — грех увеличится?» — Нисколько! Что им, бобылям, ребят крестить с уполномоченным? Тем более, что оба были до сих пор на «холостом ходу», беспечные, веселые и голосистые. Любили петь при всяких обстоя-

*) «Объехать» — обойти, обмануть.

тельстввах. Один — баритональный тенор, а другой — бас-баритон.

— «Давай сперва споем, потом поговорим!»

— «Давай!»

— «Не искушай?»

— «Не искушай!»

Пропели хорошо «не искушай меня без нужды!...» А сами, вынужденные ко лжи, решили искушать Уполномоченного Заозерного. План был такой: просить о назначении Озерова Виктора на должность коменданта здания, которая освободится в сентябре. Если удастся, хлопотать об отпуске на месяц для поездки в Пермь устраивать свои дела. Потом, о выдаче студенческого удостоверения «Ударной группы» для бесплатного проезда в Пермь.

С Уполномоченным знакомство состоялось в тот же день. Прощение о замещительстве было уважено. Кандидатура Озерова оказалась подходящей, даже более того — желательной.

Уже на третий день студенческий и проездной билеты были на руках. На этот раз, как исключение, ложь победила. Обманули своего начальника, используя его доверчивость, в своекорыстных целях, да еще и радуются, греховодники!

Пошли на радостях в одно поганенькое заведение, где чокнулись за счастье, за любовь, за радость новой встречи. Обнялись, расцеловались на прощание, расстались навсегда.

Так продолжал терять гонимый Озеров своих последних и незабываемых друзей. Ради таких друзей не нужно ста рублей.

Не следует расценивать своих прекрасных чувств ни серебром, ни золотом лишь потому, что дружба и любовь неопенимы.

«ФИЛОСОФСКИЕ» РАЗМЫШЛЕНИЯ

«Охота к перемене мест — весьма мучительное свойство», с чем нельзя не согласиться. И особенно мучительное, если эта перемена происходит на прекрасном Камском пароходе

«Анна» на пустой желудок да еще на вольном воздухе, перенасыщенном какими только захотите витаминами!

Итак, закончив все свои дела, которых было уж не так и много, Озеров отправился на пристань. — Пароход отваливает в шесть часов, — ответили ему в бюро.

Не без волнения он покидал свою любимую Казань. На этот раз его никто не провожал.

Уже и третий отходной свисток оповестил всех отъезжающих. Уже и сходни стали убирать. Последний запоздавший пассажир, волнуясь и жестикулируя, проворно подскочил к барьеру пристани и, сбросив свой багаж на пароход, с разбегу прыгнул вниз. Под смех и реплики матросов подхватил его и поспешил исчезнуть с глаз помощника.

— «Вперед тиха-а-ай!» с нижегородским говорком послышалась знакомая команда с капитанского мостика. Опять привычный трепет разлился по нервам. Снова едет в неизвестность. Снова гонится за счастьем всегда ищущая, вечно жаждущая и мятежная душа художника.

Какие еще новые лишения ждут Озерова впереди? Сколько рогаток установит на пути своему баловню изменчивая и коварная судьба? Какие жертвы он ей должен будет принести еще за право получить заслуженное снисхождение и ласку?

«Анна» делала красивый поворот, давая частые, короткие свистки, чтобы прогнать со своего пути паромы, лодки и другую мелкоту. Дав развернуться пароходу вниз по Волге, капитан скомандовал: «Вперед до полного!» повесил трубку и покинул мостик.

Озеров прошелся раз-другой по палубе и на корме, за ветром расположился в кресле.

Пристани остались позади и быстро убагали вдаль. Вот справа промелькнули нефтяные баржи. Вот и дачи среднего и нижнего Услона. Наконец вдали открылась освещенная вечерним, ярким солнцем старая Казань с Кремлем. Внутри Кремля собор, а перед ним, как памятник далекой старины, стояла башня Суюмбеки.

Чудились роскошные парады царских дней. Вот полк красавцев-Каргопольцев вышел из ворот Кремля. Кавалерийский марш любимого казанцами оркестра далеко разносится по Воскресенской улице*). Массы празднично одетых горожан восторженно встречают проходящие войска. Повсюду реют русские трехцветные знамена, символ славы и величия России.

В центре на Проломной улице видна большая колокольня храма Благовещения. В этом храме Озеров говел в святые дни Великого поста. Вот и Суконная, «родная слобода», раскинулась в низовьях города. А вот и мыловаренный завод Крестовникова.

Пароход проворно-весело бежал вниз по реке. Казань быстрее убегала вдаль, пока совсем не скрылась в розовом тумане запоздавших солнечных лучей, в последний раз блеснувших из за туч. Красавец пароход, как чайка плыл вниз по реке, кокетничая белизной своих кают и общей чистотой красиво отражаемой в вечернем зеркале задумчивой реки.

Уже повеяло ночной прохладой. Тишина кругом. Лишь только изредка промчится встречный пароход или тяжелый караван баржей, которого тянет вверх по Волге небольшой буксир.

Тоскливо стало на великой русской «матушке-реке». Нет больше шума, нет веселия, нет жизни. Только монотонный звук гармошки изредка доносится с кормы. Там, как и прежде, группами сидят татары прямо на полу, поджавши ноги под себя. Три пожилых татарина покуривают «само-сад» или махорочку и полусшепотом лопочут о плохих тяжелых временах. Другая группа разместилась возле чайника. Чай пьют без сахара, жуя засохший черствый хлеб, или обмакивают его в чай. Пьют много, поминутно вытирая пот, ручьем стекающий по бронзовым щекам скуластых лиц.

Ни караваев хлеба не лежало на разостланной тряпице, ни копченой воблы, ни сушеной рыбы, ни кусочка сахара.

*) Славный Каргопольский полк был уничтожен в первые же месяцы войны при наступлении в Восточной Пруссии.

Горячая вода с кристалликами сахарина, ломтик хлеба — вот и вся еда.

Сушеная «тарань» в былое время стоила гроши — три штуки на копейку. Летом эту рыбу привозили в баржах. Выгружали на разостланный на берегу брезент большими кучами. Когда грузили на подводы и везли по набережной в город, рыба сыпалась с подвод без всякого учета. Ребятишки подбирали воблу, нагружая пазухи, потом бросались ею, устраивая целые сражения.

А где же колбаса? Ведь прежде, даже самый захудалый пароходик не ушел бы без неё, а ныне стало всё возможно. Можно ехать и без колбасы и даже на пустой желудок, да оно и лучше так то: самому легко и пароходу тоже. Он бежит себе по тихой Камской воде, как мотылек летит по воздуху. Труба по прежнему дымит, колеса крутятся, и своим мерным стуком нагоняют сон на пассажиров. Знай себе, похрапывай на свежем воздухе или сиди за чайником и чай китайский попивай, а сахар, хлеб и колбасу можно в уме представить.

Вспоминать о прошлом тоже можно, только осторожно. Вспоминай, оглядываясь, а не то наскочит «некто» в галифе с малиновым околышем на головном уборе да и скажет «вежливо»: — Давайте-ка не будем больше вспоминать о прошлом, а не то «за зебры и в конверт»! Тогда не только колбасу, а даже имена своих родителей забудешь.

Вот гармошку еще можно слушать. Озеров сидел и слушал, как казанский гражданин, сидя с печальным выражением на лице, пиликал всё одну и ту же скучную мелодию с утра до вечера.

Путешествие на пароходе «Анна» вверх по Каме с изумительной сё природой обещало быть и легким и приятным. На всё время плавания от Казани до Перми желудок получал тарифный отпуск и полный покой в пловучем «доме отдыха», с гарантией от всяких неприятностей, в виде — катарров, язв, колитов и других аппендицитов. А мозги, что ивы над ручьем, могли дремать и днями и ночами «на закон-

ном» основании. А легкие могли вдыхать такую массу кислорода, сколько им заблагорассудится, — учета еще не было.

Наш путешественник всё это взвесил и дышал всей грудью и всей диафрагмой, как учил его казанский профессор пения на своих уроках. Как всё это пригодились Озерову! И действительно, «ученье свет, а неученье тьма», то есть, чем дольше учишься, тем больше мучишься. «Учись, мой сын, наука сокращает...» жизнь и увеличивает горе и страдания. Это бесспорный факт! Вот доучились, например, до витаминов, ну и лопайте их на здоровье. Ваши предки этого не знали. Ели яблоки, лимоны, апельсины, груши сколько им хотелось, да еще в придачу салом заедали, хмельным медом запивали. Не учились, «ничего не знали», но зато были здоровы. Значит, плюнь и не учишься и за книжку не берись! Всё это только предрассудки буржуазные и явная контрреволюция.

НА ПАРОХОДЕ «АННА»

Долго Озеров сидел на палубе, любуясь красотой любимой Волги. Пароход шел вниз вдоль правого, гористого, довольно живописного крутого берега. Холмы (их называли меловые горы), покрытые фруктовыми садами или лесом, красиво отражались в зеркале реки. Вода то отливала — с приближением парохода, и тотчас же снова прилиwała к берегу, а белый гребешек волны бежал по краю берега за пароходом. Тишина. Вечерняя прохлада легким встречным ветерком приятно разлилась вокруг, и пребывание на палубе для Озерова было наслаждением.

Часа четыре отделяли пристань «Богородск» от города Казани. Это первая, большая прежде, остановка у красиво расположенного на холмах села.

Вдали мелькнули огоньки и «Анна» подходила к «Богородску», сделав поворот. Темно и неприветливо теперь на узловой, кипучей прежде, пристани. Свет заливал весь бе-

рег, а река была покрыта непрерывно движущимися огнями.

После получасовой стоянки пароход стал отходить от пристани и, снова сделав поворот, пошел вниз по Волге, оставляя вправо гору «Бач» (Абача). С лысины горы перед глазами открывался чудный вид на волжско-камские просторы.

Можно проследить течение двух рек. Истосковавшаяся Волга огибает гору, торопясь скорее слиться с Камой, сохранившей направление течения своей воды. Спокойный Камский ландшафт Левобережья преобладает и в дальнейшем течении Волги.

«Анна», обогнувши гору, сделала крутой и смелый поворот налево. Обойдя двухцветный (красный с белым) свет большого бакана, и перейдя границу встретившихся камских и волжских вод, пошла по Каме вверх*). Мигающий свет маяка на месте встречи и слияния двух рек, остался вправо за кормой.

Какая ширь, какой простор! Какая ночь прозрачная, глубокая и тихая, покрыла дивный уголок Родной Замли!

Задумавшись сидел на палубе, под дуновением ночного ветерка, подавленный величием природы, грустный и голодный пассажир. В свои студенческие годы он не раз здесь проезжал в весенний паводок, когда с восторгом наблюдал величественный и незабываемый разлив двух, милых сердцу, рек. Вокруг царилась ночь и тишина. Один маяк в прозрачной темноте мигал, указывая путь,

Сейчас разлива нет, а красота слияния двух рек, мигающий маяк, далекие родные огоньки и прелесть теплой ночи, как всегда, уносят ум и сердце в прошлое, влекут на отдых и покой.

Спать будто не хотелось, но усталость, ласковый прохладный ветерок и мерный стук колес заставили потягиваться и зевать, и постепенно сон раскрыл свои объятия. Встал и

*) Замечательная линия слияния двух рек отчетливо видна, и пассажиры проходящих пароходов напряженно вглядываются, желая непременно увидеть ее.

пошел на этот раз не в одноместную каюту, а спустился в третий класс, заснул и захрапел со всеми в унисон.

Проснулся Озеров и солнышко взопло. Проснулись все, как будто сговорившись. Всем хотелось выйти поскорей на палубу, на свежий ветерок. Попрежнему стояла тишина. Ничто не нарушало тихую задумчивую гладь реки. Лишь только изредка всплеснется на поверхности большая рыба, выскочит наверх, блеснет на солнце чешуей и вновь исчезнет в глубине, оставив след из водяных кругов. С лугов доносится приятный, нежный запах скошенного сена и цветов.

— «А вон и Чистополь! —

Еще минут пятнадцать-двадцать и умывшаяся утренней росой и освещенная лучами солнца «Анна» медленно подходит к пристани. Её свисток, прорезав утреннюю тишину и раскатившись по окрестности, красиво затихал, пока совсем не замер где-то за рекой среди лугов или в далекой просеке синющего леса. Пароход пришвартовался к пристани.

Пройдя по сходням, Озеров свернул налево, очутившись на том месте, где когда то был большой базар. Теперь там было пусто. Озеров остановился, словно вкопанный, припоминая всё. Молочный ряд: торговки и крестьянки не дают пройти, назойливо суя в лицо свои продукты — масло, молоко и яйца. Немного дальше рыба всякая, какая только водится в глубоких недрах Камы, и... о радость! стерлядь, камская стерлядь — жареная и копченая. Жир каплями стекает на землю. Свинина жареная, поросята, куры, гуси и пышлята. А сметана в кринках!.. Горы хлеба белого и черного. А бублики, бублики!.. А земляника то! Вся Кама пропиталась ею... А какая нежная и спелая, душистая и крупная! Не знаешь у которой девицы купить. Все хороши и вместе и в отдельности: румяные, здоровые и загорелые, и все смеются, все кричат, суя вам в нос лукошки с земляникой и другими ягодами, и лесными и садовыми.

Несут за вами, озираясь, не уехать бы! Кюта пахнет земляникой. Ссыпать некуда, посуды мало. «Сыпь на газе-

ту «Русское Слово»! Девушка сильнее нервничает, услышав свисток и вздрогнув. Поглядите ей в лицо поласковой. Загорится и зардеется, как маков цвет. Кокетливо посмотрит исподлобья, ухмыльнется, фартучком закроется и выскочит со смехом из каюты. «Сказка, сон!»

А что теперь? Две-три плохо одетых женщины, худые, бедные, суют из под полы бутылки молока, косясь на ненавистного милиционера.

— «Купи, батюшка, купи, родимый, дешево отдам, купи скорее! Отберет, проклятый пес, утроба ненасытная! Достать бы хлебушка, детей то много у меня, голодные сидят!...»

— «Купил бы, еще как купил бы да купить то не на что!»
— Так жалко стало женщину, что и сказать нельзя.

Пароход отваливал от пристани. Едва поднялся Озеров на палубу и сел в тени под капитанским мостиком, как подошел к нему какой то господин-товарищ. Он имел довольно чахлый вид. Растительность на непокрытой голове, как будто выжженная, неуверенно цеплялась островками за коричневую лысину. Бровей не было. Пара выпцветших грязно-серого цвета, ничего не выражающих и не мигающих, глаз смотрели на вас болезненно и упрямо. Крючковатый, сизый с оттенками нос украшал фасад лица — желтосерого цвета с ярко-красными пятнами на щеках. Общипанные жиденькие усы неряшливо и глупо торчали в разные стороны. Реденькая, козлиная, почти седая бородка удлиняла и без того продолговатое, страдальческое лицо, которое производило не совсем приятное впечатление.

Определить возраст субъекта было довольно трудно. Он был немолодой, лет под пятьдесят. Одет незнакомец был «по последней совмоде»: давно нестиранная рубашка без галстука была спущена поверх брюк; короткие, сильно помятые брюки, неопределенного цвета, и, наконец, ботинки старого образца с резинками и торчащими ушками.

Жалко и обидно было смотреть на этого человека, явно опустившегося, представителя старой русской интеллиген-

ции. Редкое покашливание подтверждало предположение о происхождении яркого румянца на щеках.

Незнакомец производил впечатление несомненно нормального человека. Разговор он начал сам. Сначала довольно вразумительно поинтересовался биографией своего собеседника. Осведомился о причине поездки, на что получил добросовестный и даже обстоятельный ответ, — Озерову не хотелось обижать несчастного; вначале довольно связная речь доставляла даже некоторое удовлетворение.

Как только «Руди», так странно назвал себя незнакомец, в свою очередь стал отвечать на вопросы, сразу стало ясно, что воспоминания прошлого доставляли ему страдания. Он терялся и переходил на своеобразные «опыты по химии и на мыловарение». Долго Руди говорил о способах варки мыла, долго внимал ему терпеливый слушатель. Последний, «усовершенствованный» способ изготовления мыла, который может пригодиться в жизни, запомнился хорошо. Оно легко изготавливается и может дать хороший заработок.

Способ изготовления такого мыла очень прост: на сто фунтов мыла нужно взять двадцать фунтов головастиков и бросить их живыми в кипяток; сваривши, процедить их, протерев сквозь сито; туда же всыпать фунтов пятьдесят песка, добавив тридцать фунтов красной глины; еще раз сварить всё, подливая воду (по мере надобности). Всё перемешать и остудить; нарезать мелкими кусочками, — мыло готово на базар. Прекрасное совмыло, грязь снимает вместе с кожей начисто и никаких следов!

Наш терпеливый путешественник всё это выслушал, поднялся со скамейки, вежливо раскланялся с случайным собеседником и скрылся.

«Анна» продолжала путь вверх по реке, а пассажиры занимались кто чем мог. Одни скучали, предаваясь грустным думам, а другие шли наверх, желая посидеть на палубе и подремать на ветерке. Иные спали, не желая расставаться с койками.

Только корма жила своей обычной жизнью, за которой

следует понаблюдать. Вон там, за якорем сидит группа курильщиков, которые с азартом курят «самосад» или махорку, поминутно сплевывая в сторону. Как начинается курение? Карман, где сохраняются остатки самосада, перемишанного с разным сором, выворачивается наружу. Содержимое кармана осторожно высыпается на тряпочку, а то и просто на ладонь. Что непригодно для курения, как то: пуховки, тесемки, крошки хлеба — извлекается наружу. Отрывается солидный угол от газеты и сворачивается. Насыпав в трубочку махорки, трубочку заклеивают слюной и перегибают пополам. Такая «папироса» называется на Каме и на Волге «козья ножка», а в других местах, возможно, иначе. Тонкий конец берется в рот, а толстый поджигается от спички, если таковая у курильщика имеется. А если нет, то «жертва» бегаёт по пароходу в поисках другой такой же жертвы. Если спичек нет и у того, тогда они вдвоем бегут вперед. Когда находится счастливый обладатель спичек, начинается прикуривание.

Обе жертвы долго тычутся своими «козьими» или другими ножками; они сопят, пыхтят, с остервенением втягивая воздух. Это, с медицинской точки зрения, весьма полезно, — это называется, дышать всей грудью!

Если же одна из жертв курения случайно не потушит «козью ножку» своего приятеля, его совпапироса запыхает, как костер и непременно обожжет ему усы, а иногда и брови. Это пустяки! Счастливые курильщики расходятся направо и налево, наполняясь дымом. Тот, кто не изведal прелести курения, тому и объяснять не стоит.

Некоторые из пассажиров целый день с утра до вечера пьют чай и потом обливаются, а те, что покультурнее, читают книжку, если таковая есть. Иные, ничего не делая, мечтают или спят со свистом, запрокинув головы. Если прижится хлеб и колбаса, тогда улыбка освежает испитое, желтое лицо, а раздражающая сладкая слюна до верха наполняет рот и ручейком стекает за ухо или за воротник.

Назойливые мухи тут как тут. Почувявши дразнящий за-

пах колбасы, жужжат над спящим, лезут в рот, в глаза и в нос. Напрасны их усилия, не разбудить им спящего.

Теперь взгляните вон туда, где свернуты канаты. Там сидят две женщины за удивительным занятием. Одна полулежит, полусидит. Она облокотилась на другую, положивши голову к ней на колени. Та, вооружившись гребешком, всё что то роется в её густых красивых волосах. Какие ощущения они испытывают, трудно объяснить, они необъяснимы. Нужно самому всё это пережить. Необходимо сесть на Камский пароход и прокатиться до Перми, попутно наблюдая за кормой.

Плохо быть холостяком, никто его не приласкает, не понежит. Недоступно это было также нашему скитальцу, бедному, бездомному и одинокому. Вместе с любимой, горемычной Родиной делил он все невзгоды и лишения. Тяжелые, подчас, но всё же милые воспоминания прошедших лет, вот всё, что у него осталось.

Много интересного можно увидеть на корме любого Камского парохода. Много пищи для голодного и ненасытного художника. Вон, видите там, с левой стороны у борта приютилась группа стариков-картежников. Они с таким азартом жарятся в «двадцать одно» и так сосут свои «собачьи ножки», даже трудно разобрать, откуда дым идет, — из паровой кочегарки или из картежников.

Что означает слово комбинация? Оно не русское и уж совсем не благозвучное. Но почему оно так привязалось к нашим женщинам? Они все что то комбинируют, особенно в костюмах и прическах, иногда даже себе во вред. К примеру скажем: комбинацией все называют почему то легковесную часть дамского туалета, легкомысленно просвечивающуюся сквозь тонкую и нежную прозрачность платья. Наши женщины без мала сорок лет упорно комбинируют: из нескольких сильно поношенных, «не модных» платьев составляют себе «новенькое» платье. На корме такое комбинирование можно видеть на веревочках, протянутых и вдоль и поперек, где сушится белье.

Теперь есть новый способ комбинирования: «заплата на заплате», то есть, когда новые заплаты нашиваются на старые и . . . дальше. Это в тех тяжелых случаях, когда нашим бедняжкам не из чего больше комбинировать и . . . нечем.

Проследим глазами по веревкам. Вот висит нарядненькое, пестренькое платьице. Лишь стоит только чуточку нагнуть-ся, чтобы разглядеть его во всех подробностях. Оно перешивалось много раз. С каким трудом оно перешивалось! Сколько пролито девичьих слез над этим платьицем. Сколько уменья и терпенья вложено в работу бедной и трудолюбивой девушкой, чтоб сшить себе такое платьице, почти из ничего. А сколько христианского терпения у нашей женщины. Страдалица ты наша русская! Кому и кто дал право так жестоко унижать твое достоинство? По чьей злой воле расточаешь Ты свое здоровье, свои силы, женщина — душа великого Народа-мученика?

Долго ли Он будет выносить лишения, терпеть обиды от своих и инородных паразитов на истерзанных плечах и теле?

Скоро ли освободит Он от неволи свою терпеливую и добрую страдалицу, свою родную Мать, жену, сестру? Свою заслуженную гордость, свое счастье, свою лучшую, сердечнейшую в мире, Женщину?

ТРИ ЧЕЛОВЕКА — ОДНА ДУША

Вдали показался «Берсут», пристань ягод и грибов. За целую версту тянуло ветром запах земляники к подходившему к ней пароходу. Пассажиры приготовились на приступ берега. На спуске к Каме, вдоль сходней по обе стороны расположились женщины с лукошками, наполненными ароматной земляникой. Целая аллея молока и земляники. Это было до национальной катастрофы.

Если пароход имел стоянку, пассажиры устремлялись вверх по деревянной лестнице на гору, сплошь покрытую

сосновым лесом. Сверху открывался чудный вид на Каму, на её широкие просторы и закамские леса.

Роскошная природа сохранилась, но ни молока, ни ягод не было. Грибы и ягоды еще росли в лесах, а собирать их было некому. До ягод ли теперь?

Пятиминутная стоянка не дала возможности полюбоваться сверху на преддверие Камского рая. От «Берсута» и до «Вандовки», такой же живописной пристани, гористый берег был покрыт сосновым лесом. Он тянулся дальше, вверх по Каме, вплоть до «Камских полян».

Запах сосны, грибов и земляники провожает пароход на всем пути до «Камских полян», а выше этой пристани преобладает запах скошенной травы (запах лугов).

Левый берег Камы преимущественно луговой. Луга уходят вглубь на много верст. Роскошная трава со множеством цветов распространяет нежный аромат по всей реке. Немуолкаемое пение птиц несется вслед за пароходом целый день, как гимн Творцу Вселенной.

С раннего утра до поздней ночи Озеров сидел на палубе, любясь Камским привольем, наслаждаясь чудными картинами родных, любимых берегов. Он с грустью вспоминал свои поездки прежних лет и их комфорт. Какое изобилие продуктов и разнообразие питания!

В реке водилось много всякой рыбы. Эта рыба и включалась в повседневное меню, сменяя дичь и мясо. Всё было вкусно и питательно, а главное, доступно. Осетрина, стерлядь, белорыбица, не говоря о головлях, язях, лещах, сомах и прочей рыбе. А уха из стерляди, пирог стерляжий, паровая стерлядь и копченая. Что может быть вкуснее и нежнее стерляди?

А жареные караси, лини в сметане! Говорят, что англичане не взлюбили нашу Родину из-за прекрасных глаз стерлядки. Как посмела Камская красавица вдруг отказаться от «великой чести» украшать собой английский стол не только лордов, но и самого английского короля! Один жестокий и тупой властитель Альбиона вдруг потребовал красавицу стерлядку к своему столу. Он пригрозил своим ужас-

ным гневом, если не получит «Камскую красавицу» в живом виде. Но как ни старались гордые властители земли, рабовладельцы англичане, привезти своему королю живую стерлядь, это им не удалось. Свободолюбивая красавица не вынесла неволи. Будучи посаженной в большой резервуар, в котором повезли её в туманную и чуждую страну, она решила умереть, но не попасть на королевский стол, и... умерла.

Зато наш путешественник едал её не раз, да и живой она давалась ему в руки, несмотря на то, что он еще ни разу не был королем. Теперь сидел он на широкой и просторной палубе не менее прекрасной «Анны», вспоминая прошлое. Он думал: где духовное питание для сердца, для души и для ума, — питание для засыхающих от безработицы мозгов?

Замолкла музыка, расхищены библиотеки пароходные. Где преферанс, концерты, диспуты? Где занимательные собеседники, с которыми часами можно было говорить, сидя на палубе, буквально обо всем, на все излюбленные темы, например: о живописи, о театре и о музыке. Какие встречи и знакомства!...

Нет всегдашних пароходных спутников. Не слышно странствующих музыкантов и певцов. Нет исполнителей народных песен, балалаечников, гармонистов. Где рассказчики, танцоры, юмористы? Где веселый смех, который слышен был повсюду?

Вот какие мысли раздирали душу одинокого, голодного, заброшенного на родную Каму, путника. Откуда ждать поддержки и участия в этом паскудном мире злобы и предательства?

День клонился к концу. Вечерняя заря зарделась над рекой. Легкий туман воздушной и прозрачной кисеей спустился на поверхность тихо засыпающей реки. И снова царственная ночь покрыла «Анну» с её пассажирами и с их заботами и думами. Опять ночное эхо гулко и услужливо разносит мерный убаюкивающий, стук колес.

Как тихо стало всё кругом. Каким приятным, нежным ароматом трав пропитан чистый воздух. Сказочная красота

таинственной волшебной ночи разлилась по всей реке. И чудилось, что нет конца прозрачной темноте.

Какое множество небесных светляков рассыпано в далекой, безпредельной вышине. Как много их в речной бездонной глубине. Казалось, небо и земля слились в одном творении.

Святая тишина. Святая ночь, в которую неудержимо мчалась «Анна».

Легче стало на душе скитальца. Захотелось петь и славить Божие творенье, недостижимо далекое, но в то же время близкое и осязаемое, в этом раю чудесной, будто неземной реки и девственной природы.

Озеров сидел, как зачарованный. Он то напряженно всматривался в даль, в таинственную темноту, то прислушивался к плеску вспененной колесами воды, к вздохам машины и ко всем, любимым с детства, пароходным звукам.

Тихий и отрывистый свисток звучит над головой. Он вызывает на промерку, иногда на смену вахты. Пароход сбавляет ход. Идет, как будто ощупью, чуть шлепая колесами. Опять свисток. Отмель благополучно пройдена. Труба усиленно дымит и пароход сильнее вздрагивает. Стук колес заметно учащается. Волна сильнее шумит и «Анна» снова быстро и уверенно идет вперед. То слева красный или справа белый свет ныряющего бакана проносится в обратном направлении. Вдали на берегу фонарь блестит, как звездочка, указывая направление фарватера.

Нет-нет да встречный пассажирский пароход промчится весь в огнях, красиво отражаясь в глубине реки. Оба рассветываются и, в знак приветствия три раза освещают полным светом свои палубы. Промчался встречный пароход, и свет погас. Все снова погрузилось в темноту. Покой реки опять нарушен. Пароход свистит. Что впереди? Должно быть, караван баржей. Вслед за свистком на мостике блестит мигающий свет фонаря. Буксир ответил «Анне» продолжительным свистком. Он согласился с направлением и фонарем мигает с той же стороны.

Летняя ночь на Каме очень коротка. В первом часу чуть

брезжит утренний рассвет, а во втором редет темнота и занимается заря. Впадение Вятки в Каму (устье Вятки) проходили уже засветло. Из Вятки вышел в Каму пассажирский пароход Казанской линии. До устья Вятки останавливались у «Соколов», крупной прежде, перевалочной торговой пристани. Прошли, не останавливаясь, маленькую пристань местного значения, бывший «Святой ключ». Остановились у Елабуги, построенной купцом Стахеевым. Здесь Кама резко поворачивает вправо.

«Анна» оставляет за кормой на высшей точке горного хребта сторожевую башню Стеньки Разина. Елабужские власти, по какому то наитию, решили выбелить её. «Виднее будет с Камы», с чем нельзя не согласиться.

В городке Елабуге родился знаменитый мастер живописи Шишкин. Здесь, на берегах любимой Камы и в лесах Прикамья, он писал свои полотна: «Кама», «На Каме», «Утро в лесу» (что с медведжатами), «Богатый лог» *), и множество других полотен.

В «Иском устье» не остановились. Подошли к Ижевскому источнику. Он будто спрятался в густом лесу горы, а чуть повыше живописного источника, впадает в Каму живописная лесная речка «Иж». А вот и пристань «Пьяный Бор». Здесь Кама очень широка. В весенний паводок далекий левый берег исчезает с глаз.

Проехав устье реки «Белой», левого притока Камы, подошли к богатой прежде, хлебной пристани «Каракулино».

Каракулино — крупное торговое село. Вдали уже видна большая колокольня храма тоже крупного торгового села «Николо-Березовки». Невдалеке от пристани находится старинный монастырь, где пребывает образ Николая Чудотворца. Его именем и названо село. Торжественная встреча в городе Сарапуле высокочтимого Угодника — 7-го июля.

За пристанью «Камбарка» уже виден широкопролетный железнодорожный мост новейшей конструкции, в пяти верстах от города Сарапула.

*) Лог — лесной овраг.

Пройдя под арками моста, стремительная «Анна» вышла на простор реки. Сарапул словно плыл в туманно-розовой дымке догоравших солнечных лучей. Потом он скрылся за зеленым островом. Минут через пятнадцать-двадцать город снова на виду у пассажиров. Улица за улицей проходят мимо. словно по линейке они идут от самой Набережной и теряются в лесу.

В честь всех престольных праздников двенадцати церквей наименованы почти все улицы Сарапула: Покровская, Рождественская, Троицкая, Иерусалимская, Богоявленская, Вознесенская и т. д.

Протяжный, длительный свисток внезапно всполошил «Вечерний звон» спокойного и тихого Сарапула. Он разлился по улицам и переулкам города. На каланче взвился традиционный синий флаг, что означало: «Пароход приходит снизу». Ввиду раннего прибытия, он здесь задержится на три часа и выйдет в Пермь по установленному расписанию.

На дебаркадере толпилась отъезжающая публика, бедно одетая и серая, с традиционными мешками за спиной, с корзинками и узелками. Очень мало было местных жителей, встречающих или провожающих родных или друзей. «Ни одного знакомого лица!» — подумал Озеров.

Стемнело. Город вспыхнул яркими огнями. Грустно было на душе. Он нехотя поднялся со скамьи и перебрался на другую сторону. Купальщики на лодках возвращались с пляжа.

Еще третий отходной свисток не смолк и эхо еще вторило ему в закамских лесах, как вдруг густой, давно знакомый бас разнесся по реке:

«Ой, кабы Волга-матушка вспять побежала . . .

«Кабы можно, братцы, начать жить сначала!»

— «Коля!» — нервно крикнул Озеров. Замолк певец, как видно, ждал, прислушивался.

— «Коля!» — еще громче крикнул голос с парохода.

— «Витя!» — донеслось из полумрака. Это доктор, друг-приятель Озерова с детских лет. Вместе росли, вместе учились, одновременно кончили свое образование. И вот теперь такая горькая, незабываемая встреча!

Лихорадочно грёб доктор к пароходу, уже отходившему от пристани. Тревожные свистки рвались в пространство, отгоняя смело и неосторожно приближавшиеся к пароходу лодки.

— «Прощай «Анна»! Прощай, друг мой, Виктор!» крикнул доктор. «Анна» разразилась заунывными прощальными свистками. Палуба внезапно осветилась в знак приветствия.

— «Прощай, мой старый друг!» — речитативом прогудело уже издали и слабо. Озеров не мог ответить. . . Нервно заходил он взад-вперед по палубе. «Последний представитель славной гвардии каким то чудом выжил в городе! . . Как мог он уцелеть?» — шептал взволнованный скиталец, напряженно всматриваясь в темноту.

Первый помощник капитана Виктор Николаевич Варламов весело сбежал по трапу с капитанского мостика. Столкнувшись с Озеровым, он остановился, словно заинтересовавшись им, — и тот остановился.

— «Это вы?» — неловко вырвалось у первого помощника.

— «Да, это я... Как странно!» — Озеров очнулся и спросил: «Простите, по какому случаю вы подавали трогательные прощальные свистки?» —

Варламов, мило улыбнувшись, весело ответил:

— «На приветствие знакомого сарапулского доктора и вашей трогательной встречи с ним. Я был растроган. . . Ваше имя Виктор?»

— «Совершенно верно.»

— «А по отчеству?»

— «Петрович.»

— «Я ваш тёзка. . . , только Николаевич, а не Петрович. Николай Иванович мой друг», — добавил он.

— «И мой!» — ответил Озеров.

— «Ну, стало быть, и мы будем друзьями.» — Оба обменялись теплыми рукопожатиями. — Скоро сдам дневную вахту и вернусь, тогда поговорим! — Варламов козырнул и скрылся в полумраке палубы.

Оставшись в одиночестве, скиталец перешел на нос и сел на ветерке. Он думал, вспоминая «встречу»:

«Слышать голос друга, переброситься приветствиями, но не видется и так разъехаться, возможно, навсегда! Как это глупо и бессмысленно, а главное, обидно.»

Виктор Николаевич вернулся раньше, нежели предполагал. Он пригласил приятеля в свою каюту. Им открыла дверь жена «речного волка». Виктор Николаевич представил ей своего нового приятеля, как закадычного стариннейшего друга доктора. Жена помощника была довольно худенькая, подвижная дама средних лет, с приятным выражением лица. Она непринужденно поздоровалась и пригласила гостя сесть за стол.

— «Мой капитан!» — указывая на жену, с улыбкой произнес хозяин.

— «Так и полагается,» — ответил гость. — В семье ваша супруга — капитан, а вы «первый помощник». А вот, смотрите, и «второй помощник»! — все невольно засмеялись. А «второй помощник» в это время вылезал из под стола, держась за юбку матери. Это был рыжеватый, круглолицый мальчуган лет двух, двух с половиной.

— «Мать, утри скорее нос «второму помощнику»! — сказал со смехом Виктор Николаевич.

Когда все сели по местам, внимание гостя привлекли глаза девочки лет, приблизительно, пяти-шести, не больше. Девочка настойчиво таращила свои глазницы, как две сливы, на чужого дядю. Крупные, резко очерченные, сочные губёнки и две ямочки на пухлых щечках, выдавали девочку-плутовку с головой. Она была шалунья и любимицей в семье. С пришедшим гостем поздороваться не захотела, но с жеманным любопытством не сводила с «дяди» своих чудных глаз.

— «Красивая бабёнка вырастет! — не утерпел папаша. Знает себе цену, «дрянь»!

— «Бабёнка», не смущаясь, продолжала наблюдать за гостем из за стула матери, не изменяя позы. Две косички

с розовыми бантиками на концах лежали на плечах девочки, а третий «бантик» продолжал задорно улыбаться. «Сливы» вторили ему. Они блестели и метали искры, гармонирова с косичками и с бантиками, с пухленьким пунцовым роти́ком и соблазнительными ямочками на щеках. Плохо приходится художнику, болезненно воспринимающему молнии девичьей красоты.

Не выдержало сердце Озерова. Он схватил в охапку юную красавицу и звонко чмокнул в обе ямочки. С упреком поглядели «сливы» на восторженного гостя, вырвались и снова спрятались за материнской спиной.

— «Счастливей будет тот болван, которому достанутся такие «очи черные»! — в душевной простоте, невольно вырвалось у гостя. Это вызвало довольную улыбку у родителей.

— «Люблю такую непосредственность и добродушие. Такой же Николай Иванович!» — сказал хозяин.

— «В том же самом, только в большей степени повинны вы!» — ответил гость со смехом. — Русская отзывчивость и доброта выходит из сердечных недр «речного волка».

— «Ну и ну! «Пара сапог», как погляжу на вас! Уселись рядышком петух с кукушкой и давай хвалить друг друга, потому что оба безголосые!» — со смехом вставила жена «речного волка».

— «Заключительное слово, как всегда, за «капитаном»! хитро глядя на жену, ответил Виктор Николаевич.

Хозяйка вынула из шкафчика внушительного вида кружки с красочным рисунком парохода «Анны» и, наполнив чаем, подала мужчинам.

— «Вот, посмотрим, что у вас за русские натуры, как вы справитесь с такими кружками,» — добавила она.

— «Не кружища, а целый самовар! Должно быть по наследству от Петра Великого они достались вам,» — сказал неугомонный гость.

— «Почти что угадали!.. Правда ведь, не сладко приходилось провинившемуся гордому боярину перед лицом царя, не отрываясь, выпивать такую кружку?»

— «Бр-р-р!... Я не хотел бы очутиться в положении божьяarina!» — смеясь ответил Озеров.

Как оправдали свои русские, широкие натуры гость с хозяином и долго ли они потели над большими кружками, о том история умалчивает. Но доподлинно известно, что судьба и на сей раз не позабыла нашего скитальца. Виктор Николаевич сыграл решающую роль в его ближайшей жизни.

«Это — случай» — скажет скептик.

Нет, не случай, а предначертание судьбы.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

С приходом парохода «Анны» в Пермь для Озерова наступал период мрачных и тяжелых испытаний. Быть или не быть. Работать и творить на пользу общества или сойти со сцены жизни и бесславно доживать свой век в тоскливом одиночестве.

Чуть ли не с первых же шагов в Перми на Озерова стали наедать болезни. В людях, среди окружающего хаоса, искал он вдохновения и помощи, и в то же время понимая невозможность в данной обстановке применить свои большие знания, свои способности, свою неиссякаемую силу молодой энергии.

Людей своего круга он встречал довольно редко. Как крошечные они зарылись в норы. Как беспомощные слизняки под жаркими лучами солнца залезали в свои раковины. Полная растерянность, а то и безразличие к судьбе России, как тенетами опутали интеллигенцию. Моральная подавленность, духовный и физический террор сковали её волю к действию.

Как чиж, попавший в западню, метался Озеров, ища какого нибудь выхода из жизненного тупика. Болезни разбивали всяческие начинания в то время, как казалось, уже виден свет во тьме и виден выход на широкую дорогу деятельности.

Насколько Пермь являлась в жизни нашего скитальца

символом страдания, настолько же она и послужила первой вехой на его пути к педагогической работе и к устройству личной жизни.

Пермь! Пароход пришвартовался к пристани. Тревожно было на душе у Озерова. Чувство одиночества сильнее прежнего сдавило грудь. Как трудно — думал он — найти и как легко, как просто потерять.

Простившись дружески с семьей «речного волка», не без грусти Озеров поцеловал глазищи девочки, теперь уже не делавшей попыток спрятаться за маминой спиной. Они охотно проводили дядю по сходням на пристань. Еще долго вдалеке виднелись три чудесных «бантика», пока он шел наверх, оглядываясь поминутно и пока не скрылся в сутолоке набережной. В кулаке своем он обнаружил сжатую записочку. В ней был указан адрес Мотовилихинского затона, где повидимому, предстояло зимовать сердечному «речному волку», обладателю трех бантиков.

— Куда итти, с чего начать? — Остановился на распутии у калитки в небольшой прибрежный садик. У калитки столб с прибитой поперек доской, а на доске две надписи:

«Вход воспрещен».

... «Штраф три рубля».

За что — нельзя было понять, так как начало было стерто.

Вдруг, откуда не возьмись, ворона. Села на решетку сада и закаркала над самым ухом. Озеров невольно вздрогнул и поставил вещи.

— «Знак плохой!» — подумал новый пермский гражданин. — «Какая встреча!..» Рассердившись на ворону он швырнул в неё засохшим комом грязи. Та, взмахнувши крыльями и каркнув на прощанье, полетела через улицу.

«Штраф три рубля...» «Вход воспрещен...»

«По сей дороге ехать, убиту быти!..»

— «Ах, ты, дрянь!» — невольно выругался Озеров. — «Накаркала, проклятая вещунья. Это не спроста! Вперед, хоть в темноте, хоть ощупью, итти придется. Если справишься со всеми неудачами, переживешь и лихолетье, обрушившееся

на Родину. С судьбой не спорят, это верно, но еще вернее то, что пропадешь, если покорно будешь ждать решение судьбы, имея все возможности бороться.»

Озеров пошел вперед, пробормотав сквозь зубы: «На ворону плюнь, на то она ведь и ворона, чтобы каркать.»

«Не имей сто рублей!..» с такой счастливой мыслью Озеров вошел в большие двери Райкульта. Не успев поставить свои вещи в уголок, он встретился с начальником. Н. Т. Анисимов, приветливый и добродушный человек, поставил гостю стул. Поинтересовался, с кем имеет счастье познакомиться и чем может служить, на что сейчас же получил исчерпывающий ответ. Он пробежал письмо от капитана парохода «Вятка» *) и сказал:

— «Прекрасно! Кстати. Следуйте за мной, — а по пути добавил, взявши под руку пришедшего: — я назначаю вас заведующим Художественной секцией с обязанностями инструктора изобразительных искусств. При переводе на прекрасный наш язык всё это означало: «Генерал без армии» или министр без толстого портфеля из верблюжьей кожи.

Что же будет делать Зав. Худ. секцией — вопрос излишний. Озеров прекрасно это знал и тут же согласился на занятие высокой должности. По завершении всех неизбежных в данном случае формальностей, заговорили о квартире или... говоря по совести — о комнате. Квартиры стали выходить из моды много раньше. «Буржуазные наклонности» своих «счастливых» граждан власть успешно заставляла забывать. Анисимов дал адрес и записочку к хозяйке маленькой квартиры на Садовой улице.

Эта зелененькая улочка была односторонней. С левой стороны тянулись деревянные бревенчатые домики в один-два этажа, с резными украшениями окон и карнизов в русском стиле. С боку домиков — тесовые ворота, перекрытые двухскатной крышкой и калиткой. С правой стороны, вдоль длин-

*) Пароход «Вятка», переименованный в «Желанный».

ного высокого обрыва над рекой, тянулись деревянные перила.

Подойдя к перилам, Озеров залюбовался изумительно красивым видом на реку и на закамские сосновые леса. Внизу по набережной протянулись пристани и склады. Вниз по Каме виден был железнодорожный мост, а за мостом на правом берегу, в лесу расположились дачи «Нижняя курья». Направо вверх по Каме, в беспредельных девственных лесах Закамья затерялась «Верхняя курья».

На левом берегу повыше города, верстах в пяти-шести дымил огромный пушечный завод, так называемая «Мотовилиха».

Налюбовавшись дивной панорамой, Озеров пошел к указанному дому. Потянул за ручку с медным львом, открыл калитку и вошел во двор. Приятное знакомство во дворе, конечно, состоялось с «Бобиком», с обыкновенной русской дворовой собачкой. Бобик встретил гостя теноровым лаем, но не для того, чтоб напугать, а просто для порядка. Знай, мол, что я тут. И после первого (на расстояние) знакомства добродушный пес усердно завилял хвостом, стесняясь и заискивая. Вслед за тем, после ответного приветствия вошедшего весь его зад заерзал ходуном. Почти на брюхе подползал он к гостю, а когда тот ласково погладил по спине и почесал за ухом, Бобик взвизгнул и восторженно лизнул его в лицо. С того момента дружба, несомненно, была обеспечена, а это было очень важно, так как Бобик был хозяином двора. Петух, хотя и важный с виду господин, пустился наутёк от радостно визжавшего, восторженного Бобика. Лишь только очутившись вне опасности, он с высоты сарая гордо прокококал, как бы говоря: «Я вовсе и не думаю тебя бояться!»

Между тем два новых друга, поднялись по лестнице крыльца и потянули за веревочку, что у входной двери. Послышался внутри звон колокольчика. Через минуту шлепание домашних туфель и одновременно старческий тяжелый кашель. Дверь со скрипом отворилась. На пороге появилась дряхлая старушка.

Бобик, проскочивши между ног старушки, вихрем провалился в переднюю и в кухню, где и залился веселым лаем. Обежав кругом, обнюхав все углы, визжа и задыхаясь, радостно, оповещал жильцов о том, что он нашел себе приятеля в лице входившего за ним приветливого гостя. Вновь вернулся к бабушке и, прыгая вокруг неё, запутался в широкой юбке и чуть не свалил старушку с ног.

— «Ах, ты, поганец!» — причитала бабушка. — «С чего ты радуешься, глупый пес?» Но «глупый пес» не слушался и продолжал беситься пуще прежнего. То путался в ногах, то прыгал вверх, пытаясь всячески лизнуть хозяйку в нос. Старушка попыталась успокоить «сорванца», но не успела наклониться и схватить его, как всё её лицо было излизано.

На помощь прибежала девушка. Она схватила Бобика на руки и тотчас же подверглась той же участи. Неугомонный пес вертелся, извиваясь на руках, как вьон, но вырваться не смог и был закрыт в соседней комнате. Хозяйка оказалась очень милой бабушкой и, несмотря на годы (восемьдесят с хвостиком) была еще довольно бодрая.

Рекомендация Анисимова помогла договориться со старушкой об условиях, на основании которых Озеров и поселился у неё в квартире. Маленькая комнатуха с занавеской, заменявшей дверь, была «уютная». В постели и в обоях на стене водились насекомые. Хотя они и были надоедливы и издавали некоторый запах, но без них ведь и нельзя себе представить маломальски сносную, уютную квартиру. В этой маленькой коморке Озерову и пришлось прожить семь месяцев, дабы пройти этап тяжелых испытаний для вхождения в «советский рай».

Знакомство, а за ним и дружба Озерова с бабушкой и с её внуками, а также с Бобиком, установилась с первого же дня, а вечером все жители квартиры мирно проводили время за столом, перед кипящим самоварчиком. Начищенный кирпичной пылью самовар то нехотя ворчал, чем наводил тоску на всех жильцов, — то выводил мелодии на самых верхних нотках, а то вдруг спускался вниз на две октавы,

испускал тяжелый вздох и замолкал до утреннего чаепития.

Известный уже Бобик находился тут же. Растянувшись на скамейке, он или похрапывал или сидел, слегка повизгивал, настойчиво напоминая о себе. Без Бобика не обходилось ни одно сиденье за столом.

Нельзя забыть еще одну и очень важную особу. Это «Васька» кот. Его все называли здесь Василием Ивановичем. Он был «не так себе» какой нибудь, а выше. Очень важничал и морщась поводил усищами. Был пожилого возраста, спокойный, деликатный и степенный, не в пример заносчивому Бобке, на которого смотрел немного свысока.

Порой на Бобку находил какой то стих поозорничать и полаять на Василия Ивановича. Умный кот, не удостоив даже взглядом дерзкого щенка, вставал и важно, не спеша переходил со стула на скамью или наоборот. Он, несомненно, думал так: не стоит, мол, мне обращать внимание на всякого сморчка. Конечно, Бобик, неизменно оставался «в дураках», не смея больше приставать к Василию Ивановичу.

Хотелось бы еще добавить пару слов о бабушкиных внуках, очень милых и приятных девочках.

Они остались сиротами, потеряв родителей и перешли на попечение своей, тогда еще восьмидесяти-летней бабушки, которая им заменила мать. Две скромных внучки полюбили бабушку. Они старались бабушке помочь в её хозяйских заботах и труде. Одной, которая была постарше, Верочке, тогда исполнилось шестнадцать лет. Она была способная, услужливая и трудолюбивая. По вечерам, в свободные часы, сидела шила, штопала, стараясь облегчить труд бабушки. Она была блондинка с голубыми, ясными глазами.

Кама, чудная и тихая река, красиво отражающая голубое небо в глубине своих прекрасных вод. Естественно, что и все жительницы здешних мест, купаясь в свежих, голубых струях красавицы Урала, обязательно должны быть обладательницами прекрасной пары голубых-небесных глаз.

Теперь о младшей Аничке. Ей только что пошел одиннадцатый год. Конечно и она была блондинка и имела голу-

бые глазки. Обе девочки носили косы — длинные, красивые, как это было изстари заведено на нашей Родине. У младшей Анички их было две и с бантиками. Два внизу, вплетенных в косы и один большой и голубой, который украшал голову девочки.

У Верочки была одна роскошная коса. Она её частенько заплетала, превращаясь в милую, завидную невесту и претендовавшую на самое внимательное отношение к себе. За честь именоваться женихом такой девицы можно драться, можно даже кровь пролить. Такие жены не даются просто и легко.

Анюта-Аничка была пока еще простой и миловидной девочкой. Жила своими детскими заботами. Имела двух «детей» — двух кукол — Надю и Марусю. Обшивала их и наряжала, как невест. Готовила им светлое и радостное будущее, оставаясь в то же время скромной, милой Аничкой.

БАБЬЕ ЛЕТО

Надвигалась осень. Обеспеченность героя повести улучшилась совсем немного. Острая нужда — так можно было бы назвать такое состояние. Житейская даль была по прежнему затянута туманом. Но об этом позже, а теперь забудем все невзгоды.

Хочется вздохнуть свободно полной грудью. Громко говорить, смеяться, петь на весь безкрайний лес. Бежать в таинственную даль, где дышится свободно и легко. Где горя и печали нет и не было. Где радость, где веселье и смех. Где льются над полями и над селами родные песни, русские и задушевные. К веселым хороводам, к радостным улыбкам наших милых девушек.

В края родные и чудесные, где лучезарные улыбки простодушных русских пареньков с гармошкой за спиной. Где весело мелькают их вихрастые головушки с всепокоряющим кудрявым чубом, взбитым на виске, с заломленной поверх

фуражкой набекрень. Косоворотки, подпоясанные пестрым поясом с двумя, задорно развевающимися по ветру кисточками. В шароварах, заткнутых за голенища ярких, смазанных сапог со скрипом.

В центре хоровода «первый парень на селе», веселый, белокурый гармонист Ванюшка. Он в кругу вспотевших, покрасневших красавиц-девушек выделяет «антраша», отстукивая каблуками своих новеньких, неподражаемых сапог.

Вдруг остановится перевести дыхание, мотнет своей курчавой головой, поспешно обведет одним веселым взглядом «выставку невест» и, будто невзначай, мигнет своей избраннице, из-за которой по ночам не спит, тоскует и грустит... Эх жисть!..

То вдруг займет задорную, лихую позу. Как встряхнет кудрявой головой да как зальется песней удалой:

«По всем по трем взмахну кнутом!
Лечу, лечу я соколом!»

А то вдруг оборвет лихую песенку и бросит на землю гармонь да как ударит по ногам ладонями, как пустится в присядку, просто дух захватит.

Это золотая осень, сельский праздник, это «бабье лето», жданное, любимое. Вот почему так радостно и весело становится на сердце.

Правда, это лишь воспоминания прошлого. Мечты о славном, но еще далеком будущем Родной Земли. Мечты о скором и желанном воскресении.

О как прекрасно камское «бабье лето»!.. Как прозрачен воздух! как свободно и легко дышать!..

«Бабье лето», даже в этот страшный двадцать первый год, как и прежде, принесло с собой на Каму мир и Божие благословение. Природа отдыхала, набирая силы для достойной встречи холодов, дождей и зимних вьюг. Она, как будто, ожила, повеселела после августовского десятидневного периода дождей. Мир, тишина, живительная и приятная прохлада осени повеяли над благословенным краем. Они слави-

ли Творца за щедрые дары, которые Он неизменно шлет на землю во все времена и годы, эти невесомые, неизмеримые, микроскопические для Вселенной, меры времени.

Прозрачность воздуха на много расширяла горизонт, а видимость распространялась на десятки верст. Зеркальная поверхность дремлющей реки прекрасно гармонировала с общим умиротворением природы, прихорашивающейся и наряжающейся к встрече осени. Поля, леса, прибрежные луга покрылись чудным покрывалом. Каждое лесное деревцо, словно молодушка из под венца, накинуло на плечи расписной халат, в предвидении новой жизни, непонятной и заманчивой.

Родное северное бабье лето!

Улетели птицы перелетные, грачи, за ними гуси, утки до весны покинули свои болота, реки и озера. Наши дорогие гости: жаборожки и скворцы оставили свои насиженные гнездышки до следующей весны. Их заменили нам неподражаемые, милые певцы — родные снегири, щеглы, синички и чижи. Они нас не покинут, не оставят свою Родину — чудесную, суровую, но близкую и горячо любимую.

Ведь лучше, краше и милее нашей Родины на свете не сыскать, хотя бы потому, что она наша, только НАША!

Осень в том описываемом году подкралась как то незаметно. Словно легким дуновением расплзлась она по Каме, очищая воздух, наполняя его свежестью и ароматом желтых листьев. Красно-желтые сухие листья устилали землю, разлетались по дорогам и тропинкам, покрывали лестницы, балконы и аллеи сада.

Золотая осень зашуршала под ногами путника, идущего по сказочным тропинкам необъятных камских лесов.

РАЗРУХА

Золотая осень, как и прежде, как всегда пришла во всей своей красе, но в этот год не принесла ни радости, ни облегчения народу. Смерть ходила по дворам, заглядывая всюду.

Голод со своими спутниками — вшами и клопами — беспрепятственно гулял по городам и селам. Тиф, как следствие его, заглядывал в дома, особенно туда, где было голодно, где было тяжело дышать. Больницы были переполнены. Больные за нехваткой мест валялись, где попало и без всякой помощи, с тоской глядя на окружавшую их смерть и ожидая очереди. Чем лечить людей, когда больничные аптечки пустовали. Не было йода, не было бинтов. Обрубки ног завязывали тряпками, промыв водой. За этим следовали заражение и смерть. Нехватка мыла, иногда и полное его отсутствие, парализовали всякую возможность какнибудь бороться с эпидемией.

Бывали случаи исчезновения детей. Суставы детских пальцев обнаруживали в супе, продававшемся на рынке, а в подвалах находили трупы мертвецов, изрезанных на мелкие куски.

Конечно, власть была бессильна побороть посеянное ею зло. Враг рода человеческого ликовал. Большая пирамида человеческих костей сооружалась в его честь.

Пятый Октябрь стоял уж у двора и пятый миллион несчастных русских жертв власть отнимала у народа. С наступлением морозов положение людей казалось просто невозможным. Как им встретить зиму, если вместо обуви они обматывали ноги тряпками. Чем им отапливать квартиры, если не на что купить полена дров. Чем освещать свои дома, когда доставка керосина по речным путям была парализована. Что кушать, чем кормить своих детей? На что купить, что обменять?

Перед такой проблемой очутилась Пермь в тот страшный год. Продукты на базаре были. Их кто то приносил и кто то покупал или обменивал на тряпки и домашний хлам. А люди целый день толпились в тесноте. Все мяли базарную грязь, надеясь чтонибудь достать съедобного.

Толкучка представляла из себя ужасный вид. В дождливую, холодную погоду люди, словно тени, мокрые, с трудом вытаскивая ноги из грязи, бродили взад и вперед от одного стола к другому. Грязные, облапанные много раз, кусочки

хлеба или сахара, переходили из рук в руки, тут же попадая в рот.

Ходили на толкучку все — «от мала до велика» и тащили всё, что можно было утащить и что надеялись продать. Нужда людская докатилась до предела человеческой возможности.

Но Озерову, видимо, везло. Пускай хоть, «как утопленнику», но «везло». Не появившись на сцене потрясающие галифе, ушла бы замечательная пелерина за ничего не стоящие совбумажки. Принеся так много неприятностей хозяину, она была обменена на пуд ржаной муки.

Счастливый Озеров тащил муку по улицам Перми на собственной спине. Придя домой, отвесил половину и понес на рынок, чтобы обменять её на чтонибудь из гардероба.

Дело было сделано. Обмен был исключительно удачным, и взамен муки он получил великолепные ботинки на картонной, мастерски сработанной подошве и с гарантией на много лет. Ботинки были сшиты по последним образцам падения совести и, дотянув до первого дождя, безропотно скончались. Гарантированная подошва отлетела как то сразу и сама собой, а Озерову стало и прохладно и легко.

На берегу любимой Камы, на бревешке в одиночестве сидел скиталец. Он всегда в тяжелые минуты грусти и тоски шел неизменно на крутой, зеленый бережок родной реки. Он знал наверное, что здесь найдет успокоение. Так и теперь сидел он со своими мыслями, вздыхал, грустил, и было от чего. На двадцать фунтов, то есть половину всей, муки, оставшейся у него, нашелся, непонятным образом, любитель чужой собственности.

Озеров был неспособен долго унывать: погоревал, погоревал да и махнул рукой. Вот бабушка совсем наоборот. Она решила волноваться и бранить безсовестных людей. И без того больная голова бабуся разболелась пуще прежнего. Она, вздыхая и ворча полезла на большую печь, где не спала до самого рассвета. Не успела утром слезть с печи, как сразу вспомнила вчерашний день, а вспомнив, стала продол-

жать сеанс ворчания. Она опять расстроилась и вновь полезла на спасательную печь. Конечно, строгий выговор с упреками не миновал и Бобика. Тот, как умел, усиленно вилял хвостом и, ползая на брюхе, жалобно повизгивал, мол, я не виноват. Потом он опрокинулся на спину с поднятыми лапками. «Лежачего не бьют». Да у кого не дрогнет сердце, глядя на покорного и преданного пса.

Возможно, что он был действительно не виноват.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Освободившись от муки таким простым и верным способом и облегченный, Озеров в один из вечеров бродил по улицам Перми. Искал ли он какой то встречи или просто так без всякой цели совершал вечерний променаж?

Тоска и одиночество, а с ними и обида на людей тревожили его большое самолюбие. Судьба его щадила, но её коварство и капризы причиняли ему множество хлопот и беспокойства. Он роптал и жаловался на свою судьбу несправедливо, в чем и убедился в тот же вечер, возвратясь домой.

Откинув занавеску и войдя в свои «уютные покои», увидел лежащее на столике письмо. Он нервно разорвал конверт, взглянул на подпись и задумался. Опять «Она» стояла на его пути, протягивая руку помощи. Писала Нина Николаевна Завадская, Зав. школой Райкультвода, где она просила Озерова непременно к ней зайти поговорить. «Первый помощник капитана парохода «Анна» Виктор Николаевич мне пишет», сообщила Нина Николаевна, — «что встретил вас на пароходе. Подружился с вами и настойчиво рекомендует вас, как человека положительного и серьезного. Так вот, мне захотелось с вами познакомиться. Надеюсь, что вы будете настолько вежливы, что не откажете мне в этой просьбе. Ваша и т. д.»

Перечитав письмо, написанное мелким и красивым женским почерком, с минуту постоял, о чем то думая. Вложил письмо в конверт и, засмеявшись, радостно запел:

«Я вижу пред собой весеннее сиянье.

«Сегодня я живу, и день сегодня мой!»

Послышались шаги, и в складках занавески показалась бабушка. Увидя радостно-веселое лицо, она перекрестилась. Озеров, не дав опомниться старушке, подскочил, схватил её в охапку, приподнял и звонко чмокнул в обе щеки. Та расплакалась.

— «Все мы под Богом ходим. Милостив Он к нам. Сегодня плохо, завтра хорошо!» — проговорила бабушка и вытерла глаза передником.

Всю ночь старушка не смыкала глаз, переворачиваясь с боку на бок и вздыхая. Озерову тоже не спалось. Он вспоминал чудесные явления и переплеты жизни, в кои попадал не раз.

— Всё это поразительно и странно — думал он. — Мне есть над чем задуматься всей глубиной своего разума. Не даром же мне Бог его вложил в мою беспечную и бесшабашную головушку.

Прошедшей осенью для школы семилетки Райкульта был основан первый класс, а этой осенью второй. Еще набрали группу дефективных малолеток. В этой школе Озерову предстояло начинать свою педагогическую деятельность.

К десяти часам утра он был на месте. Нина Николаевна его ждала. В приемную вошла высокая, еще довольно молодая женщина-брюнетка, с выразительным приветливым лицом. Она непринужденно улыбнулась, приподнявшемуся ей навстречу гостю.

Глядя на веселую и добродушную улыбку Нины Николаевны, у Озерова зачесался язычок сказать шутливо языком Онегина: «Вы мне писали, не отпирайтесь!» Однако, блажь прошла, как только появилась. Прикусив язык, он вежливо приветствовал вошедшую начальницу.

— «Вы очень аккуратны!.. Знаю, знаю вас и ваше имя и что вы инструктор в Райкульте по всем отраслям искусства. Если мне не изменяет память, мы встречались с вами

там, но вы не соизволили не только поздороваться со мной, но даже обратить внимание на скромную «учительшу.»

— Ах ты, коварное создание! — подумал Озеров и покраснел, как рак. — Я думал, что брюнетки — не улыбки, черствые и строгие, а эта... вот те на!..

Она «на зло» ему, казалась женщиной веселой, жизнерадостной и скромной. Снова женское царство... «И везет же мне как карасю в сметане!»

— «Видите, как кстати! — весело сказала Нина Николаевна. — Мне до зарезу нужен опытный учитель арифметики... и географии. — Гость улыбнулся, но молчал. — «Еще один предмет!» со смехом, словно невзначай, прибавила начальница.

— «Какой же?»

— «Рисование!»

— «И это всё?»

— «Как будто всё. Вас удивляет, что не два, а даже три увесистых горошка на одну и ту же ложку? Подождите, я еще не всё сказала. У меня возникла мысль. Понравится она Вам или нет? Искать преподавателя я не хочу и к вам такой претензии не предъявляю.

Я прошу вас лично уделить нам несколько часов из вашего бюджета времени. Часы занятий можете распределять по собственному усмотрению. Согласны вы на это?»

— «Да!»

— «Отлично. О планировании работы будем говорить потом.» Она вздохнула и задумалась, как будто собираясь с мыслями. — «Одно скажу вам... — как бы в назидание добавила она — много терпения и хладнокровия потребуется от учителя, чтобы завоевать доверие детей. Особое внимание придется уделить, конечно, дефективной группе. Это обойденные судьбой и обездоленные сироты. К ним нужно применить особенный подход. Прежде всего, любовь и ласковость, а главное — терпение, терпение и вновь терпение.

Я целиком вам доверяю и уверена, что вам эти занятия придутся по душе. Я обещаю вам свою поддержку и частич-

но улучшение питания. Так значит, по рукам!» — смеялась добродушно Нина Николаевна, сжимая руку нового учителя. — «Сама я буду говорить с Анисимовым и притом немедленно!» Она взялась за трубку телефона. Разговор — не более минуты. — «Ну, вот видите, Анисимов вас отпускает «временно», с условием, как только будет нужно, он вас зовет. «Когда рак свиснет»! Долго будет ждать.

Теперь, поскольку вы официально наш, вы можете, не спрашивая своего начальника, сегодня же уехать в «Нижнюю Курью», где отдыхают наши дети. Отдыхайте вместе с ними, набирайтесь силы.»

— «Вот так клюква! Уж никак не ожидал таких последствий вашего письма.»

— «Постойте же! Какой восторженный, нетерпеливый человек! Там клюквы много, и она от вас не убежит. Тут дело поважнее клюквы. В пятницу на следующей неделе мы переселяемся сюда. Уже довольно поздно и в любой момент могут начаться холода. Поможете нам переезжать в город?»

— «С удовольствием.»

— «Отлично! Поезжайте с Богом, набирайтесь сил.»

— «Благодарю! Не по заслугам получаю этот отдых.»

— «Пустяки, об этом после, а сейчас спешите, — пароход отходит во втором часу, не опоздайте!»

Озеров опять сидел на этот раз на узкой палубе. «Надежда» — пароходик местного значения, шел вниз по Каме в Нижнюю Курью. «Какое совпадение!» — подумал Озеров: надежда вновь воскресала в нем. Он, снова радостный и успокоенный, в прекрасном настроении спешил на отдых, дабы запастись энергией и силой для вступления в педагогическую деятельность.

Останавливаться на короткой дачной жизни нет нужды. Неделя так мала. Однако, ежедневные прогулки по лесным тропинкам и смолистый воздух плюс довольно сносное питание отразились на здоровье, принесли душевное успокоение и укрепили нервную систему. Всю неделю продержалась чудная погода. Всеобъемлющая и таинственная тишина, на-

полненная тихим и звенящим, еле уловимым шопотом, витала всюду: над оврагами, над просеками и медвежьими берлогами. Блестела утренней росой, звенела в вышине, в прибрежных камышах как будто зачарованной красавицы реки. Кружилась над водой в волшебных испарениях, как легкое дыхание её прозрачной глубины.

Красавец лес! Гигантские сосны уходили ввысь под облака вечно качающимися вершинами. Они, как сказочные витязи, стоя на страже, охраняли мир, покой и тишину прикамских лесов. Правее, за большой поляной их сменили скромные монашки-елочки. Они теснились стройными рядами, словно на молитве.

Резким и прямым контрастом расплзлась по лесу красная и спелая рябина, словно группы юных девушек в своих нарядных красных платьицах. По бережку веселого журчащего ручья стояли вечно юные и нежные, всегда веселые, всегда нарядные, всеми любимые березки. Как невесты, в трепетном смущении они стояли в ожидании желанного и радостного торжества. Держались маленькими группками — по три, по пять и редко больше, скромно опутивши ветки.

Справа по обрыву берега реки пошли огромные дубы, расписанные в ярко-красные и желтые тона. Как тучные заморские купцы они нескромно хвастались своими пестрыми богатыми нарядами. Однако же, к приезду Озерова в Нижнюю Курью они успели постареть. Им приходилось поневоле сбрасывать с себя не по летам нарядные и слишком яркие одежды.

Сказочно-волшебная живая панорама расплылась на сотни верст вокруг. Куда ни кинешь взглядом, всюду видишь роскошь девственной природы, окружающей благословенную реку.

По возвращении домой, на встречу новому учителю бежало, прыгало шумливое и радостное детство. В окружении детей, сам словно молодец. Так бы подольше, так бы на всю жизнь!

ЖИЗНЬ НА ВОЛОСКЕ

Карр... карр! — услышал Озеров над головой. Ворона, тяжело взмахнувши крыльями, оторвалась от дерева и полетела прочь.

— «Опять накаркала, проклятая вещунья! Видно новые несчастья мне сулит в ближайшее время!» — в суеверном страхе думал он. С поникшей головой он шел на пристань, возвращаясь в Пермь. «Надежда» только что ушла. Пришлось грузиться на моторную баржу, которая и привезла всех дачников с вещами в Пермь. Благополучно выгрузили мебель, погрузили на подводы и поехали.

Шли за подводами пешком два ротозея, два приятеля. Разговорились, разболтались, как две кумушки, не видя и не слыша, что творилось впереди. Отстали от подвод, забыли про свои обязанности, не заметили, как черное большое зеркало, плохо привязанное по вине всё тех же двух друзей, соскользнуло вниз. Когда заметили, то было уже поздно. Зеркало скользнуло и, упав на мостовую, разлетелось на куски.

Что можно к этому прибавить? Ничего. Конечно, жаль, но видно так тому и быть. Кто виноват, что зеркало разбилось вдребезги? Никто. А «две вороны», проворонившие зеркало, тут не при чем. С какими лицами предстали два приятеля перед заведующей школой. Стыдно было Озерову за свою оплошность. Он не знал, куда смотреть. Куда угодно, только не в глаза своей начальницы. Она стояла у стола и снисходительно качала головой, мол, всё равно, что с вас возьмешь? Ни в угол не поставить и не выпороть... Всё это пустяки. Вот только предзнаменование то нехоршее!

Еще недавно Озеров бродил по лесу, собирал грибы и запасался клюквой, а сегодня стало холодно. Разверзлись небеса и хлынул дождь. Потоками лился он день и ночь, а за дождем пошли метели, вьюги и морозы. Школьные занятия шли полным ходом. Дети жили собственными интересами, своею жизнью. Ссорились, смеялись, плакали, мирились,

снова ссорились, а направляющая воля старших, незаметно для детей, вводила неустойчивую мысль в желанное русло и постепенно, шаг за шагом, медленно переключала детство в повседневный труд, перемежая его с играми и шалостями.

Крики, шум и смех сменялись напряжением воли и усидчивым трудом. Занятия шли хорошо, и дети полюбили своего нового учителя. Учитель полюбил детей, и весь отдался этой новой для него, живой работе. СлилсЯ с коллективом, как полезный воспитатель. Горизонт расширился. Жизнь стала для него ценнее.

Про воронье карканье забыл. Однако, по прошествии двух-трех недель пришлось об этом вспомнить и задуматься. Однажды в школе, на уроке географии он вдруг почувствовал озноб и головную боль. Придя домой совсем больным, он слег в постель. Температура быстро поднималась. Ночью жар сменился лихорадкой и падением температуры. На другое утро повторялось то же самое. Заботливая бабушка устроила больного на лежанку русской кухонной печи и начала отпаивать малиной и настойкой из разных трав.

Болезнь всё прогрессировала. Положение больного ухудшалось. Озеров совсем ослаб, но все-таки однажды, поздно вечером, он попытался выйти на снежок «до ветру». Было полнолуние. Мороз усилился, и в неподвижном воздухе потрескивал в деревьях и заборах, а застывшее крылечко сильно заскрипело под ногами.

Лунный свет приветливо и мягко разлился вокруг: на огороде, на дворе и в садике, накладывая на снег от деревянных зданий и сараев, от деревьев и кустов таинственные тени. Снег блестел и искрился, сверкая тысячами мелких звездочек.

Невольно очарованный красотами морозной лунной ночи, Озеров облокотился на перила лестницы, буквально задохнувшись от избытка кислорода. Мириады звезд покрыли свод небесный радужными огоньками. Прямо против лестницы за садом выделялся ковш Большой Медведицы.

— «Как чудно, как таинственно-прекрасно Божие творение!» — подумал Озеров.

— «Но что со мной?» — В глазах всё будто кружится, блестит и кружится, и вдруг всё заходило ходуном. Дома, сарай и деревья словно опрокинулись. Сознание исчезло, наступила ночь.

Очнулся только в полдень следующего дня. Лежал всё так же на печи, стуча от холода зубами. Перед ним стояла бабушка с заплаканным лицом и гладила его по мокрым волосам.

— «Ведь помер бы ты в эту стужу то ночную! — причитала добрая старушка. — Бог послал об эту пору капитана. Он, входя во двор, увидел, как ты повалился в снег. Взяли тебя на плечи и принесли сюда, на печку уложил. Всю ноченьку я не спала, почти до самого рассвета. Всё молилась Богу и просила Его милости, чтоб сжалился Он над тобой, над сиротинушкой. Один ты на чужой сторонке то. как перст один, и пожалеть то тебя некому. Всю ноченьку метался «с жару то». Всё бредил, всё кого то ждал. Конец твой, думала пришел. Ан нет! Услышал Бог мои старушечьи то слезы, не оставил сироту. Вот ты и жив, и улыбаешься, мой сокол ясный!»

— «Добрая старушка, нашинская — русская,» — подумал Озеров.

Только забылся в дремоте, как вдруг раздался в сенцах яростный лай Бобики. Потом шаги по лестнице и кто то сильно дернул за веревочку, чуть колокольчик не сорвал с двери.

Кряхтя и охая, старушка поднялась со стула. Суетливо шаркая калошами, надетыми на «босу ногу», подошла к двери, чтоб отодвинуть щеколду (затвор). Белый туман ворвался в кухню. Вместе с ним, с морозом и заснеженными лицами вошли два человека. Добрый капитан привел врача. Тот, после беглого осмотра произнес: «Возвратный тиф. Болезнь проходит очень бурно. К ночи можно ждать очередного приступа, который мы должны предупредить. Больного заберем в больницу. Через час не более за ним приедут.»

Доктор поднял воротник и, натянув перчатки, вместе с капитаном вышел на крыльцо.

В больницу Озеров попал лишь только поздно вечером. Здесь он провел тяжелую, казалось, бесконечную, мучительную ночь. На утро собрался консилиум врачей. Как видно, положение больного оказалось более серьезным, чем предполагалось раньше. Приближался кризис. Сердце не выдерживало сильного нагрева и давало перебои. Бред усилился, а голова, словно тяжелый жернов, медленно вертелась, как казалось Озерову. Воспаленный мозг его бродил в крошечной темноте, в каких то дебрях. Вдруг он слышит пение, в начале тихое, далекое, потом оно усилилось, должно быть, приближалось. Это дети пели песенку:

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла!

Он видел эту ёлочку. Она тихонько вылезала из под снега и вдруг быстро потянулась вверх. И вот она уже огромная, развесистая высилась перед его глазами. Хлопья снега покрывали ёлочку. Они своей тяжестью сгибали ветки вниз. Она стонала и скрипела, не выдерживая тяжести холодных ледяных сосулек, как гирляндами обвесивших её со всех сторон. Казалось, что она вот-вот сломается. Скорее к детям, к ёлочке!

— «Еще одно последнее усилие — и я спасен!» — подумал Озеров. Но почему же ноги не идут, как будто приросли к земле? А голова то как болит, нет сил терпеть.

Он вздрогнул. Сильный треск ветвей раздался в стороне и прокатился эхом по застывшему, заснеженному лесу. Что он слышит? Детский плач и стон. Мороз прошел по коже. Треск усиливался. Неожиданно какое то огромное и страшное чудовище склонилось над больным, обдав его лицо холодным, ледяным дыханием. Сосульки на косматой бороде, которыми чудовище водило по лицу несчастного, впивались в щеки и в глаза. Ужасный мрак окутал лес.

И вдруг... Карр, карр! словно иголками вонзалось в уши. Где она, злая вещунья и чего ей нужно от меня? Чтоб вы-

клевать глаза? Нечеловеческую боль почувствовал больной в глазах — «Ой, голова болит! Она чужая ведь, соседская, . . но почему так больно мне? А холодно то как, застыло всё внутри! Какая темнота вокруг. . . пустая, ледяная, адская.»

Вновь оглушительный, невыносимый треск раздался позади. Какой то душераздирающий, тяжелый стон гудел в ушах. Он всё усиливался, разрывая голову.

Вдруг страшный вой потряс застывший воздух. Снег посыпался с деревьев, адским холодом повеяло внутри. Хотел кричать, но беспредельный ужас, словно щупальцами спрута, охватил больную грудь. Он задышался; дикими глазами впился в темноту, почувствовав, что смерть пришла за ним. Она стояла за спиной, он чувствовал её дыхание. В последнюю минуту, словно сказочные светлячки, задвигались вокруг. Они всё приближались. Стало страшно. Сколько их, какая масса неприятных огоньков. Ведь это волчьи страшные глаза. Какое множество волков собралось здесь со всех сторон. Зачем они так воют?

— «Я боюсь их!.. Холодно мне... страшно!» Кровь застыла в жилах. Сердце превратилось в ледяной кусок. «Спасите, ради Бога!»

Что случилось? Вой внезапно прекратился. Наступила тишина, как вдруг знакомый звук дверного колокольчика приятно зазвенел в ушах. Ведь это же бабусин колокольчик, в кухне на дверях висит он. Значит, ктонибудь пришел. Мешаясь с звуком колокольчика, раздался радостный, визжащий лай. Он, заливаясь, разносился по всему большому лесу. Это Бобик!.. Ну, конечно, это славный, милый Бобик, друг, приятель лучший и единственный. — А где же страшные глаза волков? Их нет, они исчезли. Видно, что то напугало их... Наверно, колокольчик... вот смешной! Они не побоятся колокольчика... Ну, значит, Бобик... Уж его то непременно испугаются и разбегутся.

Колокольчик продолжал звенеть, а Бобик заливаться тепловым лаем. Озерову стало легче. Вдруг, в тон колокольчику, из леса донеслось: «В лесу родилась ёлочка...!»

— «Они идут сюда!» — подумал Озеров. Всё громче

раздавалось пение. Они идут! . . . Они прошли и скрылись за деревьями. Зачем они прошли? И вот уже последние слова: . . . «Спи, ёлочка, бай,бай! . . .» и всё замолкло. Озеров проснулся окончательно.

Прошло без мала пять недель, как будто вычеркнутых навсегда из жизни. И сама то жизнь висела эти пять недель на волоске. В бреду, в жару бродил по лесу воспаленный мозг. Мороз трещал. Какие то косматые и страшные чудовища торчали день и ночь перед его глазами. Леший вылезал из под кустов, засыпанных глубоким снегом, бил по голове и дико хохотал под карканье ворон. Они слетались отовсюду, каркая с такой ужасной силой, словно гвозди забивали в голову. И только дети своим милым пением спасли его от темной силы зла. Лишь только серебристый колокольчик детской непосредственной души и пробудил и ум и сердце к новой жизни.

«В О Р»

Еще дней десять Озеров был вынужден лежать в больнице.

Наконец, настал желанный день. Ему позволили идти домой. С трудом спустившись вниз по лестнице и опираясь на березовую палку, он пошел по улице, засыпанной глубоким снегом, направляясь в Райкультвод. Снег толстым слоем покрывал крыши домов, балконы и ступеньки лестниц. Он сосульками свисал с карнизов зданий, окон и дверей, и с водосточных труб. Гирляндами висели провода. Ветви деревьев свисали вниз под тяжестью засыпавшего их густого снега.

Кое где — то там, то там — под действием лучей чуть греющего солнца или легкого, почти неощутимого движения воздуха, с ветвей срывались хлопья снега, обсыпая проходивших мимо. Солнце заливало улицы блестящим ярким светом, режущим глаза. Застывшая немая тишина повисла над заснеженными улицами города. Красавица зима вошла в свои права.

Приятный скрип шагов и детский смех ласкали слух. Детишки, не взирая на мороз, повысыпали с санками из душевых помещений. Смех, беспечные и радостные голоса их разливались и звенели всюду, на пути шагавшего в задумчивости Озерова.

Словно привидение, с трудом переводя дыхание, ввалился он к начальнику. Никто его не ожидал. Два стула враз были подставлены вошедшему.

— Нет это невозможно! — произнес взволнованный начальник. Зазвенел звонок. Был вызван Зав. Хоз. частью. Выписать усиленный паек! . . .

Прошла неделя, а за ней другая. Всё забылось и пошло по старому. Только заботами отзывчивой и доброй Нины Николаевны, учитель ежедневно получал тарелку супа и два белых сухаря.

Окрепший Озеров стал заниматься в «дефективной группе». Нина Николаевна любезно предложила ему оставаться в школе ночевать, чтоб не ходить по скользким улицам. Малюсенькая комнатка, никем не занятая, находилась в тихом закоулке, возле кладовой. Походная кровать, комод да стол о трех ногах и табуретка составляли убранство невзрачной комнатухи.

Тягостное впечатление производили «цветы революции» — несчастные и обездоленные дети. Полубессмысленными глазками они смотрели на учителя. Кричали, спорили, а на вопросы отвечали что то несуразное. Сосредоточиться на чемнибудь одном, понять простейшее объяснение какого бы то ни было явления или события, им было трудно. Мысли их блуждали где то далеко, но зрительные восприятия были острее. Этим и воспользовался Озеров, присматриваясь к детям, набирая опыт для учительского подвига.

«Огромное терпение, настойчивость и жертвенность потребуются от учителя, чтобы завоевать любовь этих несчастных, покалеченных детей!» — припомнил Озеров слова начальницы. Он целиком отдался детям, привязался к ним, а Руководство поняло его призвание и оценило труд. Как вид-

но, наступил конец его страданиям и полускотского существования.

И почему же в жизни так бывает, что болезни и несчастья не приходят в одиночку. Целой вереницей, следуя за жертвой, они бьют её, не давая опомниться.

Однажды утром приключилось с Озеровым неожиданное по своей бессмысленности происшествие. Даже при самом необузданном воображении оно никак бы не могло прийти на ум.

Ворвавшись в его жизнь, оно нарушило иллюзии его благополучия. Как он, культурный человек, спокойный и уравновешенный и. . . , как ему казалось, честный человек, умевший так легко и быстро завоевывать симпатию и уважение людей, с которыми встречался и сотудничал, — как мог он взять чужую вещь? Как мог дойти до воровства?

Ведь ни по складу своего ума и воспитанию, ни по своей порядочности, даже щепетильности, ему бы не могла прийти на ум такая мысль. Одно предположение — чудовищно!

Однако, это так.

— «Ведь только вы один и ночевали в этой комнате. Никто другой сюда не заходил. При том, вы были бедны, вы нуждались, даже голодали. Вы хворали — чуть не умерли. Вы истощились, обносились. Всё случилось против вашей воли, против вашего желания и вопреки укладу ваших мыслей, представления о честности, характеру, натуре, воспитанию и вопреки всему — и логике, и смыслу, и чему хотите!

Вас принудили к тому тяжелые условия существования, болезни, неудачи в жизни. Вы решились на такой поступок.»

Вот в таком, примерно, духе, но простым крестьянским языком и как сумела, высказалась бедная уборщица. В своей запальчивости и уверенности в воровстве учителя, она была жестока, как заправский прокурор, краснея в то же время от смущения и жалости к нему, что не могло случиться с прокурором. Она так уважала нового учителя. Он был высоко образован и воспитан. К ней, простой, почти негра-

мотной и некультурной женщине, он относился с уважением и был предупредителен при встрече.

Озеров оторопел от неожиданности. Он со страхом слушал обвинение уборщицы.

— Как это дико и ужасно!.. Я... не знаю, я не понял, что случилось. Это так жестоко, так бессмысленно звучит! — он произнес это, волнуясь, даже встал и снова сел на табуретку, сильно заскрипевшую под ним и покосившуюся. Озеров невольно вздрогнул.

— Я вас понимаю... — как то жалобно заговорила Дарья. — Я жалею вас... Вы побледнели и не знаете, что отвечать. Не бойтесь же, я никому ни слова не скажу, никто не будет знать... Какая я несчастная и бедная! — сказала Дарья со слезами и дрожащим голосом. — Как мне вас жалко, мочи нет, как жалко!.. Это всё, что мы имели с мужем. Это был его единственный костюм. Я ведь нарочно спрятала его сюда, куда никто из посторонних не войдет... А вы сознайтесь, всё пойдет по старому, я всё равно вас буду уважать. Отдайте мне костюм!..

Оправдываться было бесполезно. Никакие доводы тут не могли помочь. Она не понимала их.

— «Вы честный, вы хороший!.. Вас нужда заставила!.. — Уборщица заплакала, закрыв лицо обеими руками. «Эта пытка никогда не кончится!» — подумал Озеров. Он вышел на крыльцо, чтобы собраться с мыслями и, успокоившись, пошел к начальнице.

— Не нужно придавать значения!.. Как глупо это всё, однако. Я с ней буду говорить.

Ужасной тайной трех людей остался этот случай. Озеров, конечно, был ни в чем не виноват, и Нина Николаевна прекрасно понимала всю бессмысленность такого обвинения, а Дарья? Дарья — русская открытая душа, простая и бесхитростная. Этот образ женщины-крестьянки Озерова привлекал еще с «далёких» юношеских лет. Она не захотела пачкать его имени, запрытав в тайниках своей души «позорившую» его тайну, отравлявшую её существование.

Она частенько плакала при разговорах с Ниной Николаев-

ной и, будучи уверенной в своих догадках, в то же время и жалела Виктора Петровича. Она ему простила.

Целую неделю не показываясь в школе, Озеров, как крот, запрятался в своем углу, он явно нервничал. Его давило странное предчувствие какой то новой, надвигавшейся на него, беды. Предчувствие его не обмануло. Новая болезнь обрушилась на ослабевший организм, свалила с ног и окончательно разрушила его надежды и стремление отдать все силы, всё свое умение на пользу обездоленному поколению, рожденному в ужасное, неповторимое безвременье.

Короткий, но тяжелый период жизни Озерова в Перми подходил к концу. Он больше не был в школе, не встречался с Ниной Николаевной, хотя и чувствовал её заботу и внимание до самого последнего момента пребывания в Перми. Он не видал тов. Анисимова с сослуживцами, расставшись с Пермью навсегда.

ЖЕМЧУЖИНА МИЛОСЕРДИЯ

После бессонной и, казалось, бесконечной ночи, Озеров внезапно ощутил тяжелую и режущую боль в ногах.

— Ввиду серьезных осложнений после тифа, вам придется снова лечь в больницу. Я сейчас же дам вам направление в одно из отделений Александровской больницы, — сухо произнес сухой и педантичный доктор, что встревожило больного.

— Места нет! Больница переполнена.

— Но всетаки... — упрямо и настойчиво твердил привезший Озерова капитан. Он настоял и, после долгого пререкания с директором больницы, Озерова положили в коридоре на походной раскладушке. Ни купания и ни постельного белья. Больные не лежали, а валялись даже на полу не мытые и грязные, съедаемые насекомыми.

Два дня провел больной в холодном, проходном и грязном коридорчике. На третий день — обход больных: профессор в обществе врача и двух сестер.

— Ах, это тот больной! Так, так. Сопроводительная?

— Вот она.

— Инструктор-педагог?

— Так точно.

— Ножки то не нравятся мне, — мягко произнес профессор безразличным тоном. Он ушел, а через час больной был неожиданно переведен в палату. Озеров опять почувствовал вмешательство Анисимова.

— На какую операцию вас положили в хирургическое отделение? — спросил сосед.

— Здесь разве хирургическое отделение?

— Да, эта комната для оперируемых.

— Я не знаю! — растерялся Озеров.

— А что у вас? — Сосед, немного помолчав, ответил:

— Осложнение после сыпного тифа. . . , ноги отнялись. Пришел сюда еще самостоятельно. Лежу два с лишним месяца, совсем ослаб.

— Вас лечат?

— Нет. Только качают головами и отмахиваются вместо ответа, вот и всё. . . У вас, примерно, то же самое?

— Как видно. . . — нехотя ответил Озеров.

На следующий день, часов в одиннадцать вошел профессор с главврачем и медсестрой. Они направились к соседу Озерова, наблюдавшему за всеми их движениями и за лицами. В руках профессора мелькнула длинная игла, которую больной не мог заметить.

Приподнявши одеяло, он вонзил иглу в ступню больного. Тот не шелохнулся. Таким образом профессор продолжал колоть всё выше и, когда всадил иглу под самое колено, больной нервно закричал.

От ужаса, невольно охватившего случайного свидетеля, все волосы на его голове зашевелились, дрожь прошла по телу, но он должен был смотреть на эту пытку.

Между тем, профессор повторил такую же манипуляцию и со второй ногой и с тем же результатом: Передав иглу сестре, после коротенького размышления профессор вкрадчиво сказал, глядя в упор в глаза больного:

— Ножки то придется вам отнять!

Отчаяние отразилось на лице соседа. Он тоскливо посмотрел блуждающим, скользящим взглядом на профессора, потом на доктора и, задохнувшись от ворвавшегося в сердце ужаса, чуть слышно произнес, не обращаясь ни к кому:

— Ужели обе?.. Боже мой!

— «Да, обе, — прочитал он приговор в глазах профессора, слегка кивнувшего ему, как бы в ответ на заданный вопрос. Профессор вышел.

Озеров, дрожа от внутреннего холода, зарылся головой в подушку. Дверь открылась. Кто то вновь вошел. Тяжелые шаги по комнате. Кто это? Озеров, отбросив одеяло и подушку, чуть приподнял голову, оглядывая комнату. Явились санитары с раскладной тележкой. Увезли больного в операционную, а через пару дней его не стало.

«Это ведь простая операция», — подумал Озеров, бессмысленно глядя на дверь, как будто ожидая страшного визита санитаров.

«У меня ведь то же самое», — твердил он про себя, печально сознавая и свое «безвыходное» положение.

Тянулись бесконечные мучительные дни в тревожном ожидании еще чего то. Нервы напрягались до предела. Смерть и ужас наполняли здание больницы. Стоны, хрипы и предсмертные стенания доносились до ушей больных. Хотелось убежать, заткнувши уши и закрыв глаза, из этого безжалостного «дома смерти», как прозвали это здание несчастные больные.

— Зачем я здесь и где лечение? — в недоумении и страхе спрашивал своего нового соседа Озеров.

Тот отвечал: — Лечение?.. Господня воля! Помни это, бедный юноша. Что на роду написано, того не избежишь. Отсюда две дороги, вдумайся в мои слова! Одна — заросшая, почти непроходимая тропа — домой. Другая — гладкая, прямая и покатая... в могилу. Жди покорно своей участи... Молись и жди! Господь нас не оставит. Только не ропщи... смирись! Пролезем всюду, по любым тропинкам. Если

не судьба нам помирать, вернемся к жизни. Всё равно ведь — жизни нет, одни мучения да страх за будущее — за грехи. Смерть — избавление от мук земных. Не бойся! Молод ты еще. Господь поможет. ., выплывешь! — он отвернулся и вздохнул.

— Спасибо!

— Не за что!

Озеров боролся со своими чувствами и мыслями, довольно мрачными. Ходил по корридорам и палатам с палочкой. Заглядывал во все углы и подходил к больным. К одним, чтобы отвлечь их разговором от чего то страшного, что ожидает их. К другим — за получением хотя бы видимого утешения для себя от примирившихся с Судьбой, от тех, кто ближе к Богу, кто сильнее духом.

Видя смерть вокруг себя, он набирался мужества, чтоб самому не впасть в отчаяние и грех.

Больные потеряли счет не только дням, но и часам. В один из вечеров, среди полнейшей тишины, раздался приглушенный стон. Холодным дуновением прошел он по палате:

— Боже мой! Сегодня ведь Сочельник. Не оставь нас, Боже, в печи огненной, не дай сгореть без покаяния!

Сосед рыдал, закрывшись одеялом с головой.

Как будто молот опустился вдруг на головы больных страдальцев. Легкий гул прошел по комнате. Все повернули головы в ту сторону.

В тот самый миг раздался треск застывшего стекла под тяжестью сосулек, под напором льда, закрывшего окошко. Озерову стало страшно. Все в тревоге поднялись, кто мог еще держаться на локтях, переводя свой взгляд в передний угол.

Что хотелось людям? Отчего затосковала их душа? Кого искал десяток пар тревожных глаз в этом углу?

Там было пусто. Никого не увидали жадные глаза измученных людей. Ничто их не обрадовало.

— «Бога нет!...» Вы слышите, несчастные? Рождающемуся Спасителю в советском «доме смерти» не нашлось местечка. Словно все о Нём забыли в этот дивный вечер звездного Сочельника!

Вот почему неслись теперь по всем палатам скорбные рыдания. Безмолвно плакал бедный люд честной, уткнувшись головой в подушки.

Что случилось? Дверь в палату тихо приоткрылась. Все перенесли свой взгляд на дверь, как будто ожидая не то знамения, не то чуда. Настроение у всех было болезненно приподнятое.

Улыбаясь и оглядываясь, в комнату вошла сестра. Она несла в руках пакет, завернутый в дырявую большую шаль и, подойдя к постели Озерова, положила принесенный узелок на стул.

Все словно замерли на месте, устремивши взоры на «волшебный» узелок. Дрожащими руками Озеров развязывал его, а зрелище, представившееся его глазам, заставило задуматься. В большой зеленой мисочке была кутья, а под кутьей записка.

«С Праздником!» — большими буквами стояло в ней. Другая миска доверху наполнена была овсяной кашей. В довершение всего большой ломоть ржаного, чуть присоленного сверху, хлеба был завернут в пеструю тряпицу.

Стоит ли описывать ошеломляющее впечатление, какое произвел на всех в палате этот неожиданный подарок. Озеров дрожал, как лист осиноый, разламывая хлеб. Бог не забыл несчастных. Это чувствовали все и каждый. Это было отпечатано на лицах страждущих людей.

Нужно спешить. Кутья тотчас же обошла больных. — Дайте ложки и тарелки! — Как по щучьему велению всё было роздано. Посуда и платок исчезли под кроватью.

Спасибо, добрая душа!

Как кстати изумительный Рождественский сюрприз принесла Нина Николаевна больным и как к моменту принесла его, закутав в шаль, простая, добродетельная Дарья.

РАДОСТЬ

После радостного вечера и сна в Рождественскую ночь настало пасмурное утро. Беспокойство охватило всех. Больные подходили к окнам и с тоской смотрели вниз на улицу, в день Рождества Христова.

Что то странное творилось в этот день в природе. Небывалая доселе оттепель сменила сильные морозы. Дождь хлестал без перерыва. Южный ветер бил потоками воды по стеклам, нагоняя суеверный страх на жителей больницы. Горы снега превращались в жижицу. Три дня стояла оттепель. Три дня непрерывающийся ливень делал улицы непроходимыми и обнажал поля и огороды.

— Прогневили Бога! — говорил, вздыхая и крестясь, сосед. — Такого наказания и деды наши не запомнят, да еще в день Рождества Христова... Потеряли совесть... Сами, слышь, без Бога проживем! Эх, православные, грех то какой! Что будет с озимыми то? Мороз прихватит и погибнет хлебушко, весь до последнего зерна!

Никто ему не возразил. Все понимали, что великий грех повис над Родиной.

— Да-а, видно так тому и быть! Погибнут озимые то! тяжелым вздохом глухо пронеслось по комнате.

— Умел грешить, отец, сумей покаяться! — с оттенком горечи и злобы прохрипел в полубреду прикованный к постели молодой крестьянский парень.

Все переглянулись и молчали, словно чувствуя вину. Неловкость длилась с полминуты. Кто то крикнул раз другой и виновато произнес:

— А ведь ты правду говоришь, малец! Не в бровь, а в самый глаз попал... Все виноваты мы, что грех таить!

Так и случилось. На четвертый день чуть свет проснувшиеся люди увидали на оконных стеклах ледяной покров. Не горькими слезами плакал бедный люд, а кровью обливалось сердце каждого в ту памятную зиму 1922 года. От-

ступился, видно, Бог. Все понимали это, все, кто окончательно еще не потерял свой ум.

Страна, однако, изнывая, шла своим путем кровавым, поражаемая эпидемиями, голодом и смертью.

В день, когда проснувшиеся люди снова увидали лед на стеклах своих домиков, когда мороз вновь доходил до тридцати и больше градусов, когда на обнаженных озимых полях несчастно погибала вся последняя надежда русского крестьянина, — в больнице поднялся переполох. Ужасный тиф, прорвавшийся в больницу и гулявший по палатам, неожиданно проник и в хирургическое отделение. Больница не могла бороться с эпидемией, ввиду катастрофической нехватки медикаментов, а также мыла и белья. Всем, кто еще имел возможность двигаться, было предложено идти домой.

Узнав об этом, сердобольный капитан приехал, чтоб забрать больного. Как обрадовался Озеров, когда вновь очутился в своей бедной комнатке, хотя и знал своё безвыходное положение. В печальной обстановке одиночества он был не в состоянии вести борьбу за свою жизнь. Он был уже настолько слаб, что был не в силах даже защищать себя от насекомых. Множество клопов гнездились в старых, порванных обоях, и в матрасе было их не менее. Клопы безжалостно высасывали кровь, а одиночество еще усиливало муки, подавляя волю и вселяя чувство обреченности.

Здесь Озеров был одинок. Но где то, далеко в Сибири, не то в Омске, не то в Красноярске — жили его близкие, сестра и мать. Они бежали из Сарапула в период длительной гражданской борьбы на Каме в восемнадцатом году. Он слышал также, что его сестра уж года полтора, как вышла замуж, и что муж её завязанный коммунист. Он — грубый, некультурный человек, однако, умный, энергичный и настойчивый. Он, как собака, предан большевистской власти. Ослепленный большевик — энтузиаст, уверовавший в фикцию, что власть действительно народная.

Казанцев с партизанским отрядом шел с боями через всю

Сибирь. Отряд претерпевал ужасные лишения. Терял людей не столько в битвах, сколько от болезней, голода и холода. В период зноя страшные таёжные болота с тучей комаров и лихорадка беспощадно уносили мужественных партизан в могилу. Зимние сибирские морозы и глубокие, непроходимые снега безсчётно увеличивали их потери.

Ослепленные и словно зачарованные люди шли и шли вперед несокрушимой лавой. Замерзших и убитых хоронили, зарывая в снег. Больных и раненых везли на санках. И ничто, казалось, не могло их задержать. Они готовы были лечь в снегах все, до последнего «за дело революции и чести».

«Разгромили атаманов,
Разогнали воевод,
И на Тихом океане
Свой закончили поход!»

Это трагедия души Народа-великана, великой жертвы еще более великого и страшного обмана!

Насколько жестким был Казанцев в окружении своей семьи, настолько чутким и отзывчивым он был к чужим. Он был большим начальником, занявши должность Управдел «Сибопса»^{*)}. Одевался плохо и неряшливо. Ходил всю зиму в старом и засаленном овчинном полушубке, полагая, что партийцу неприлично одеваться лучше, чем одеты все простые смертные и бедные. Любил свою семью — жену и дочь по своему, держа их в черном теле.

Необузданный и сумасбродный, ревновал жену ко всем своим друзьям, хотя жена и не давала повода для ревности. Была ему верна всем существом своим. Она не смела разговаривать с мужчинами. И осуждал и не любил он их за то, что были они все воспитаннее, образованнее и культурнее.

Устраивать пирушки, напиваясь до потери разума, устраивать в семье скандалы — не считалось у него большим пороком. В пьяном виде он терроризировал семью.

^{*)} Сибирский округ путей сообщения.

Необъяснимые и странные события в последний месяц стали развиваться у постели человека «обреченного», в чем был уверен Озеров.

Однажды в полдень он лежал с открытыми глазами. Занавеска вдруг откинулась и на пороге появилась девочка. В руках она держала узелок, в котором что-то принесла. Больной был очень удивлен. Он прежде никогда не видел этой девочки. Она сказала «Здравствуйте!», прошла к столу и, развязавши узелок, поставила на столик небольшую мисочку. Проворно повернулась и, сказавши «Досвиданья!», вышмыгнула вон из комнаты.

«Видение!» — подумал Озеров и стал тереть свой лоб. «Да, нет же, это вовсе не видение!» — На столике действительно стояла миска, а внутри была молочная каша. Раздумывать над этим долго не пришлось. Он опорожнил содержимое посуды.

На завтра повторилось то же самое. «Видение» вновь появилось из-за занавески и, сказавши «Здравствуйте!», поставило на стол вторую мисочку с лапшой. Забрав вчерашнюю, сказало «Досвиданья!» и исчезло так же быстро, как и в предыдущий раз. Попытка с ней заговорить была безрезультатна.

Ожил наш бедняк. Он с жадностью проглатывал всё приносимое.

«Конечно, это Юлия, одна из многих тысяч женщин, думал он, — протягивает руку помощи, вселяя в сердце искорку надежды на спасение, которая должна вот-вот угаснуть вместе с жизнью.

Положение больного всё же с каждым днем все ухудшалось. Озеров лежал почти всегда в полузабытьи. Он уже не чувствовал и сильных болей у себя в желудке, погубив его овсяным и закальным хлебом в сухоматку. Каша и молочная лапша служили для него теперь единственным питанием. Не чувствовало болей и его в конец истощенное тело. Он оборонялся слабо. Разве же отпустят комнатные паразиты свою жертву, бывшую в их полной власти? Озеров боялся закры-

вать глаза не только ночью, даже днем. Он плохо и тревожно спал и часто просыпался весь в поту.

В один из наиболее тяжелых дней его вдруг посетила новая и неожиданная радость. Она лавиной обрушилась на ослабевший организм и чуть его не погубила.

В полдень Озерову «показалось», как откинулась вдруг занавеска. На пороге появилась Дарья. Женщина остановилась в нерешительности, словно от испуга. Озеров протер глаза и увидел, как Дарья как то неестественно раскачивалась, расплываясь и дwoясь. Как будто не одна она была на фоне занавески.

«Чего так испугалась Дарья?» — подумал Озеров. Он сильно волновался. Что случилось с ним? Он был готов кричать не то от радости, не то от страха перед призраком, вошедшим в комнату. — «Какое странное видение!» — мелькнуло в голове. Он зверски тер глаза. — «Нет, это не видение. . . Она! Конечно, это Дарья!»

— Дарьюшка! . . Дарья Ивановна! . . — со стоном вырвалось из уст больного. Он не в силах был владеть собой от радости. Та не дала ему опомниться, — едва успев поставить мисочку на стол, — как бухнулась на пол перед кроватью. Судорожно обхватив дрожащими руками ноги Озерова, залила их горькими слезами.

Озеров с трудом дышал, беспомощно глотая воздух. Тело Дарьи сотрясалося от рыданий. Она делала попытки говорить, но не могла. Бессвязные отрывки фраз со стоном вылетали из дрожащих уст несчастной женщины. Больной пришел в себя. Его вдруг охватило чувство жалости и нежности к покинутой и вечно одинокой бедной женщине. Как близкое, родное, захотелось ему вдруг прижать её к своей груди, но силы окончательно его покинули. Внутри всё клочкотало. Вот уже тяжелый ком, давивший грудь в последние минуты и искавший выхода, неудержимыми рыданиями вырвался наружу. Стало так легко и словно неземная радость захватила всё его существование.

Он протянул к ней руки. Оба залились слезами радости.

Как долго продолжалась эта потрясающая сцена встречи

для прощения обид двух одиноких, страждущих людей, когда они слились в одну ликующую душу, вырвавшуюся из вражеских оков тоски и горечи, — никто не знал. Ведь это только капля слез в потоке человеческих страданий!

Дарья продолжала причитать и вздрагивать от выплаканных слёз, а он, придя в себя и успокоившись, тихонько гладил её голову. Дар слова, наконец, вернулся к бедной женщине и Дарья, всхлипывая, быстро и бессвязно говорила, что она такая и всякая, глупая, несчастная. Нечистый же её попутал обвинить учителя — больного, одинокого, в ужасном воровстве, и как теперь она наказана.

— Вор то нашелся ведь. Он был приятель мужа! Да вы знаете его — печник то, Петька, значит! Он ведь дважды приходил при вас осматривать и проверять печные трубы. . . Изверг окаанный! Леший соблазнил польститься на чужое то добро. Узнал, что муж то у меня погиб, и обокрал, искариот!.. Кто бы подумал то? Я всё ходила по толкучке и приглядывалась. Думала, придет же продавать то, подлая душа! На столике у продавца заметила я брюки то среди вещей, узнала сразу их и уцепилась, значит, и давай кричать, а продавец то наровил их затолкать под низ. . . Куда там!

И добра то уж не жалко стало. Совесть то замучила меня за вас. Пиджак так и пропал, а брюки, стало быть, с милицией отняли. Юлия то Николаевна всё подтвердила, а милиция то, значит, «клятого» торговца всё заставила сказать и кто ему костюм продал.

Да, ну его, Бог с ним! Богаче всё одно не станет от чужого то добра. Теперь «шары» свои бесстыжие на людях не показывает.»

Дарья окончательно пришла в себя и только тут заметила, в каких условиях лежал больной. Засуетилась женщина и принялась за чистку и уборку, приговаривая и ворча, какая она «окаянная» и всякая другая.

Успокоенная и счастливая она ушла домой, пообещав прийти на следующий день, чтобы помыть больному голову.

С глубоким чувством благодарности и нежности смотрел на эту женщину растроганный до глубины души больной,

растерянный и не имевший времени прийти в себя от неожиданности. Сколько еще их таких сердечных, добрых женщин встретится ему на жизненном пути, если Господь даст силы пережить напасти и подняться на ноги.

Ведь должен же прийти конец его страданиям! Ведь не спроста Она пришла к нему в тяжелую минуту лихолетья с протянутой рукой.

Больной повеселел и даже мимолетная улыбка заиграла на его худом измученном лице.

Ч У Д О

События последних дней свершались словно на экране. Время шло не останавливаясь, но тянулось черепашьям шагом, — так казалось Озерову, целый день прислушивавшемуся к тиканью часов. Большая стрелка «ходиков» то словно прыгала перед глазами, то ползла, то слишком медленно, то слишком быстро.

Одиночество, тоска сменялись изумлением и радостью. Какие неожиданности и невероятные явления происходили у постели человека, казалось, уже лишнего, в последние часы. Уставшая, больная голова его, следившего за всем происходившим в комнате, была не в состоянии вместить всего, что в ней творилось. Ум не мог угнаться за событиями. Озеров, в своей духовной слепоте, не видел и не чувствовал даров, обильно посылаемых Судьбой ему, больному, одинокому, чья жизнь, казалось потухала с каждым днем. Лежал обычно целый день с открытыми глазами (в промежутках между обморочным состоянием), уставившись глазами в занавеску. Мысли путались. Он не всегда их мог собрать, направить в нужном направлении. Не мог сосредоточиться надолго на какомнибудь явлении, событии, чтобы отвлечь свое внимание от своего собственного положения, такого беспросветного, такого безотрадного. Признаться самому себе и согласиться с мыслью, что уже всё кончено, что жизнь вот-вот угаснет, — не хотелось. Напрягая волю из последних сил,

старался заглушить гнетущую тоску, и в эти грустные минуты он, как лебедь умирающий, «с своим прошедшим говорил».

Однако же, как ни печально было положение больного, всё же искорка надежды ни на миг не угасала в нем. Он верил, что его судьба еще не решена. Спокойствие вновь восстанавливалось и душа вновь славилась всё прошлое, а слезы умиления, восторга перед Высшей Силой вновь блестели на глазах. Он говорил себе: — «Смерть не страшна, а жизнь — печальное воспоминание.»

Как лебедь умирающий, он тихо напевал прекрасную мелодию, заканчивающуюся словами истины: . . . «Он потому так пел в последний час, что пред смертью вечной, примиряющей увидел Правду в первый раз!»

Вот-вот должна явиться Дарья, мысли о которой с самого утра тревожили его покой

Вдруг он насторожился. Кто то позвонил. Кухонный колокольчик необычно резко зазвенел и вдруг оборвался. Волнение с новой силой захватило Озерова. Он обеими руками придавил свой левый бок, стараясь удержать биение сердца.

Что случилось с ним, что так его встревожило? Томительное ожидание Дарьи? Нет, не то. Предчувствие чего то неожиданного, что должно случиться вот сейчас, немедленно, так сильно взбудоражило его больные мысли. Он весь превратился в слух и, задыхаясь, чуть приподнялся, опершись о кровать. Его болезненное сердце колотилось учащенно и настолько сильно, что рука, вцепившаяся в край кровати, ощущала резкие удары пульса.

Кто пришел? Кто в кухне? Дарьи нет, но в кухне кто то посторонний был. Кто мог прийти? . . . Вот странно, мало ли людей за целый день приходят и уходят. . . Почему же именно этот звонок так взволновал его? Рука не выдержала тяжести и, соскользнув, повисла в воздухе, а голова упала на подушку. Силы окончательно его покинули.

Кто то назвал его по имени. Послышались тяжелые шаги

и шарканье по корридору бабушкиных туфель. Напряжение росло.

— «Вот здесь!» — сказала бабушка, откинув занавеску.

На пороге появился плотный и высокий человек лет тридцати пяти, в овчинном полушубке и с большим мешком через плечо.

Переступив порог и не спуская глаз с больного, незнакомец произнес: — «Казанцев.» Наступила пауза. Ответа не последовало. В нервных судорогах задрожал в конец измученный и слабый человек. Он был не в состоянии произнести ответного приветствия и только крупная, горячая слеза скатилась по щеке. В недоумении уставился больной расширенными влажными глазами на вошедшего, как привидение, Казанцева.

Он видел чудо явное и несомненное. Уму непостижимо, что творилось за последние три дня в клоповнике перед постелью грешника, который в страшные минуты жизни призывал со страхом и надеждой имя Божие для избавления от скорбей и страдания, во имя блага и спасения своей, блуждающей во тьме, души.

Он посылал ему самарянина, нет! представителя безбожной, богоборческой, преступной власти, лютого врага и ненавистника Христова.

Как это могло случиться? Как узнал Казанцев его адрес и откуда получил он сведения о болезни Озерова?

— «Странную и даже не подписанную телеграмму получила неожиданно вапа сестра. Не понимаю, как она достигла адресата? — начал странный гость, снимая с плеч мешок и «замечательный тулуп». Он вынул из кармана телеграмму и прочел. Она гласила: «Ваш брат при смерти, необходима помощь». Подписи, как видите, здесь нет!» — сказал Казанцев. — Но обратный адрес здесь указан правильно.»

— «Я ничего не понимаю», — произнес чуть слышно Озеров.

— «Я тоже! Кто ее отправил?»

— «Провидение!» — подумал Озеров, но промолчал. По-

звали бабушку. Та отрицательно качала головой, потом, прекрестившись, вымолвила: «Бог послал!»

Казанцев отвернулся в сторону и стал развязывать мешок. Одно было понятно Озерову: телеграмма кем то послана. Она достигла цели. Стало быть, Судьба сказала свое слово.

Интересно проследить за поведением Александра Павловича в первые мгновения знакомства. Ничего такого, что обычно происходит в случаях, подобных этой встрече, не было. Ни возгласов, ни восклицаний удивления. Гость молча развязал мешок и вытащил: пшеничный хлеб, фунт сливочного масла, банку меда и поставил это всё на стол. Достал кусочек духового мыла и вехотку. Вынул полотенце, перекинув его через спинку стула. На вопросы Озерова отчал: «Потом, потом!» И, не сказав ни слова более, ушел на кухню ставить самовар. Вернулся с полным тазом.

— «Ну, теперь давайте сядем и помоем голову», — сказал он Озерову, ставя таз с водой на стул перед кроватью. Занавеска неожиданно откинулась и появилась Дарья с миской манной каши. Она была так поражена тем, что увидела, что чуть не выронила миску из своих трясущихся от неожиданности рук. Её душили слезы. Бабушка от радости и удивления крестилась, приговаривая вслух: «Чудны дела Господни!» Слезы также заливали её сморщенное старое лицо. Она всё вытирала его фартуком.

А Дарья, между тем придя в себя и успокоившись, при помощи Казанцева, помыла голову больного. Радостная и расстроенная покидала Дарья эту маленькую «комнату страданий», обещав прийти на следующий день. Казанцев поблагодарил её за все заботы.

— «Подойдите, Дарьюшка, ко мне!» — позвал больной. — «Я чувствую, что больше не увижу вас!»

Они расстались. Дарья больше не пришла, а день на третий Озеров был увезен в Сибирь, расставшись с Пермью.

По уходе Дарьи принялись за чаепитие. А. П. достал из своего бездонного мешка восьмушку чаю фабрики Высоц-

кого. Насыпал в чайник и поставил на камфорку самовара, весело шумевшего на небольшом столе. Нарезал длинными ломтями хлеб, намазал сверху маслом и, наливши чаю, положил в стакан кусочек сахара. Всё это положил на стул и пододвинул стул к кровати Озерова. В замечательной трапезе принимала деятельное участие и бабушка.

Окончив чаепитие, Казанцев встал из за стола, надел тулуп и варежки и на ходу сказал, что вызовет врача. Вернулся, нагруженный всякими продуктами: картошкой, мясом, луком и т. д. Снял свой тулуп, забрал продукты и ушел варить обед, сказав, что скоро будет доктор.

— «Удивительный и непонятный человек», — подумал Озеров, следивший утомленными глазами за Казанцевым.

Пришедший вскоре доктор, осмотрев больного, призадумался. Он сел за стол и долго составлял рецепты, деловито загоня непослушный ус в свой рот. Ус всё выскакивал, а доктор всё упорнее запикивал его туда.

— «Не выйдет, нужно подождать, когда побольше вырастет», — критически заметил Озеров (конечно, про себя), упорно не спускавший глаз с врача. Ему казалось, что от этого зависит правильность диагноза, поставленного доктором. — «Еще, еще немножко!» — Озеров крутил своими пальцами, но ус не слушался, а доктор нервничал.

— «Вот у Вильгельма усики то были подходящие. . . вильгельмовские. — Озеров повеселел, а доктор встал из за стола, в конец расстроенным. — «Ну, значит, у меня дела неважные», — задумался больной. — Опять кружится голова и доктор как то странно покачнулся в сторону. — Да, ну их! Лучше повернусь к стене, — решил больной и повернулся. Доктор и Казанцев долго перешептывались и о чем то спорили. Один настаивал, другой не соглашался.

— «Ноги сильно беспокоят. . .» — слышались отдельные слова.

— «Вот новость! — фыркнул Озеров и нервно повернулся к говорившим. Он враждебно посмотрел на доктора.

— «Вам резкие движения вредны! — заметил тот.

— «Я знаю сам! — чуть слышно огрызнулся Озеров.

Сам полежал бы так, как я! — Опять кружится голова. Он поглядел на потолок, потом закрыл глаза. «Еще сильнее кружится. Что за история?» Опять открыл и стал тревожно вглядываться в потолок. «Враг наступает! каждый день в одно и то же время.» Он взглянул на «ходики». Разведчик полз спокойно и уверенно к намеченному пункту.

— «Азиаты!» — выругался Озеров. Клоп между тем дополз до точки над кроватью и оторвался. — «Разведчик!» — думал Озеров. — «А вон еще один... за ним другой и третий. Вереницей двигались они. — «Сейчас пойдут в атаку!» — рассердился Озеров. — «А вон еще, паршивцы, партизанить вздумали!»

Действительно один, нацелившись упал на одеяло, а за ним другой и третий, словно по команде. Озеров забыл про доктора, увлекшись поразительной стратегией своих врагов.

— «Как настоящие японцы под Мукденом». В «Огоньке» когда то видел он, как те ползли наверх и падали с обрыва вниз, как настоящие клопы.

— «Ни в коем случае!.. Вы слышите? Ни в коем случае! Больной насторожился и прислушался. — «В таком тяжелом состоянии его везти нельзя. Я завтра утром заскочу, мне по пути!»

— «Ну, слава Богу, он ушел!». Больной опять повеселел. Неутомимый гость вновь принялся за дело. Он буквально поражал своей настойчивостью. За полдня успел его помыть и привести в порядок комнату. Сварил обед и начал по часам кормить больного. Он решительно повел борьбу с «японцами». Их было видимо-невидимо. Почистил и опрыскал стены и матрас какой то жидкостью. Наладил абажур, чтоб яркий свет не раздражал больного. Только вечером, когда все успокоилось, когда все процедуры были выполнены, а больной был вымыт и переодет, тогда настал час отдыха. Сидели за полночь за самоварчиком и тихо в полусшепота беседовали. Гость разговорился. Он поведал Озерову о своем участии в гражданской войне, о своей преданности «революции», то бишь, советской власти. Горячо и много гово-

рил о ледяном походе партизанского отряда сквозь тайгу и выходе его на побережье океана.

Фанатичный, необузданный энтузиазм сквозил в его рассказе. Он жалел, что всё это уже прошло. Вернулся к настоящему и рассказал о том, как получили телеграмму, как его жена заплаканная прибежала в учреждение, где он служил. Как срочно получил командировку в Пермь и уже ночью мчался в скором поезде.

Со страхом, напряженно слушал Озеров фанатика, чужого, неприятного и близкого ему. Он понял, что Казанцев был на транспорте, в известной степени, величиной. Просто смертному мероприятия А. П. в те времена и хлопоты с поездкой были недоступны.

Озеров был слаб. Он трепетал пред этим сильным человеком, будучи не в силах воспринять, осилить натиск поразительных сюрпризов всех последних дней. Он чувствовал, что с ним творится что то непонятное. Его трясло. Он вдруг забился в нервных судорогах. Голова горела, как в огне. Он потерял сознание.

Всю ночь Казанцев, не смыкая глаз, сидел на страже у постели Озерова; то прислушивался к хриплому, неровному дыханию больного, то вдруг вскакивал, бежал за снегом. Клад холодные компрессы на пылающую голову. То приносил горячие бутылки на застывшие конечности.

К обеду следующего дня больной пришел к сознанию, со страхом озираясь и косясь на дверь.

— «Нам нужно поспешить с отъездом, — говорил Казанцев. — От моей энергии и быстроты, с которой я смогу вас привезти домой, зависит ваша жизнь. Там всё поставлю на ноги.»

Однако, доктор снова запретил везти больного в поезде, но не успел он выйти, как Казанцев бросился за ним. Он топорился в Управление железных дорог и на вокзал, где применил всю силу, всё своё влияние, чтоб получить на скорый поезд два плацкартных места.

— «Смелость города берёт!» Мы завтра утром засвистим! — так выпалил Казанцев, не успев переступить порога.

— «Ничего не бойтесь! Накрутил бы я хвосты всем здешним старым крысам. Ух, как накрутил бы. . . — время дорого!

Тут только понял Озеров, каких усилий стоило Казанцеву добиться двух плацкартных мест на «специальный» поезд.

— «Я приехал с «опозданием» — сказал он уже ласково. — Но я уверен, что всё кончится благополучно.

Озеров молчал. Он думал, глядя на Казанцева: «Какая властная и гибкая натура. Сколько силы воли, сколько беспечной энергии! Ведь он же не имеет даже среднего образования, этот огромный русский самородок, не задумывающийся ни перед какими трудностями, этот Управдел Сибопса!»

Так решительно боролся он за жизнь больного Озерова, как немного ранее спасал его сестру.

Часть третья

О Л Ь Г А

Она была уже певица, обладая изумительной колоратурой. Выступая на концертах, пользовалась исключительным успехом. Зал обычно замирал, желая слышать каждый звук, каждый нюанс.

По окончании своего номера, когда она стояла скромная, смущенная, зал разражался шумными аплодисментами и возгласами неподдельного восторга. Что было лучше и милее в её голосе: волшебное пиано или соловьиная восторженная трель на верхних нотах, с мастерской, красивой филировкой звука, — трудно отгадать.

О молодой певице отзывались с похвалой и пожеланиями всяческих успехов «сливки» города. В газетах «Кама» и «Прикамская жизнь» писались о её пении рецензии. Однако, все успехи Ольги на концертах были лишь пока в масштабе небольшого, но на редкость музыкального Сарапула. Две музыкальных школы (частная и государственная) говорили о больших запросах населения не только в области образования, как такового, но и в области искусства — музыки и пения.

Ольге «везло». Большая будущность её гналась за нею по пятам, но по каким то непонятным обстоятельствам она «умела» уходить от собственного счастья. В этом, видимо, была её судьба. Уехав с матерью в Сибирь в тяжелый год разгрома «Белой армии» и очутившись в Красноярске, Ольга и осела в этом городе. Она снимала комнату у двух своих двоюродных сестер.

В короткий срок произошло её знакомство с очень даровитым пианистом Максом, чехом по происхождению. Окончив Пражскую консерваторию по классу музыки (рояль) с наградой первой степени, он очутился в действующей армии. В боях под Перемышлем сдался русским в плен, попал в Сибирь, где и застрял.

Его прекрасной музыкой в то время упивался весь культурный Красноярск. Естественно, что между молодыми «звездами» искусства завязалось тесное закомство, а позднее дружба, перешедшая в любовь. Особенно тяжелой формой этого, почти что неизбежного в критические молодые годы, недуга, страдал, конечно, Макс.

На будущее он смотрел сквозь розовые стекла, говоря предмету сердца своего:

— «Ольга Петровна, я люблю вас горячо. Об этом вы прекрасно знаете и видите всю силу моих чувств. Я сам, мой ум, моя душа и сердце в вашем даровании, в вашем прекрасном голосе. Давайте мы поженимся! Вдвоем мы сила в музыкальном мире, перед ней преклонится Европа. Мы предпримем путешествие и будем всюду, главным образом, в Италии. Ваша мечта осуществится.»

Но увы! Трусливость, нерешительность провинциальной «девушки с жемчужным горлом» погубили всё. Макс был хороший, трезвый и культурный человек. Он «по упи» влюбился в Ольгу. Все житейские невзгоды, горести и радости её он чувствовал и перемалывал их в своем сердце, как свои.

Он умолял её уехать в Чехию или в Италию. Он клялся исполнять её капризы и желания. . . Если она питает недоверие к Европе и боится ехать за-границу, он готов остаться здесь.

— «Я верю вам! — твердила Ольга. — Высоко ценю ваш исключительный талант. Я знаю, что вы честный человек, воспитанный, порядочный. Об этом знают все. Вы — крупный музыкант. Никто другой, как вы один, могли бы дать мне в жизни то, о чем мечтала я всегда.

Увы! Как я несчастна и беспомощна, как я труслива и жалка. К тому еще раба упрямого характера.»

Пока мучительно тянулись объяснения в любви! в них не было порыва страсти. Был только дым, но не было огня. В то время, как из под ресниц текли лишь слезы умиления (они ведь свойственны лишь только женщинам, не правда ли?), когда лишь пелись дифирамбы в честь народившейся звезды, когда воскуривались фимиамы печальным рыцарем пред светлым божеством, — вдруг всё перевернулось кверху дном.

На сцене появился «настоящий» рыцарь, ловко выправивший на ходу ошибку первого. Он вспылал к певице тем же чувством, что и первый, но подход к решению вопроса о любви был чуточку иной.

А. П. Казанцев был крупным начальником на транспорте. Ольга была его секретарем. Она считалась лучшей машинисткой. Исполнительная, аккуратная и быстрая, она с полслова понимала, что хотели от неё и не нуждалась в лишних пояснениях. Самостоятельно писала важные бумаги и записки. Делала запросы, составляла целые отчеты и была, как говорится, «на виду».

Мало по малу в голове начальника созрела мысль жениться на своей помощнице. Она ему была нужна, как правая рука.

Ольга сама уже заметила его настойчивые взгляды, как бы изучавшие её. Она искала новую квартиру, так как у сестер ей было плохо, неуютно и довольно тесно вчетвером.

Казанцев сам нашел ей комнату, помог ей переехать и, когда она устроилась, пришел на новоселье. Макс не усмотрел в новом знакомом Ольги своего опасного соперника, о чем ему пришлось довольно скоро пожалеть. Так или иначе, встреча двух соперников должна была произойти.

В ближайший воскресный день Казанцев был с очередным визитом у своей помощницы. Знакомые шаги. Стук в дверь. Хозяйка поднялась, чтоб отворить, но гость решительным движением руки загородил ей путь к двери, сказав:

— «Я сам открою и впущу!»

Увидя на пороге Макса с небольшим букетом полевых цветов, Казанцев сухо произнес: «Ольга Петровна не хочет вас видеть», и захлопнул дверь. Ольга обомлела, но и тут не знала, что сказать.

После решительного отстранения своего соперника, А. П. нарисовал ей перспективу их совместной и, конечно, уж «счастливой» жизни. Он ведь крупный коммунист с хорошей головой; мозги имеет не разжиженные, как у западного «жалкого» интеллигента Макса, а здоровые. Он занимает крупный пост. Он энергичен и настойчив, даже чересчур, как скоро убедится сам читатель. Своенравен и упрям, добавим мы. Однако, нужно справедливо отнестись к оценке недостатков и достоинств Александра Павловича: умный, сильный духом, инициативен, непоколебим в своих решениях.

На третий день после изгнания своего соперника, Казанцев взял за обе руки свою «будущую половину» и сказал: «Я одинок, вы — тоже одинокая. Мне плохо и вам плохо. Выходите замуж за меня, вдвоем нам будет лучше.»

— «Я люблю его!» — чуть слышно простонала Ольга.

— «Вы его, — сказал Казанцев, — а я вас, так в чем же дело? Макс не сможет обеспечить вашу жизнь. Он до сих пор вас даже не поцеловал, ведь правда?»

Не успела Ольга рта открыть, как очутилась в «лапах» своего начальника, не очень, правда, деликатного, но «настоящего» мужчины. Звонкий поцелуй закрыл ей рот. Она попробовала рассердиться и ушла в другую комнату, надувши губки. Как же так, она ведь любит Макса?

Бедный Макс! Судьба была на стороне его противника.

Ольга страдала головными болями, которые то проходили, то опять усиливались. Наконец, она почувствовала режущие «схватки» в правом ухе. Поднялась температура, и «певунья-пташечка» слегла в постель. Явился доктор. Осмотрев больную, он встревожился, предупредил сестер, что жизнь её в опасности, — болезнь серьезна — воспаление надкостницы. Как громом поразило всех это известие.

Проходит день, и снова появился доктор. Он на лестнице столкнулся неожиданно с Казанцевым.

— «В чем дело?» — «Плохо! У девицы воспаление надкостницы. Ей предстоит большая операция, а кто здесь будет делать? Некому! А ждать нельзя, кабы не было поздно!»

Поблуднел жених. Он, не сказав ни слова, повернул назад и, выскочив на улицу, исчез за поворотом. Зашумели провода и затрещали телефонные звонки во все концы. Всё в Округе пришло в движение. Зашевелился Омск («Сибопс» *). Забегали, засуетились «Сибдевицы». («Сибдевицами» прозвали в шутку армию девиц, работавших в Сибопсе. Это переписчицы и машинистки, секретарши — личные и всякие. Они заведывали книгами — входящими и исходящими, а главное, шумели, суетились, бегали из двери в дверь, от одного начальника к другому и, как полагалось, смущались и краснели. Озаряли нежными улыбками и чуть подкрашивали губки. Чрезмерно пудрились, выдергивали бровки и хихикали. «Случайно» попадались на глаза «входящим» в двери и обратно «исходящим» из дверей, большим и малым начальникам отделами и канцеляриями. В общем, это был веселый, жизнерадостный народ, без какового ни одно порядочное учреждение « в масштабе » не могло существовать).

Так вот, все сибдевицы наострили язычки и повернули ушки в нужном направлении и ну трещать в эфир и просто меж собой. Среди девиц, серьезно обсуждавших новость раздавались голоса и «за» и «против». В общем всё забегало, машина заработала на полный ход, и все узнали, что Казанцев женится на секретарше.

Между тем, жених нажал все кнопки. Наконец получена депеша. Где то далеко, за сотню верст, случайно отыскался старый, с именем, хирург-профессор, прятавшийся от преследования властей. Его предупредили, что в ближайшее время предстоит ответственная операция. Он должен

*) «Сибопс» — Сибирский Округ путей сообщения.

быть готов к ней днем и ночью. Местная больница получила соответствующее сему распоряжение.

Тем временем Казанцев подкатил к крылечку маленького домика, где проживала Ольга. Словно ураган ворвавшись в комнату больной, он всё перевернул вверх тормашками. Больную усадили и помчали что есть духу, понесли по бездорожью, сломя голову. И только ночью подкатали под крыльцо больницы (клиники).

Профессор был готов и поджидал больную. Сложную, опасную для жизни, операцию перенесла в ту ночь в глуши Сибири Ольга. Энергичная борьба за жизнь невесты породила и ответную признательность последней. Подвиг, совершенный женихом, взывал к вознаграждению. Сердца двух потянулись на сближение и, наконец, соединились вместе.

Ну, а как же Макс? — спросит читатель. Что ж поделаешь! Не нам вступать с Судьбой в единоборство. Макс, конечно, не подумал бросить вызов своему сопернику. Он был только рыцарь духа, но без шпаги, да и времена трех мушкетеров и прекрасных Дульциней прошли. Удар, так дерзко нанесенный в сердце Макса, был тяжелый. Свое горе «рыцарь духа» перенес болезненно. Он сильно тосковал. Его тянуло в тот заветный дом, где он впервые полюбил. Он часто навещал сестер и заходил в ту комнату, где прежде проживала Ольга. В одиночестве грустил, вздыхал и жаловался на свою судьбу.

Борьба двух кончилась в короткий срок. Побив противника, Казанцев наскочил на непреодолимое сопротивление своей невесты перед ставшим поперек вопросом о церковном браке. Этого Казанцев уж никак не ожидал. Он, сильной, непреклонной воли человек, сказал невесте «нет». Она, уступчивая, нерешительная, слабая, сказала «да». Церковный брак был заключен.

Казанцев до последних своих дней не мог простить себе проявленной им слабости. За это расплатилась Ольга. Расплатилась всей своей семейной жизнью. Радости она не ви-

дела, а счастье, заглянув в окно, исчезло навсегда, как мимолетный и тревожный сон. Жизнь принесла ей множество тяжелых испытаний за проявленное мужество, за то, что победила «сильного» и тем унизила его перед друзьями.

Обвенчавшись молодые выехали в Омск в Сибопс. Казанцев был назначен Управляющим делами Округа. Медовый месяц был медовым лишь на половину. Слезы молодой жены стали её уделом. Настоящее лицо Казанцева она увидела только теперь, но было уже поздно.

— «Ошибка в выборе трагична», — сказал ей Озеров на следующий день после приезда в Омск, когда она склонилась над кроватью исхудавшего, больного брата, заливаясь горькими слезами.

— «Ты вторично отказалась от своего счастья. Светлая и радостная будущность шла за тобой. И ты ее отвергла...»

— «Замолчи! Я так несчастна.»

— «Что поделаешь? Что сделано, то сделано, а прошлого не воротить. Живи теперь для Кирочки и в этом обретишь покой.»

Он указал на детскую колясочку с племянницей, которую качал одной рукой, лежа в постели.

Сладко засыпала дочь под нежное ласкающее пение матери, но в этом пении звучали слезы. Мать оплакивала свою дивную мечту и свой божественный, неповторимый голос, вместе с ним и свою жизнь в искусстве.

ОТЪЕЗД И ПРИЕЗД

Был конец января 1922-го года. В одно морозное утро ворота, из-за глубокого снега, с трудом были открыты. Во двор медленно въехала подвода.

Мороз трещал. Окна в домах были наглухо закрыты толстым слоем льда. Кое где даже ставни не открывались, чтобы холод не проникал в квартиру.

Всё уже было готово к отъезду. Ноги больного основа-

тельно укутаны тряпками и всунуты в большие валенки (сибирское название их — «пимы») так, что никакой мороз для них не был страшен.

Двое мужчин, Казанцев и капитан, под руки вывели Озерова во двор и уложили в сани, где на сене была приготовлена мягкая постель. Сверху укрыли больного двумя одеялами, а на голову была надета меховая шапка с ушами. Капитан тут же распрощался с ним, пожелав ему скорого выздоровления.

Солнце, как огромный красный шар, выплывало из-за сада, окрашивая снег в розовый цвет. Сквозь деревья, покрытые густыми хлопьями снега, оно казалось еще больше и принимало сказочный вид. Вспомнились Озерову чудные картины замечательного самобытного художника и декоратора Билибина. Одна из таких сказок и предстала перед его очарованным взором.

Густой сад за низеньким резным забором с огромными тополями и черемухой и большими кустарниками, покрытыми густым снегом, горел в лучах солнца. Сиий снег и яркие розовые блики на нем от пробивающихся сквозь деревья красных лучей солнца, причудливо блестели, сверкая разными огоньками.

Розовый дым из всех труб окружающих домов поднимался столбами к небу в безветренном морозном воздухе. Восток горел, словно огромное пламя полыхало там, за садом, между домами.

Даже пушкинский «конь убогий», запряженный в розвальни, у которого действительно были «уши врозь, дугою ноги», стоял как вкопанный с закрытыми глазами.

Великий поэт, неподражаемый художник дополнил картину Билибина и Пушкина. Он покрыл её глубоким снегом и осветил таинственным красным светом. Расписал оконные стекла чудесными узорами. Имя ему — Мороз.

Он же покрыл инеем мохнатую лошадку, расписал ей гриву и хвост, уши и брови. Она сама, как будто только что вышла из под снега, покрылась инеем и теперь, под крас-

ными лучами утреннего солнца, превращалась в сказочное изваяние.

Вот и настоящий «Дед Мороз» стоял возле своей лошади. Его романовский полушубок и большие, выше колен, валенки были сплошь покрыты снегом и инеем. Он с кнутом в руках стоял в глубоком снегу, а его мохнатая шапка с ушами, казалось, была вылеплена из снега. Огромная борода, сама по себе седая да еще покрытая инеем, была как бы не поддельная собственность «Деда Мороза». Большие усы под тяжестью сосулек свисали вниз. Огромные заснеженные брови почти совсем закрывали глаза.

Вся эта экзотическая фигура была освещена розовым светом и искрилась в красных лучах солнца.

Даже великие русские мастера, творцы незабываемых полотен, представители славной когорты художников пера и кисти девятнадцатого столетия, не создали бы такой картины, такой сказки на яву.

Эта изумительная картина создана не человеческим гением и не руками людей.

Наконец всё готово к отъезду.

Немногочисленные жители домишка вышли на крыльцо. Задумчивая Верочка стояла, словно изваяние, она как будто приросла к доскам застывшего крыльца. Смотрела в одну точку. Но лишь только сани тронулись, до уха Озерова долетели грустные слова прощального приветствия:

— «Виктор Петрович, дай вам Бог здоровья и благополучного пути. Прощайте!»

Добрая старушка плакала, а маленькая Аничка, стоявшая в сторонке с Надей и Марусей на руках, казалось, полностью была поглощена заботами о них. Она их поминутно кутала, боялась простудить, ведь на дворе стоял такой мороз!

Вот наконец настал момент отъезда. После ряда окриков и понуканий, после действия возжей, потом кнута, заснувший было конь убогий вдруг зашевелился. Сани, заскрипев, тихонько поползли к воротам.

Озеров последним, грустным взглядом провожал оставшихся, словно родных ему хозяев маленького дома. Бабушка крестила уезжавшего. В последнюю минуту, запертый на кухне «Бобик» выскочил на лестницу и, кубарем скатившись по ступенькам вниз, визжа и задыхаясь, словно снежный ком, летел к саням. Вскочивши в сани и лизнувши Озерова прямо в губы, бросился к воротам. По привычке он остановился у столба и повернув назад, стал истерически визжать и лаять, вскакивая в сани. Прыгал вокруг лошади, с трудом тащившийся к воротам, он вьюном кружился под её ногами, норовя достать до лошадиной морды.

Сани выехали за ворота и, свернув направо, двинулись по улице, пока не завернули за угол.

Неугомонный Бобик должен был отстать, но его лай еще звенел в ушах больного Озерова. — «Верный и хороший пес!» — подумал он, вздохнув.

Озеров тихо грустил, любуясь родными картинами русской зимы. Лошадка, старушка тащилась, согнувшись до самой земли, с трудом волоча за собой свои ноги.

— «Плохие дела твои, дедушка! — обратился он к вознице.

— «Ты чево говоришь то?

— «Плохие дела у тебя, говорю, что приходится ездить на старой, измученной кляче.

— «А с чего ей, родимый, идтить то? Овса то, родная, давно уж не нюхала! Вивтаминами штоли кормить то? Нетокмо овса, а и сена то нету, солома одна, вот и всё. . . Откуда силу то взять ей? Опять, вишь, пристала болезная. . . Ну, пуцай отдохнет. . . постоит, постоит и опять пойдет, «пошагает» родная. Не «сумлевайтесь»! . .

Постояла лошадка и снова пошла, «пошагала». Так ехали, ехали и к вокзалу приехали. Дед то ведь правду сказал, чтобы не сумлевались! . .

В Омск приехали часов в двенадцать дня. При встрече с матерью и Ольгой было много слез. Часа в четыре в тот же

день явился старый, как его квалифицировал Казанцев, лучший доктор в Омске. Доктор был внимателен и даже ласков, но не разговорчив. Тень сомнения и неуверенности отразилась на его лице при тщательном осмотре. Ноги Озерова беспокоили его.

— «Нельзя терять ни часа, ни минуты! — говорил он, нажимая на перо, когда прописывал различные втирания, компрессы и уколы. Он при этом беспощадно тер висок и морщил нос.

Прошли две-три недели. Правильный диагноз плюс хорошее лечение, а также перемена обстановки, пребывание среди родных, забота и уход, вернули Озерова к жизни.

Кончился февраль, и Озеров стал подниматься на ноги. Он с палочкой ходил до печки и обратно. «Первые шаги», которые так радуют детей, он совершал благоговейно. Если дети радуются, начиная двигать ножками, то как же радовался он, уверенный, что здесь над ним свершилось чудо.

Между тем, он с горечью увидел, что семья Казанцевых жила недружно. Неприятности и ссоры доходили иногда и до скандала, когда муж под вечер приходил домой «навеселе». Наган уже не раз блестел в руках нетрезвого и буйного хозяина. Причина — ревность. Он любил жену по своему и ревновал ко всем мужчинам и особенно к своим друзьям.

Жена была скромна, верна, работая всецело под его начальством. Он был недоверчив, мнителен и подозрителен. Под действием вина и водки муха превращалась у него в глазах в слона. Наверное, на него то и направлялось дуло револьвера.

Бывали и минуты просветления, когда хозяин был в хорошем настроении. Как оживало всё в такие дни в семье Казанцева!

ВЕСНА

Природа оживает. Солнце греет всё сильнее. С каждым днем оно восходит раньше, а заходит позже, где то далеко за лесом, что чернеет, словно тень за снежной простыней.

В последних числах марта Озеров впервые вышел на крыльцо. Его обдало запахом весны.

Возле заборов, на крылечке и на подоконниках, везде, куда заглядывали солнечные теплые лучи, снег начинал подтаивать. Дороги потемнели, покрываясь лужицами и навозом.

Только по ночам еще бывали заморозки. Много голубей сидело на воротах, на заборах и на крышах складов и домов. Они слетали на дорогу, где степенно группами прогуливались взад-вперед. Потом, как по команде все взлетали вверх и, расплываясь веером, опять усаживались по своим местам. Спокойствие и рассудительность в их поведении бросаются в глаза. Движения красивы, деликатны. Во взаимоотношениях проглядывает вежливость.

Свои сердечные порывы голубь проявляет исподволь и не спеша. Он убедительно воркует, но конфузится. Голубке это нравится. Она из скромности сначала искоса поглядывает на восторженного сизаря. Однако же, кокетство видно в позе и во всех её движениях.

Почувствовав симпатию, счастливый голубок красиво и с оттенком юмора нахохлившись, похаживает и раскланивается перед своей избранницей. То отойдет, то вновь приблизится, пока не сядет рядом с ней. Тогда они воркуют ласково и нежно, прикасаясь клювами.

Весна идет! Вокруг всё радуется, всё смеется. Прожитая тяжелая зима. Теперь немного будет легче. Отпадут заботы о дровах, о керосине, об одежде. Было бы чем свою наготу прикрыть!

Вот и грачи расселись по деревьям, за грачами и скворцы. Скворечницы приведены в порядок в ожидании дорогих гостей. И снова со скворечницы звучит гортанный голос старого скворца. Вдвоем с подругой начинает он поспешно обновлять и утеплять свое родное гнездышко.

Дороги почернели. Стало трудно ехать на санях. Ручьи текут не умолкая, превращаясь в быстрые потоки. Они с шумом низвергаются с крутого берега в реку. Ребята сует

тятся и кричат на все лады. Весна их праздник. Их веселый шум разносится по улице. Кораблики без парусов и с парусами быстро пробегают по канавам. Дети спорят, чей кораблик лучше и быстрее мчится, увлекаемый потоком, и бегут за кораблями.

Вдруг весь флот скрывается под каменным мостом. Детишки с гиканьем и свистом мчатся на другую сторону моста и ждут. Вот корабли выскакивают на простор. Ребята оглашают воздух дружным, радостным «ура!»

Отцы и матери волнуются, зовут не дозовутся. Кушать некогда, и до еды ли им теперь? И разве может капитан покинуть мостик, если навигация в разгаре?

Девочки гуляют тут же, как бы принимая некоторое участие в открытии веселой «навигации». У девочек еще свои заботы. Нужно выносить на воздух своих «Машек» и «Матрешек», по весеннему одетых в легкие костюмчики. Те, что зажиточнее, выезжают на прогулку в собственных колясочках. Они с понятной важностью глядят по сторонам.

Апрель!.. Уже двадцатое число. Река синее и вздувается, а лед трещит. Переходить через реку стало опасно. Ближе к берегу образовались полыньи. Река выходит из своих границ. Напор воды усилился. Она пошла по берегу, покрытая, как чешуей, весенним, рыхлым льдом, нагромождая всюду горы льда и снега.

Ледоход! Какое зрелище! Стихия разыгралась. Ледяные глыбы, даже целые поля из льда несутся по реке. Они то сталкиваются между собой, то лезут друг на друга, образуя ледяные горы. Они лезут вверх и рушатся со страшным треском. Вся река кипит и плещет на берег метровым льдом. Шум ледохода далеко разносится по городу.

Неумолкаемый трезвон не заглушает шума взбудораженной, метущейся реки. Мальчишки, как и прежде, лезут вверх на колокольни, чтобы позвонить во все колокола.

На улицах то там, то там христостуются. Люди не стесняются. Они своими светлыми объятиями открывают свое сердце братьям во Христе. Они лишь опасаются, оглядываясь. Радость Воскресения запрятана в глубоких тайниках души.

Эту глубокую и внутреннюю радость власть не в силах отобрать у русского народа. Ни болезнями, ни холодом и голодом, ни даже смертью не убить ей душу христианскую. Все храмы переполнены. Кулич, хотя и черный, принесен во храм.

Христос Воскресе! — гулко и торжественно звучит пасхальное приветствие священника.

— Воистину Воскресе! — мощным хором рвется ввысь из сотен уст измученных людей. Волнующие слезы радости и скорби душат их.

В семье Казанцева нет праздника, нет радости, нет Бога. Только выйдя на часок на улицу, в канун отъезда, из тоскливой, мрачной обстановки, Озеров воспринял внутреннюю радость. В колокольном звоне, в говоре скворца, в журчании ручейков почувствовал он Воскресение. Радостное солнышко, шум улицы, весенние улыбки детворы, их радостные крики оживили сердце, влили бодрость в душу. Снова захотелось радоваться и смеяться. Снова захотелось жить.

Что день, весна сильнее наступала. расплываясь по просторам нашей Родины. Заглядывала в бедные халупы сел и деревень и согревала всех своим теплом и светом.

Озерову не сиделось здесь, в «чужом краю». Его тянуло на родные берега, туда в Россию, в теплые края. И здесь была Россия, но всё будто бы не та. Холодной, неприветливой ему казалась западная голая Сибирь.

Сестра еще сильнее тосковала по родным местам. Хотелось петь. Сотрудники сочувствовали и жалели бедную певунью-пташечку. Казанцев не привык считаться с мнением людей, имея свои собственные взгляды и понятия, свои суждения. Но скоро он был вынужден прислушаться к общественному мнению «Сибопса». В силу ли давления общественности или по своей всегдашней непоседливости, он заговорил с начальством Округа о разрешении ему поехать в Харьков или Киев.

Озеров обрадовался за себя и за сестру. Весь дом пришел в движение, Все знали об отъезде управдел Казанцева с семьей и все сочувствовали Ольге. Сыпались благие пожела-

ния певиче. Уши «повелителя» трещали от приветствий публики по адресу его жены. «Охота к перемене мест» и радовала и печалила его. Он понимал, что там, в Европе, будет хуже и труднее справиться с женой.

Однако же, как ни боялся, как ни нервничал Казанцев, он хотя и подсознательно гордился Ольгой.

Наступил желанный день отъезда. Путешествие в отдельном, собственном вагоне доставляло удовольствие. От Екатеринбурга до Сарапула тянулись дивные сосновые леса, что украшало отдых наших путешественников. С неизбежным трепетом неисправимые сарапульцы въезжали на железнодорожный мост. Вид города с его огромной высоты, на фоне леса, был довольно живописный. Но когда они входили в город, то увидели печальную картину полной нищеты. Описывать не хочется. Всё то же самое, всё то же грустное. Всё тот же голод и нужда.

В Сарапуле еще жила старушка тетушка. Когда она увидела вошедших к ней гостей, она всплеснула руками, разрыдалась. Всех по очереди обняла и всех перекрестила. Этой участи не избежал и коммунист Казанцев. Мужественно он переносил все эти «муки». Тетушка влюбленными глазами всматривалась в лица дорогих племянников и внучки, ища пугливо озираясь на Казанцева.

После чая стали собираться в путь-дорогу. Храбрая старушка, по старинному обычаю, заставила всех сесть. Потом перекрестила и поцеловала всех по очереди, и Казанцев этого не избежал. Он был сегодня, в полном смысле, дженгельмен.

Выйдя на улицу и провожаемые тетушкой, свернули за угол. Перекрестивши всех, она стояла, словно изваяние, глядя на уходивших. Видно чувствовало сердце бедной старой женщины, что больше не видать ей эти милые, родные лица.

Долго видели племянники свою старушку тетушку, стоящую в тоскливом одиночестве. Как не оглянутся — стоит старушка на углу и... крестит, крестит, заливаясь горькими слезами.

КТО ВИНОВАТ?

Поезд подходил к Мурому. Вдали виднелась пристань, вросшая в зелень берега реки Оки.

«Страничка славного, но и тяжелого пути России...» Озеров задумался, выглядывая из окна вагона.

«Здравствуй, Русь родная! Здравствуй, Муром — стольный град княжества Муромского, резиденция князей больших и малых!»

Выйдя на перрон, полюбовался зданием вокзала небольшого, но богатого своей архитектурой в русском стиле, и вошел в вокзал, осматривая внутренние помещения. В бюро ему ответили на заданный вопрос: вагон Казанцева будет прицеплен к «спецсоставу» только вечером.

«Как много времени!» — подумал Озеров. Ему хотелось разыскать своих друзей-соратников «трофимовцев», живущих в Муроме.

До города — рукой подать. Он шел не торопясь по немощеным улицам и переулкам города. «Дела давно минувших дней»... Невольно мысли пятились назад через века и погружались в чудные «преданья старины глубокой». Время будто ничего не изменило в древнем городе. Множество храмов, весело блестевших луковичами своих затейливых старинных куполов. Множество входов и крылец времен «бояр, гостей Московских», с расписными и пузатыми колоннами, напоминавшими собою княжеские терема. Жилые домики с резными украшениями. Садики с зелеными заборами, через которые на улицу свисали ветви старых лип и тополей.

Уставший одинокий путник шел по городу, то поворачивая в улочки, то всматриваясь в переулочки, разыскивая номер дома друга «Мажордома». Вдруг в одном из «теремов», в окошечке, он увидал большую бороду купеческого типа.

— Василь Ваньч! — повернулась борода и улыбнулась во всю ширь княжества Муромского.

— Витька! Неужели в самом деле это ты и есть?

— Как будто, если память мне не изменяет, это я и есть

во всех своих деталях. Увидал твой теремок и, было, начал, «Теремок, теремок, кто в тереме живет?» — вдруг вижу борода в окне большая-пребольшая, черная-пречерная. Раз борода нашлась, так думаю, и «мажордом» найдется. Так оно и вышло!

— Здравствуй, здравствуй, «трубадур»! Откуда, «старина», идешь-бредешь? Откуда ноги тащишь?

Не успел уставший гость подняться на крыльцо, как вдруг ему на встречу выкатилась темная фигура с толстым животом и с золотой цепочкой поперек его. Цепочка змейкой выползала из жилетного карманчика, а выше покоилась борода, которая и поглотила гостя в своих зарослях. Объятия «медведя» чуть не задушили Озерова, — еле отдышался!

По старинному обычаю друзья облобызались трижды и вошли внутрь домика.

— Андрюшка, здравствуй! Всё такой же писанный красавец! — Новые объятия и новые приветствия. В гостя впились бездонные, неумолимые глаза. «Они еще чернее стали» — подумал Озеров.

— Ну, где твоя Мария?

— Шш... шш! Замолчи, не спрашивай о ней, потом всё расскажу. Сейчас ты встретишься с моей второй женой... Не делай удивленные глаза. Смотри же...!

В это время на пороге показалась жгучая брюнетка, стройная и даже элегантная. Её точеный римский нос и чувственные губы выгодно, красиво выделялись на веселом подвижном лице.

— Татьяна М...! — приятным бархатистым голосом произнесла жена Андрея, подавая гостю руку.

— Это наш Андрей Андреевич! — добавил не без гордости Андрей-отец, беря на руки годовалого «наследника княжества Муромского». Вслед за этим, как по «щучьему велению» появилась «скатерть-самобранка», а за ней кипящий самовар — хозяин русского стола. За самоваром шаньги и ватрушки, чай с вареньем, как свидетельство национально-гостеприимства.

Сверх всего, через открытое окно врывается в комнату малиновый трезвон колоколов, напоминавший о воскресном дне и о молитве.

Озеров расчувствовался, позабыв невзгоды и лишения минувших лет. Всё страшное, тяжелое осталось позади, а неопределенность настоящего, неясность завтрашнего дня, всё как то отодвинулось и не давило грудь.

Напившись чаю, Озеров с Андреем вышли в сад и сели на скамейку. Здесь в зеленой тишине, Андрей поведал старому приятелю о приключениях последних лет.

— После ростовского прощания, как только ты покинул нас, события сменялись каждый день с молниеносной быстротой. Всё приближалось к своему концу. Большевики напористо рвались вперед. Ростов вот-вот очутится в руках врагов.

Что делать, как спасти жену? Мой брат переоделся в штатское. Ему «состряпали какой то липовый документ». По фигуре и по бороде никто не заподозрил бы в нем офицера, а солдата и подавно. Порешили так, что брат с моей женой останутся в Ростове. По занятии его советской армией, они вдвоем сумеют как нибудь пробраться в Муром. Они переселились на окраину Ростова в маленький особнячек, в котором наняли две комнаты.

Трофимовский отряд покинул город, в тот же день захваченный врагами. Не прошло и двух недель, как брат стал замечать в Марии перемену. Замкнутая, грустная и молчаливая, она стала всё чаще отлучаться из дому.

Брат понял, что Мария что то затаила в своем сердце. Стал следить за ней и скоро увидал её гулявшей под руку с каким то «комиссаром», как ему казалось. Брат стыдил её и уговаривал скорее ехать в Муром, но Мария отвечала раздраженно:

— Не поеду в Муром! Не желаю жить в «дыре» и быть вашей рабой. Я думаю устроить свою жизнь иначе.

Брат, чувствуя передо мной ответственность, пытался переубедить её, но ничто не помогало. Наконец, однажды вечером, она принарядилась и, сказавши на прощанье, что

выходит замуж, хлопнув дверью, с узелком в руках ушла из дому.

Из Ростова мы не отступали, а бежали. Скоро очутились на советской территории. Скрываться группой было не возможно. Мы простились и тихонько, незаметно разошлись. Я всё обдумывал, как проскочить на север. Инженер и тут помог. Нам было по пути, и мы решились на рискованное путешествие.

Когда я возвратился в Муром и пришел домой, я не застал своей жены. Мне стало грустно. Я жалел её, но брат старался успокоить, говоря мне: «Не жалеяй её, не мучь себя, это судьба.»

Через полгода скучного сидения в одиночестве, я встретился с Татьяной, полюбил её и через пару месяцев женился. Постепенно успокоившись, я, как казалось мне, забыл всё прошлое, но мне напомнили о нем. Я дважды пережил большую неприятность.

Как то раз я выхожу на стук и открываю дверь. Передо мной стояла моя первая жена с ребенком на руках. Вернее, это было привидение. Я ведь не сразу и узнал её. Она была очень худая, неряшливо одета и имела жалкий вид. Она рыдала и просила. . . Я не мог впустить её в свой дом. Я попросил своего брата объясниться с ней. Вскочивши в комнату, застал свою жену в истерике.

— Не спрашивай меня, мой друг! Я не могу, я не имею силы чтонибудь еще добавить к этому. . .

— А как же. . ?

— Как? Ты спрашиваешь как? Она ушла и. . . всё! — минуту помолчав, он в заключение сказал остолебеневшему приятелю: — Теперь я счастлив. У меня хорошая жена и сын.

С недоумением и страхом гость смотрел на братьев — то на одного, то на другого. Он не мог собраться с мыслями и чтонибудь ответить им. Все трое поднялись.

Не проронив ни слова, Озеров простился и в сопровождении Василия пошел из сада через двор на улицу.

— Что можно было сделать? — говорил, как бы оправ-

дываясь перед гостем, старший брат. Каким то холодом повеяло от этих слов. Выйдя на улицу, друзья присели на скамейку. После некоторой паузы куча вопросов о судьбе несчастной матери с младенцем, как из рога изобилия, посыпалась на голову Василия. Хотел Василий или не хотел, ему пришлось раскрыть перед приятелем всю страшную картину неоправданных страданий женщины с младенцем на руках. Жалки были попытки оправдать поступок мужа и отца, закрывшего собственноручно дверь перед малюткой сыном. Эти жалкие попытки оправдать его звучали обвинением в бездушии и человеческой жестокости.

— А какова судьба несчастной матери?

— Не знаю... Я... Она ушла, как в воду канула.

— Как выкинутая на голод и холод кошка? — нервно вырвалось у гостя. Оба встали.

— Я... не понимаю! Я иду... Прощай и не сердись! Гость повернулся и пошел, вернее побежал, чтобы скорее скрыться от друзей.

Свернувши за угол, задумчивый и грустный, Озеров шел в сторону вокзала медленно. Спокойствие его опять нарушено так неожиданно, так грубо. Почему судьба неодинакова ко всем и почему счастье одних сопряжено с несчастьем других?

Счастье Андрея не могло не омрачиться грустным и мучительным сознанием, что его личное желание устроить свою жизнь, свое благополучие должно покоиться на бедствии другого — близкого, родного. Ведь Мария-то его законная жена. Родившийся младенец его сын. Он это знал со слов своего брата. Он, Андрей, стоя с Марией под венцом, давал перед святым Евангелием обещание, соединившись с нею, быть ей верным мужем. Почему же сильный человек — мужчина прав во всех своих деяниях. Не оба ли они должны нести ответственность? Не оба ли они заслуживают наказания?

Закон нарушен. Потеряв жену, пусть по её вине, Андрей почувствовал себя свободным. Он поторопился приглушить

и успокоить голос совести. Ему хотелось поскорей устроить свой очаг и свое счастье. Но какой ценой? Он стал навеки двоеженцем. Стал отцом двух сыновей, от той и от другой жены. Та, первая, отвергнута, но ведь младенец то ни в чем не виноват. Так почему же должен он расплачиваться за грехи своих родителей? Как видно, он «незаконнорожденный», а потому ему и места нет среди людей. Он прав на жизнь не получил, и в силу этого его не приняли в отцовский дом.

Мать, стоя на коленях, умоляла мужа и отца: «Я об одном тебя молю, призри свое дитя. Я не нарушу твоего покоя. Я уйду с твоей дороги!» Словно истукан стоял отец перед малюткой сыном. Мать ушла, качаясь, словно пьяная от горя. Ужас был написан на худом измученном лице её. Это не сон, а страшная действительность!

Мария, разорвав «семейные оковы», попыталась в скором времени соединить свою судьбу с другим, хотя и знала, что несет в себе зародыш новой жизни. Все попытки как нибудь освободиться от него, не привели к желанным результатам. Женщина осталась одинокой и беспомощной. Она впервые осознала ужас своего падения и страшную ответственность перед рождающимся новым человеком. Он сильнее и настойчивее стал напоминать ей о своем присутствии. Рождалось новое и радостное чувство материнства. Будущая мать уже любила плод, который жил в ней и который рвался к свету, к жизни.

Мать! Какое счастье и какая привилегия для женщины. Со стуком милого птенца явилась и любовь к нему. И даже страх за его будущую жизнь и за его судьбу. Душа её была в смятении. Сколь велика таинственная сила материнства!

Что же делать — кончить жизнь самоубийством? Нет! Она уже не в силах это сделать. Пробудилась совесть. Сердце стало больше и вместительнее. Много места стало в нем для сына и отца. Но почему она всё думала о сыне? Он мечтал о нем. Она лишила его этой радости. Она одна виновни-

ца всему. Но это ведь неправда. Только ли она одна в том виновата?

Разве муж её был чище, лучше? Как он вел себя? Его высокомерное и оскорбительное отношение к невинности и чести девушек? Его неискренность и легкомыслие. Он сам ей подавал пример неверности. Всё знала, всё переживала бедная Мария за свое короткое замужество. Она ему простила, всё простила и прощала прежде. В этом прелесть женской натуры. В этом жертвенность и благородство женской души. Марии только восемнадцать лет. Она сама еще дитя. Она повинна в своей слабости. Она сама не знала своей мамочки, не знала материнской ласки и любви и с юных лет была предоставлена самой себе. Она не понимала ни ответственности и ни чувства долга.

Обвинить и осудить легко, простить и оправдать чрезвычайно трудно. Девушка, едва успевшая стать женщиной, и слыша внутренних неумолимый голос совести, страдая искренно и глубоко, раскаялась. Стыдясь себя самой, стыдясь людей, Мария задышалась от рыданий, но с надеждой и со страхом думала:

— Ужели не поймет, ужели не простит отец? Ведь сердце то его не деревянное?!

Она скиталась в одиночестве по деревням и селам. Пробиралась к проходившим поездом на станциях, влезала, крадучись, в вагоны. Ехала до первого контроля, пряталась под нарами. Терпела злые шутки и насмешки. Всё терпела ради сына своего, которого ждала на свет, который и родился.

Добрый и сердечный русский люд. Крестьяне сел и деревень её не гнали прочь. Наоборот, давали ей приют. Кормили и сочувствовали бедной русской матери в её несчастии. Больше года прожила Мария у «чужих», но близких ей людей со своим сыном. Помогала им в работе: на дворе, на поле и на огороде, и за это получала кров и пищу.

Больше жизни полюбила своего малютку бедная, истерзанная мать.

«Приду к нему, паду к его ногам и вымолю прощения, не для себя, для сына своего, для Вовочки младенца-ангела!» — так думала она. Увидя истрадавшуюся блудную жену, увидя сына, так похожего на своего отца, не оттолкнет отец невинное дитя. . .

Она пришла непрощенная и нежданная. Ушла презренная и никому ненужная. Одна с младенцем на руках. Одна на целом свете, потому что бедная Мария была лишняя.

ЖЕНЩИНА-СУДЬБА

Станция Харьков!

Шум и суэта вокзальной жизни разбудили мирно спавших путешественников. Все вскочили на ноги.

Вагончик отцепили от состава и поставили в тупик, неподалеку от вокзала.

В тот же день Казанцев получил приказ остаться в Харькове в распоряжении начальника Ю.О.П.С. В вагоне пробыли еще неделю.

Сложная проблема встала перед Озеровым. Как устроить свою жизнь в большом и незнакомом городе? С чего начать, как получить работу? Свою специальность он хотел оставить навсегда. Он не любил её. Искание чего то нового и лучшего, прощупыванье своих сил всецело захватило его мысли. О своем педагогическом призвании он всё еще не знал, но инстинктивно чувствовал к нему влечение.

Моральная подавленность и вынужденная зависимость от временного покровителя — «опекуна» — его серьезно угнетали. Он был связан по рукам и по ногам. Из за болезни ног он чувствовал свою беспомощность.

Живя в вагоне, ничего не делая и сидя на ступеньках, Озеров мог наблюдать за нервной станционной жизнью. Безотрадные картины нищеты, бесправия и голода мелькали перед ним с утра до вечера. Он наблюдал, как приходили

поезда и как оборванные люди штурмовали их, стараясь всеми силами залезть в вагоны, до отказа позабитые людьми. Если нельзя было попасть внутрь, залезали на вагоны и гирляндами висели на ступеньках, тормозах и буферах. Нужда гнала их за продуктами. Мешечники, как назывались эти люди, лезли всюду, всеми способами, лишь бы зацепиться. Крики, брань, увечья, воровство, потеря денег и вещей сопровождали уходившие составы.

Взяточничество блюстителей порядка было неприкрытое. Они выбрасывали из вагонов «лишних» — неимущих, главным образом, конечно, женщин, более беспомощных и слабых. Хриплый плач испуганных ребят, цеплявшихся за юбки матерей, худых, оборванных и грязных, приводили наблюдателя в отчаяние.

В скверном настроении, под впечатлением того, что приходилось видеть, Озеров, понуря голову сидел однажды на ступеньках своего вагончика.

— «Друг, гражданин! — приятный, кроткий, женский голос вывел его из задумчивости. Бедная, худая женщина стояла перед ним. Дырявый, старый и заношенный платок чуть прикрывал её худые плечи. Пара грустных и глубоких глаз в упор глядели на него. Этот пронизывающий, почти гипнотизирующий взгляд совсем не гармонировал с её уставшим и измученным лицом. Она пыталась улыбнуться, но улыбка получилась неестественная, виноватая и жалкая. Женщина стояла молча, опустивши голову, повидимому, думая о чем то.

Озеров сочувственно, с оттенком грусти продолжал смотреть на эту женщину. Та подошла поближе, пристально уставившись ему в глаза каким то теплым, материнским взглядом. Наконец, она сказала тихо и задумчиво:

— «Мне жаль вас!... Мне вас очень, очень жаль! — при этом глубоко вздохнула. — Дайте вашу руку! — Озеров повиновался. — Нет, не левую, а правую, вот так!» — Она по-

переменно вглядывалась то в глаза, то терпеливо изучала линии руки.

— «Вам тяжело сейчас, ведь правда же? Печаль написана в ваших глазах. . . Вам больно, вы страдаете, что вас другие заставляют делать то, что вам не нравится, идти туда, куда вы не хотите. Не горюйте! . . . Ваша жизнь изменится, ваша судьба не за горами. Скоро вы найдете свое счастье и покой. . . Вы скоро женитесь, да, да! Не сомневайтесь, верьте мне, я правду говорю! Вы вспомните еще не раз о бедной незнакомке, посулившей вам добра. Вы непременно женились. Все ваши горести пройдут, и вы найдете свою новую дорогу. На руке она довольно ясно обозначена, а в ваших ясных и бесхитростных глазах я вижу вашу будущность. . . У вас хорошее лицо. . . «Дай Бог вам счастья!»

Незнакомка молча повернулась, собираясь уходить, но Озеров её остановил:

«Постойте! — попытался встать, чтобы войти в вагон.

— «Благодарю вас, мне. . . не надо! — женщина, не поднимая головы, засеменила в сторону и скрылась за вагонами.

— Ушла! Какая странная. . . Она не может говорить неправду. — Озеров задумался. — Это была моя судьба, сказал он вслух. — Я не могу не верить ей!

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ»

В неприятной и тяжелой обстановке проходила жизнь скитальца Озерова, но не слаще была жизнь и его сестры. Брат принимал все меры, прилагал усилия, чтобы найти отдушину и для себя и для неё. Он осторожно, исподволь пытался говорить с Казанцевым на эту тему и указывал на обывательскую тину, медленно засасывавшую его жену. — Она так часто плачет! — говорил он.

Почему Казанцев, получивший дар администратора-хозяйственника, может применить его на деле, а почему его

жена, так щедро одаренная судьбой, не может сделать то же. Часто два, так ярко выраженных индивидуума, два разных человека, сталкивались в споре и отталкивались друг от друга. Кошка пробегала между ними.

Ольга, несмотря на все препоны, всё рвалась к искусству. Наконец, она запела под искусственным руководством видного профессора. Отсутствие рояля плохо отражалось на уроках. Брат и тут решил помочь сестре. Он с величайшим трудом уговорил Казанцева продать совсем ненужную ему, красивую и дорогую меховую шубу, подаренную ему при выезде из Омска. Получив согласие на это предприятие и шубу, Озеров через посредников, счастливо обменял её на пианино.

Как то раз, в один из летних дней, в квартире Александра Павловича вдруг запела «Джилльда». Как божественно-красиво полилась колоратура Ольги из раскрытого окна! Как плакала она от радости, от счастья!

Оказав сестре такую замечательную помощь и испортив отношения с Казанцевым (хотя и не надолго), Озеров решил, что это только мелочи житейские, что на них не стоит останавливаться.

В тот же вечер он, расстроенный, но радостный, спускался вниз на улицу. Он сам спешил в один из уголков искусства. С трепетом, волнуясь, он спешил по корридорам железнодорожного Управления, туда, где раздавались музыка и пение, и «Спи, моя красавица!» уже неслась ему на встречу. Сердце Озерова билось, словно мышь, попавшаяся в западню. Оно готово было выпрыгнуть в незабываемый момент, когда он взялся за дверную ручку и тихонько постучал.

— Войдите! — Он вошел. Профессор Б. поднялся и, приветствуя вошедшего, спросил: — С кем я имею счастье говорить?

— «С одним из будущих своих учеников, конечно, если буду принят в их число. — А почему же нет? Я теноров люблю!

— «По моему, он — баритон! — неловко прогудела сильная октава.

— «Ошибиться можно... по неопытности, — подчеркнул профессор. — Вам простительно! — и, обращаясь к гостю: Можно вас просить пропеть коротенькое упражнение?.. Достаточно, спасибо!

— «Ну, что скажете теперь? — Профессор, улыбнувшись снисходительно, взглянул на «смелого» ученика. — Простите, господин профессор, я уже наказан!

— «У кого вы брали первые уроки? — Озеров повеселел. — У Трубникова Николая Леонидовича. — Где? — В Казани! — И давно? — Пять лет тому назад. — Он умер? — Да, в семнадцатом году. — Большой артист! — Вы знали его прежде, господин профессор? — Более того, я с ним дружил. Могу ли позабыть я своего счастливого соперника по сцене, крупного, напористого и... опасного! Ведь сколько раз моя коронная и выгодная партия, как из под носа ускользала от меня.

— «Наверно — Валентина? — Озеров сконфузился и покраснел.

— «Вы угадали — именно она. Он исполнял её как то особенно. В нем было много темперамента. Я брал своей игрой... Эх, что там вспоминать!... «Что было, то уплыло!» Обождите здесь, послушайте, как мы поем. Еще минут пятнадцать-двадцать. Вы согласны? — Да!

По окончании урока тенору Жуковскому не захотелось уходить. Болезненное чувство ревности и любопытства свойственно певцам. Ведь говорят, что две собаки на одном дворе не уживаются. Однако же три тенора довольно дружелюбно приняли четвертого и жили душа в душу. Кончился урок. Профессор медленно закрыл рояль.

— «Вы где нибудь работаете?» — В О.П.С. — гласил ответ. — «Прекрасно, вас легко оформить. Завтра приходите петь на репетицию. Уже последняя, а в воскресенье — генеральная. Мы ставим Фауста. Я буду вам обязан, если вы поддержите наш хор.»

Озеров работал в О.П.С. По окончании занятий он спешил скорее вниз, где находилась студия, укромно расположенная в нижнем этаже большого дома Управления Ж. Д. Когда урока не было, он всё же заходил туда затем, чтобы послушать пение друзей и поговорить с ними. Здесь он жил по настоящему. Домой являлся поздно, только спать.

Вот эта студия и оказалась тем трамплином, пользуясь которым, он и совершил свой замечательный прыжок к устройству своей жизни — личной и общественной. Он скоро стал душою студии. Его хотели видеть, говорить с ним обо всем, что интересовало молодых певцов.

Нужны афиши. Озеров просиживал ночами и писал. Он был среди друзей. Девичьи лица, повстречавшись с ним, приветливо смотрели на него и мило улыбались, разговаривая с ним. Засиживались в студии, потом просили проводить их. Но однако, все эти знакомства и прогулки, все эти невинные свидания его не радовали.

Сердце Озерова всё куда то торопилось, волновалось. Девушки, конечно, ошибались, если думали, что он бездушный, бессердечный. Просто его сердце было на распутьи. Ни одна стрела амура не достигла цели, не поранила его.

Так протекала жизнь его до новых крупных перемен и неизведанных сердечных потрясений.

Между тем и в доме Александра Павловича кое что переменялось к лучшему. Сестра шагала крупными шагами и напористо к заветной цели в деле постановки голоса. Профессор был в восторге от её успехов, говоря, что школа Ольге не нужна. Сама природа даровала ей огромное богатство. — Ближе к делу! — говорил профессор. — Поскорей учите оперы.

Всего лишь раз за весь сезон он дал возможность Ольге выступить на юбилейном вечере. Она произвела фурор. Казанцев злился. У него трещали уши от бесчисленных похвал его жене. Казанцев также не был удовлетворен устройством Озерова в О.П.С. Ему хотелось, чтобы Озеров стал крупным транспортным специалистом.

Как то раз, когда он был в хорошем настроении, он стал настаивать, чтоб Озеров сейчас же написал прошение Начальнику дорог. Тот медлил, отговариваясь всеми способами, говоря, что не знаком с железнодорожным профилем и прочее. Казанцев был неумолим. Прошение исчезло в кожаном портфеле Нач. П. С.

Казанцев сам шел в гору. Подчиненные его боялись, а начальники повыше с ним считались.

Озеров был недоволен. Озерова не прельщала будущность с сидением за письменным столом. А в довершении всего ему хотелось быть как можно незаметнее, но и обидеть «благодетеля» он тоже не хотел, и в силу этого решил терпеть все эти «муки» до поры, до времени. Он окончательно решил бежать при первой же возможности. С таким минорным настроением устраивался Озеров в технический отдел.

Шесть долгих лет он мыкался по свету. Наконец настал седьмой по счету — двадцать третий год, — морозный, снежный, неприветливый. И вот, среди снегов в лесу, вдали от города, он повстречался с той, которая связала туго-натуго его судьбу с своей судьбой.

Вызвали в Технический отдел. — Возьмите ваше заявление и поднимитесь в кабинет Начальника, — сказал учтиво секретарь, вручая документ «просителю». — Что делать? Озеров задумался. — Бежать? .. или .. — он поглядел на заявление и растерялся. Всё оно было исписано и вдоль и поперек рекомендациями и усеяно печатями. — Так вот она — всесильная протекция то! — Озеров вконец расстроился, он даже плюнул от досады. Отступление отрезано. Уйти и отказаться — значит оскорбить Казанцева, который хлопотал о нем, ручаясь за его порядочность.

— Попался! Так тебе и надо! — Озеров, ругаясь про себя, тихонько постучался в дверь высокого Начальника.

— Войдите! — долетело изнутри после минутной паузы. Прием официальный и сухой. Начальник не ответил на приветствие. «Проситель» кашлянул, потом еще раз.

— Чем могу служить? — не подымая головы, спросил начальник нехотя. — Вот заявление! — Проситель, стало быть? — Так точно!

Рассмотрев прошение с рекомендациями, главный инженер сказал:

— Присядьте. Чья рекомендация? — Казанцева.

Начальник, подписав бумажку, передал её столоначальнику.

— Подойдите к моему столу! Одну минуту... — Секретарь имел довольно странный вид. Продолговатое лицо с нависшим узким лбом, было увенчано клюющим, крючковым носом и с едва державшимся на самом кончике его пенсне. Под сим сооружением торчали черные усы а ля «Вильгельм». Пониже, словно ласточкино гнездышко, прилепленные губки, искривленные и... как бы выразиться, с некоторым «специальным» выражением. По обе стороны лица торчали в стороны большие, плохо слаженные уши. За одним из них заложен красный карандаш. Глаза большие, глубоко сидящие, довольно хитрые, ехидные и беспокойные, вернее, бегающие туда-сюда. Большая голова, украшена блестящей секретарской лысиной и поперек её (слева-направо) в перегонку убегали два десятка волосинок. Это маленькое и угодливое существо напоминало писаря-дельца из Гоголевского наследства.

Секретарь, согнувшись в три погибели, взял от Начальника бумагу, проутюжив её острым взглядом сверху донизу. Лицо его всё сморщилось и дало крен на «левый борт», а канцелярская слащавая улыбка осветила всё сооружение.

Озеров, забыв за чем пришел сюда, с недоумением глядел на тип, уже ушедший в глубь веков. Как мог он сохраниться в данной обстановке?

Секретарь достал печать и с благоговением пристукнул ею возле подписи Начальника. Затем приподнялся со стула и вручил бумагу посетителю, поздравив с назначением на должность. Зазевавшееся на носу пенсне свалилось с кончика, но тут же было вновь посажено на место. Глазки

перестали суетиться и поверх пенснэ внимательно рассматривали «столь счастливого просителя».

Тот, получив бумагу, поспешил уйти. Закрывши за собою дверь, он на прощанье выругался: — Фу, какая крыса этот секретарь! — Внутри кипело. Как он зол теперь на «благодетеля», но сделанного лбом не вышибешь.

На следующий день после занятий Озеров остановился на площадке лестницы, задумавшись, куда идти. — Зайдите в студию! — раздался голос позади. — Профессор, здравствуйте! — Идите вниз и обождите там, а я сейчас вернусь. Мне нужно с вами говорить по вашему же делу.

Озеров спустился в студию. Профессор не заставил долго ждать себя. — Во-первых, — начал он, входя, — я вас намерен перебросить в «Инмузкульт» *). . . — Я слушаю вас, господин профессор! — . . . Ну, так вот! Для всякого культурного певца необходимо одолеть, помимо пения, роль и специальные предметы, — вы со мной согласны?

— Я вам очень благодарен!

— Значит, это решено, об этом мы потом поговорим, подумаем, как это дело повернуть скорее. В данную минуту я хочу помочь вам и в материальном отношении. Как вам известно, мы троим — вы знаете, о ком я говорю, — в субботу уезжаем в детский городок, где занимаемся с детьми. Уроки пения и хор, уроки музыки, гимнастику еженедельно получают дети. Не хватает лишь учителя «изобразительных искусств», Я вас рекомендовал заведующей городка на эту должность. Ради пайка вам стоит согласиться. Скоро в городок приедет «на совсем» Ларисса Павловна, помощница начальницы, пресимпатичнейшая девушка. Она нас балует, стараясь угостить получше, повкуснее. Я так хотел бы вашей встречи с ней. Согласны ездить с нами по субботам?

— Ну, конечно!

— В среду Вера Павловна **) приедет в город и пойдет к

*) «Инмузкульт» — Институт музыкальной культуры.

**) Вера Павловна Верховская — заведующая Детским Домом.

нам в студию. Я вас представляю ей. Смотрите же, не передумайте!

На первой постановке «Фауста» присутствовала в зале милостивая девица лет семнадцати. Она сидела в партере, примерно, во втором ряду. Высокая и стройная, в коричневом костюмчике и с пышной шевелюрой. Главное, она была счастливой обладательницей пары чудных карих глаз.

На сцене за большим столом сидела группа молодых солдат, одетых в полосатые и пестрые костюмы. Они пели песни. Запивали их вином. Смеялись, спорили, кричали.

«Не отраву льем мы в кровь,

«Пьем за славу и любовь!»

— неслось со сцены.

Девушке понравился один брюнет. — Какой он стройный и красивый! — думала она. Он так эффектно поднимал бокал, отставив ногу в сторону. — Какая поза! — Девушка, не отрывая глаз, смотрела на него. Какое то предчувствие впервые волновало грудь.

Спектакль окончен. Девушка ушла задумчивая, унеся с собой одно воспоминание, один ничтожный эпизод: бокал с вином в его руке и всё.

Через полгода Озеров впервые выступил, как молодой певец в большом концерте. Зал был переполнен публикой. Восторженная обладательница карих глаз сидела снова во втором ряду. Она блестящими глазенками смотрела из за плеч довольно плотного субъекта с бородой на сцену. У-у, какой противный! Всё загородил собой! — подумала она, подавшись в сторону.

— «Уста мои молчат!» исполнит Озеров. Аккомпанирует мадам Высоцкая. — Конферансье ушел. На сцене появился Озеров. Два-три ничто не значащих хлопка в виде приветствия достигли до его ушей. Он медленно прошел вперед, но бросив взгляд налево, резко повернул к роялю, видимо, заметив неполадки. Пододвинул стул, стоявший в стороне. Высоцкая признательно кивнула головой. Красивый жест

заметили. Певец стал перед рампой, кашлянул слегка, мол, я готов! Все эти мелкие подробности не ускользнули от внимания девицы во втором ряду.

Спокойный, ласковый удар по клавишам. Короткое вступление. Уже звучит задумчивый речитатив певца, и вдруг встревоженно и убедительно: «Мне верить хочется, что этих глаз сиянье не омрачит гроза житейских бурь!...»

Глаз не спускала девушка с певца. Понравился, знать, ей голубоглазый тенор. В первый раз она его увидела, впервые слышала, но навсегда запомнила его спокойный грустный взгляд.

«Уста мои молчат в тоске немой!...»

Так, шаг за шагом, день за днем, невидимо сближались два счастливых ручейка, пока, преодолев невзгоды и препятствия, не встретились навеки, не слились в один ручей.

ЛАРИССА

Лариссе не исполнилось еще пятнадцати полных лет, когда она осталась круглой сиротой, внезапно потеряв своих родителей в голодном девятнадцатом году.

Рождение двух близнецов в семье Лариссы оказалось роковым. Младенцы захворали корью. Их отправили в больницу вместе с матерью, не захотевшей оставлять малюток без присмотра. Целый ряд ночей без сна ослабили её настолько, что не выдержав томительной бессонницы, она однажды ночью задремала, сидя в кресле возле их кровати. Незаметно для себя сползла на каменные плиты пола и заснула крепким сном. Проснувшись от невыносимой боли в легких. К вечеру сама слегла в постель. Кровь хлынула из горла. За два дня её не стало.

Преданная мать, однако, не спасла своих детей. Они погибли и сама она пошла за ними вслед. Так грубо началась трагедия семьи.

Отец Лариссы, потеряв жену, не мог снести утраты друга.

От тоски и горя он стал чахнуть. Силы быстро уходили от него. Он слег в постель. Промучившись два месяца, и сам пошел вслед за женой. На утро, в день своей кончины, позвал к себе детей, и трое плачущих, испуганных птенцов упали на колени перед ложем отходившего отца. Чуть приподнявшись, он благословил детей и снова лег, чтобы больше не вставать.

С тяжелым сердцем, глядя на своих сироток, он сказал: «Мои бедняжки, кто вас приголубит, кто пригреет? Боже, Боже, не оставь моих малюток!» и заплакал. Успокоившись, он обратился к старшей дочери: «Ларисса, дай мне закурить!»

Ларисса, закуривши папиросу, подала её отцу и, подозревая сестренку, попросила сбегать в лавочку за папиросами.

— «Уже не надо! — прошептал отец. Он силился что то еще сказать, но силы окончательно его покинули, а папираса выпала из рук. Уста сомкнулись, голова беспомощно упала на подушку. Только хриплый и тяжелый вздох мучительно застрял в ушах детей. Должно быть поняли их юные головки страшную, мучительную правду. Детский вопль беспомощности и отчаяния был ответом на предсмертные страдания отца. Глаза его закрылись навсегда. Чуть дрогнувшие веки засвидетельствовали момент ухода в вечность христианской души.

Дядюшка троих сирот, узнав о смерти брата, только криво усмехнувшись, заперся на ключ в своей рабочей комнате. Он даже не пошел отдать последний долг усопшему. Не захотел сказать последнее прости родному брату, до конца оставшись непреклонным, гордым. Даже слова утешения своим племянникам он не нашел в своем окаменевшем сердце. К ним пришел один из сыновей его, который и провел с детьми две ночи. Заказавши гроб, отвез покойника на кладбище. За гробом медленно плелась лишь только тройка плачущих детей.

По отпевании усопшего в кладбищенской часовне, закопали в землю их последнего защитника, любимого отца.

Уставшие, измученные дети еле доплелись домой и, боязливо озираясь, поднялись по лестнице. Открыли дверь в прихожую и нерешительно вошли в свое нетопленное опустевшее гнездо. Дрожа от холода, все трое забрались на твердую отцовскую кровать и там, свернувшись в один плачущий комок, заснули крепким сном.

Ранним утром, в январскую стужу, вышли трое детей на заснеженный двор. Ларисса усадила в саночки своего маленького брата, предварительно закутав его в шаль. Взяла за ручку младшую сестру, и тройка кинутых на произвол судьбы сироток вышли со двора на улицу. Дрожа от холода и заливаясь горькими слезами, старшая сестра везла своих братишку и сестру в распределитель (временный сиротский дом). Простившись с ними, Лара медленно брела по улице.

Что делать и куда идти, со страхом думала она. Дрожь пробирала, холод проникал под ветхое пальтишко. Слезы одинокой, бедной девочки текли из глаз сами собой и замерзали на щеках. Глаза её опухли.

— «Господи, куда я денусь то? — она в отчаянии кусала губы, озираясь во все стороны и останавливаясь в нерешительности. — Папа, папочка, зачем ушел от нас, покинул! Господи, мне холодно, я есть хочу! — она измученная села на скамейку. — Боже, пожалей меня, спаси сиротку!»

— «Лара!» — «Кто это меня зовет? Наверно мне послышалось», — она приподнялась и заглянула через щелочку во двор.

— «Ларисса, Лара, где ты?» — вдруг услышала она вдали, в конце двора.

— Как будто бы знакомый голос. Сердце Лары колотилось от волнения и внутренней тревоги. Вдруг калитка закрипела, и со снегом, неожиданно посыпавшемся с дерева, как будто ниоткуда, выросла фигура рослого мужчины. Лара вздрогнула, но сразу же узнала своего двоюродного брата. Он схватил Лариссу за плечи и проворчал сквозь зубы: «Ты зачем удрала от меня? Я целый день тебя ищу!» — он с сердцем дернул за рукав испуганную девочку и по-

тащил по «незнакомой», ей казалось, улице. Минут через пятнадцать Лара очутилась в теплой кухне дядиной квартиры. На неё обрушился хор недовольных голосов и брань, но Лара ничего не слышала. Она стояла у горячей печки, как во сне, стуча зубами. «Только бы не выгнали меня из теплой кухни на мороз!» — со страхом думала она.

— «Ну, раздевайся, нечего скулить! Живи пока у нас, а там посмотрим. . . — Дядя, не скрывая неприязни к бедной девочке, добавил: — Даром жрать не дам, и без таких. . . не весело теперь!»

— «Довольно, папа, не волнуйся попусту!» — старался успокоить раздраженного отца один из сыновей.

Всей этой грубой воркотни не чувствовала бедная сиротка. Эти реплики по её адресу она воспринимала иначе. Её не выгонят на холод, как собаку. Бог услышал слёзы и внулшил родному дяде взять её к себе.

О жизни девочки у дяди тяжело не только говорить, а даже вспоминать. Два года, прожитые там, были годами слез и непосильного труда. Бездушный дядя не любил родного брата, отца Лары. Он годами с ним не разговаривал, а при случайной встрече отворачивался от него. Когда брат умер, он был вынужден (боясь общественного мнения) забрать Лару к себе. Вся ненависть к родному брату перешла на неповинное его дитя. Сам дядя был вдовец. Он жил с тремя своими сыновьями (не женатыми). В их холостяцкую квартиру и попала сирота.

Все в доме презирали девочку, особенно двоюродные братья, и высмеивали каждый её шаг, бранили, не давали кушать. Девочка всё делала «не так, как нужно». Слабенькая, хилая, она самостоятельно вела домашнее хозяйство: мыла пол, стирала и варила, чувствуя себя забытой, одинокой.

В дни веселой, светлой юности, когда жизнь кажется такой прекрасной и когда мечты о счастье поглощают мысли, чувства и желания, Ларисса только плакала, прося у Бога

смерти. Разве это не предел жестокости, не оскудение совести ближайших родственников? Кто же пожалеет? Кто осушит слезы девочки? Кто приголубит бедное дитя? Единственный укромный уголок, куда скрывалась Лара от нескромных глаз, был в гуще небольшого сада. Здесь пряталась затравленная девочка и никому не приходило в голову проведать, сколько девичьих горячих слез пролито было в этом тихом и укромном уголке. Их только видела уединенная скамейка, скрытая в кустах. Она была немым свидетелем того, как бедная, отверженная сирота, склонивши голову, стояла на коленях и молилась, заливая полусгнившую скамью своими горькими слезами. Лара призывала свою мамочку, такую ласковую, добрую, родную:

— «Мама, мамочка, зачем покинула меня, оставила одну?! — взывала девочка. — Мамусенька, возьми меня к себе, мне очень плохо без тебя! Молю тебя, родная, забери меня от них! Мне лучше быть с тобой в могиле, чем на свете жить и только плакать. . . Люди все такие нехорошие, и дядя тоже. Господи, позволь мне умереть! . . »

Так в одиночестве, в слезах и горе начиналась жизнь Лариссы.

Только по прошествии двух месяцев Ларисса получила извещение, что брата и сестру её взяла в свой детский дом (приют) В. П. Верховская. Дом находился в пригороде, на опушке небольшого леса, в одной из пустовавших дач.

Единственный недельный отдых Лара получала по воскресным дням, которые и проводила в детском доме, навещая брата и сестру. Однажды Вера Павловна столкнулась с гостей в коридоре и, конечно сразу же заметила её заплаканное бледное лицо. Она остановила девушку и, взяв её за руку, привела к себе, интересуясь о причине слез. Подробно расспросила обо всем, что ей хотелось знать, и предложила вместе пообедать, а прощаясь, обещала ей работу в детском доме. Ларе минуло уже семнадцать лет. Начальница сдержала слово и устроила Лариссу в качестве хозяйки-«воспитательницы».

Радость девушки была неопишима. Она работает, её все уважают, обращаясь к ней на «вы» и даже называют полным именем — Ларисса Павловна. Заведующая приютом полюбила Лару за её усердие и честность. Дети также скоро привязались к ней.

Свиданье Озерова с Верой Павловной произошло в один из вечеров, когда она явилась в студию на деловое randevu с профессором. У Озерова в этот вечер был урок. Профессор сразу же его представил Вере Павловне.

— «Я слышала вас в воскресенье вечером!» — она сказала это, словно невзначай, не глядя никуда, как показалось Озерову.

— «Ну, и что же?» — весело ввернул профессор.

Вера Павловна, не поворачивая головы к профессору, сказала Озерову: — «Вы недурно спели Блейхмана «Уста мои молчат». — Немного помолчав, добавила: — Довольно убедительно и с чувством. Я люблю лирические голоса». — она произнесла последние слова с оттенком легкого кокетства, свойственного женщине «за тридцать», но с достоинством, и сразу же заговорила о другом.

Договорившись окончательно о дне концерта в зале городка с профессором и попрощавшись с ним, она направилась к двери, но вдруг остановилась там и, показав свой профиль с римским носом, сухо, деловито, обращаясь к Озерову, вымолвила: — В среду я наверно буду дома целый день. Вы можете зайти ко мне.

— Так точно! — был ответ. Она ушла, слегка кивнув. Профессор искренне был рад за Озерова, но зато такая новость не понравилась учителю гимнастики, второму драматическому тенору. Он задержался в студии, дождался Озерова и просил согласия немного проводить его. Дорогой Валентин Петрович всячески старался убедить приятеля не ехать в детский городок. Он говорил: во-первых, детский дом находится в лесу и далеко отсюда; во-вторых, вы будете работать с беспризорными детьми и можете нажить большие неприятности.

Так сладко, но неубедительно пел опереточный певец. Он был соперник Озерова по искусству пения, он оказался также и соперником его в делах сердечных.

Озеров, по простоте душевной, даже не догадывался ни о чем, но всё же удивился, слушая настойчивые уговоры своего приятеля. Позднее он узнал от самого профессора, что Валентин Петрович был влюблен в Лариссу.

Озеров не внял ни наставлениям, ни уговорам «друга». В среду утром он отправился пешком в детский приют, где оставалась еще часть детей. Его постигла неудача. Столько верст он отмахал пешком совсем напрасно, не заставши дома Веры Павловны. Зато другая, более серьезная удача посетила Озерова в этот чудный и счастливый день.

Погода выдалась прекрасная. Слегка морозило, но было тихо и приятно. Озеров, идя на «дачу», нарядился в свое слишком старое и слишком длинное пальто, висевшее на нем, словно на вешалке и явно бывшее ему не по плечу. В таком непрезентабельном и жалком виде появляться перед парой чудных карих глаз, по меньшей мере, было для него неосторожно. Так как пути жизни двух невидимо, но ощутимо начали сходиться, то и встречи были своевременны и вероятны, но ему и в голову не стукнуло хоть чуть-чуть подтянуться, да и сердце его почему то до сих пор молчало.

Озеров насвистывая шел кратчайшим путем через овраг. Поднявшись на крутой подъем, он вдруг остановился в замешательстве. Шагах в пятнадцати, на маленьком крыльце, облокотившись на перила, освещенная лучами солнца, прямо перед ним стояла девушка. Не то с недоумением, а может быть с каким то любопытством или с чувством жалости, она в упор смотрела на пришельца.

— «Здравствуйте! — сказал ей гость, снял головной убор и вежливо ей поклонился.

— «Здравствуйте! — холодно, равнодушно ответила девушка.

— «Могу я видеть Веру Павловну?

— «Она уехала из города, — последовал ответ.

— «Как жаль. . . как жаль! — сказал уставший гость.

— «Да, очень жаль, — сочувственно ответила она.

— «Когда она вернется, вы не знаете?

— «Наверно через пару дней.

— Да. . , мне не повезло! — подумал Озеров.

— «Зайдите в дом и отдохните, вы устали. . . — перебила девушка участливо. — О нет, благодарю! . . Я лучше уж пойду. . . — вдруг почему то застеснялся гость. Он видел пристальный, пытливый взгляд и думал: — Почему она так смотрит на меня, как будто что то вспомнила. Ларисса не спускала с Озерова удивленных глаз. Тот, в свою очередь, взглянул в упор на смелую хозяйку карих глаз. Она потупилась, но на одно мгновение и вновь, с возросшим любопытством, продолжала на него смотреть.

Что это? Неужели он? Не может быть! Что между ними общего? Тот, стройный тенор, так понравившийся ей на сцене малого театра, и вот этот бедный господин. . . Он так непривлекателен теперь. Глаза, как будто, те же, но тогда они были живые и горели вдохновением, а эти. . . грустные, потухшие. И почему он так одет? Он беден? — спрашивала самое себя наивная Ларисса. — Как обидно! Лучше бы уж он не приходил. . . — она надула губки.

— «А вы кто такой? Зачем нужна вам Вера Павловна? — вдруг выпалила девушка, краснея. Это так забавно и так мило получилось у нее, что гость невольно рассмеялся, глядя ей в глаза и думая: какая славная она!

Немного помолчав и подавив свою игривую веселость, он ответил: — Вера Павловна меня просила к ней зайти. Зачем? — Как видно, нужен ей еще один учитель. . . — Пеня? — Нет, рисования.

— «А-а-а. . . — протянула девушка разочарованно. Вы, стало быть, художник? — Да. — А я то думала. . .» она умолкла, не закончив фразы. — «Нет, не он. . .» малькнуло в голове. — «Нет, он, он, непременно он! Но почему он бедный? А еще артист!» — девица окончательно расстроилась, а гостю не хотелось уходить. Он пожалел теперь, что сам не принял приглашения войти в такой уютный дом.

Ларисса ёжилась от холода, переминаясь с ноги на ногу, всё думая о том же. Как ни жалок показался ей пришелец, как ни беден гость, но всё же это он. Она была уже уверена. По голосу и по глазам, хотя и грустным, распознало его девичье сердечко.

Что так волновало девушку? Какие мысли, чувства будоражили её воображение? Естественно, что первое, живое впечатление, оставшееся от концерта, было глубже, и сильнее. Жалость и сочувствие, которые он вызвал в ней, перемешались с женским любопытством. Чувство горечи, обиды за него и подсознательное чувство заинтересованности и симпатии были видны во взгляде её добрых карих глаз.

Магическое слово — до свиданья, вырвавшееся из уст его помимо воли, прозвучало как то грустно, неуверенно и неохотно.

— «Вы уже уходите?» — разочарованно спросила девушка.

— «Да, я иду... пора мне... я спешу!» — он снял фуражку, смял её в руке, потом опять надел и стал спускаться вниз.

«Ох, эти карие глаза!» — с тоской подумал Озеров, всё время чувствуя их на себе. Он был уверен, что они следят за ним. И так хотелось оглянуться, но... — Прощайте милые глаза!

Тем же путем — через овраг, каким он шел сюда, теперь он грустный уходил от этих милых глаз. Тоска сдавила грудь. Как будто чувствовало сердце странника, кого он оставляет здесь.

«Кари глазки, где вы скрылись? Мне вас больше не видеть!» Что с ним случилось? Лара завладела его мыслями. Не выдержал и оглянулся. Девушка стояла всё на том же месте, не меняя позы и всё так же пристально смотрела ему вслед.

«Мне верить хочется, что этих глаз сиянья

«Не омрачит гроза житейских бурь...»

— Я помню этот взгляд. Он на меня смотрел. Он улыбался мне. Глаза блестели, искрились. Как мило вышло у не-

го: — «Мне верить хочется. . .» А дальше что? Не помню. . . Как обидно мне! Его все вызывали. Он стоял, чуть наклонивши голову, вот. . . точно так же, как сейчас.

Да, это несомненно он. Но почему же он такой, какой то бедный и худой. . . Мне жаль его!

Не только жаль тебе его, восторженная девушка, а искорка чудесная, хотя и маленькая искорка запала в твое юное сердечко.

«ВЕНЕРА»

Вера Павловна Верховская — дама почтенная, была, как говорили, «женщина с огнем». Ей было тридцать пять неполных лет, но в обществе, как педагогов-воспитателей, так и среди всех служащих, её возраст никогда не смел переходить за тридцать лет.

Себя она считала интересной, зажигательной. Действительно, пронизывающий, острый взгляд её красивых темных глаз был в некоторой степени опасен для мужчин. Не объяснимо, что так молодило эту женщину. Казалось, майской свежестью покрыто её вечно юное лицо, а щеки были цвета утренней зари. В глазах экстаз любви, а чувственные губы вам сулили райское блаженство.

Тонкий запах ландыша сопровождал её везде и всюду, оставляя чуть заметный след в эфире от присутствия «Венеры». Все мужчины в возрасте, примерно, от семнадцати до сорока пяти, могли рассчитывать на благосклонное внимание «богини». Ею же могли увлечься более солидные и «взрослые». Она была стройна и грациозна. Одевалась просто, некрикливо, но со вкусом. В женщинах, особенно молоденьких, усматривала недоброжелательность соперниц, осторожно подбирая женский персонал.

Бывали случаи, когда учительницу присылал Наробраз. Венера, скрепя сердце, «соглашалась» с назначением. Она терпела новую учительницу до поры до времени, не больше.

Вера Павловна была натура развращенная и страстная.

Старалась окружать себя мужчинами, которые должны были повиноваться ей во всем и воспевать её достоинства. Большое самолюбие и эгоизм не позволяли ей терпеть малейших возражений. Её томный, но змеиный взгляд убийственно влиял на окружающих и требовал повиновения и исполнительности.

Исключение представляли четверо служителей искусства, к коему Венера чувствовала уважение и даже слабость; они были независимы, особенно профессор пения и Озеров. Последний даже позволял себе быть полным и единственным хозяином в своей художественной студии. Начальница довольно редко появлялась там. Не вмешивалась в его творческую жизнь и методы преподавания, а потому и студия была уютным, тихим островком среди бушующего моря. Этот маленький мирок искусства пользовался автономией и полной неприкосновенностью «границ».

Жизнь Веры Павловны была насыщена кипучей деятельностью. «Во всякую дыру сует поганый нос!» — ворчали служащие.

Городок жил полнокровной жизнью. Всё кипело, как в котле. Начальница была везде и всюду — и на поле, и на пастбище; заглядывала в прачечную, в кухню, проверяла спальни, навещала школу, делала проверку мастерских. Её боялись все, а дети, проходя по делу мимо её флигеля, с опаской обходили стороной; при встрече — приосанивались и застегивались на все пуговицы; покорно, молча, опустивши головы, выслушивали выговоры.

С Верой Павловной случился грех. Стрела Амура угодила «грозной повелительнице» в сердце и, пронзив, жестоко ранила его. Начальница влюбилась безнадежно, со всем пылом страстной, жертвенной натуры.

Еще раньше, до прихода Озерова в детский дом, она случайно встретилась с одним, еще довольно молодым, красивым человеком. Это был талантливый, способный пианист, как говорили, человек с великим будущим. Он, не успев за-

кончить музыкальное образование, попал в военное училище, потом на фронт.

Случилась революция. В то время Федор Федорович, пробираясь в Петроград, остановился в Харькове, где и застрял. Устроить свою жизнь в условиях разрухи не сумел. Нуждался, бедствовал, пока не повстречался с Верой Павловной. Она его пригрела, обласкала и одела с ног до головы «с иголки», приблизив «ко двору». Герой короткого, но бурного романа, Федор Федорович — кавалер от мозга до костей, жил припеваючи под крылышком влюбленной в него по уши Венеры.

Он был барином. Ему, конечно, не пристало принимать участие в кипучей жизни детского приюта. Но такое унижительное положение любовника и иждивенца скоро стало тяготить его. Он заскучал, а заскучавши, стал посматривать на север и подумывать, как бы скорее улизнуть. К тому же служащие стали косо на него смотреть.

При встрече с воспитательницами он видел их насмешливо-презрительные взгляды.

Ревность Веры Павловны была слепая, дикая, а главное — опасная для многих женщин. Как тигрица берегла она предмет своей любви. Особенно страдала и бесилась, уезжая в город по делам и оставляя своего кумира одного на целый день.

Ужасно!.. Как хотела бы она его запрятать в будуаре. Запереть на ключ от «жадных» глаз этих «противных» женщин! Ведь они только о том и думали, казалось ей, как бы отнять у Веры Павловны её сокровище. Она старалась всеми силами устроить жизнь «племяннику» приятной и нескучной. Вывозила в Оперный театр и на концерты. Дома, чтобы уберечь его от «этих» женщин, Вера Павловна купила жеребенка Сивку. Сивка был красавец, белый, как снежинка. Энергичная начальница сама его и объезжала, а позднее стала запрягать его в пролетку и катала милого по сказочным лугам среди цветов, под неумолчным пеньем жаворонка и усердным стрекотаньем кузнечиков.

Но скоро вольному Орлу наскучили и жаворонки и кузне-

чики. Наскучил Сивка и прогулки по лесам. Наскучили и ласки женщины любимой, бывшей, кстати, в «интересном» положении.

Его тянуло вдаль. ., на север, в край чудесный, на гранитные родные берега Невы. Вот-вот вспорхнет орел, глаза уже горят огнем. Дыхание распирает грудь. Вот он вспорхнул и несколькими взмахами могучих крыльев, взмыл под облака и полетел на север. . . к ней, чудесной родине своей.

А что же женщина, её горячая любовь? Что с ней и как она перенесла измену милого орла?

Что было с Верой Павловной, о том «орел» не знал. В какое горе и отчаянье была повергнута она изменой милого дружка, которому навеки отданы покой и сердце и душа.

Об этом знала больше всех признательная, верная Ларисса. Девушка любила Веру Павловну по зову совести. Она обязана начальнице своим спасением. Частенько по ночам до слуха Лары доносились плач и стоны из соседней комнаты. Она — измученная, сонная бежала к ней, просяживая целыми ночами у постели «безнадежного отчаяния».

Вера Павловна в объятиях преданной Лариссы проливали реки слез. Она еще сильнее привязалась и привыкла, крепче полюбила эту девушку. — Друг познается в горе! — говорила она ей рыдая. Властная, решительная женщина на время превратилась в слабое, безвольное дитя. Подарки, деньги и продукты в изобилии летели в Петроград виновнику неиссякаемых, казалось, слез и материнства.

Хочется добавить пару теплых слов о деятельности начальницы. Она свои способности организатора, свою кипучую энергию использовала для спасения детей. Она творила доброе, большое дело. По началу маленький детдом на Г-ской улице, потом она его расширила и довела количество детей без мала до семидесяти человек, но было тесно. — Это поправимо, — как то заявила Вера Павловна.

Действительно, недели не прошло, а детский дом уже переезжал на пригородную пустую дачу, брошенную «быв-

шими людьми». Детей устроили, открыли школу и нашли учителей, но это оказалось недостаточно. Энергии у этой женщины хватит на большее. Она решила превратить детский приют в большой детгородок. Для этого отвоевала крупное имение купца Вавилова. Имение расположилось на опушке леса, в тридцати верстах от города, в роскошной местности. В огромных каменных сараях разместились мастерские. Были огороды, пастбища и стадо собственных коров.

Открыли школу-семилетку, детский сад. Уже три сотни призреваемых детей воспитывались в детском городке. С большой настойчивостью русская «Венера» вырывала с улицы бездомных, беспризорных сирот и спасала их от гибели. Заботилась о них, учила грамоте и выводила в люди. Вера Павловна была достойна восхищения и жалости.

«Ведь сколько прелести и сколько мерзости таилось у неё в душе!» — с тоской и грустью думал Озеров, любуясь дивными плодами неусыпных и больших её трудов. Он видел в ней портрет своей великой Родины: то пылкой, радостной, неутомимой, — то угрюмой, слабой и безвольной; то взлетающей в своем величии, то разбивающейся в прах.

Как необъезжанная лошадь — дочь степей,
Она сверкает дикой прелестью своей,
Летя по сказочным лесам, полям и нивам.

То веселая, беспечная, то страшная несется на врага.

Страшней всего Она в своем падении. Как больно, как обидно видеть свою Родину, поверженную и несчастную за вольнодумство, гордость и беспечность.

Как прекрасна Вера Павловна в своих творениях и как она жалка в плену своих страстей!

Почет и уважение ей были обеспечены. Любовь и благодарность бывших беспризорников облагораживали Веру Павловну, но жажда приобретений за счет всё тех же призреваемых детей позорила её. Она брала, умело прикрывая свою «деятельность» подкупам, шантажем и взятками, давая их тому, кто был повыше. И в Отделе Просвещения у

ней была «своя рука». Оправдывалась тем, что всем хотелось «кушать».

Предприимчивая женщина была, казалось, в полной безопасности, бороться с нею было трудно. Всё же ропот в коллективе всё усиливался. Озеров заметил это сразу после окончательного переезда в городок. Особенно возрос он после одного скандала. Дикий случай в зале городка, во время танцев, взбудоражил коллектив.

Администрация и воспитатели сидели вдоль стены на мягких стульях, наблюдая, как танцуют дети. Вера Павловна сидела в середине. Вдруг перед глазами изумленных зрителей мелькнула, словно тень, фигура одного из старших мальчиков с отрезом*). Федя выстрелил в упор в намеченную цель. Гром выстрела потряс весь зал и оглушил танцующих. А Федя бросился бежать по корридору к выходу. Раздался новый выстрел. Федя выстрелил себе в лицо. Несчастный мальчик был убит на месте, а виновница ужасной драмы встала невредимой, Федор промахнулся.

Федору исполнилось семнадцать лет. Красивый, рослый юноша был первым в свите фаворитов развращенной женщины и, будучи к ней ближе всех, увлекся до безумия.

Заметив охлаждение к себе и убедившись, что другой, его товарищ, пользуется ласками «Венеры», он пришел в отчаянье. В порыве дикой ревности и злобы, он решил убить «изменницу».

Когда, волнуясь, он вбежал с отрезом в зал и выстрелил, он, видно, был уверен, что убил её. Поняв весь ужас своего поступка, он со страху бросился бежать и, выскочив наружу, застрелился.

Возмущенный коллектив отправил срочное письмо в Наробраз с подробным описанием трагического случая, но заявлению не дали ходу. Говорили, что Петровский — председатель В.У.Ц.И.К. приходился родственником Вере Павловне. Насколько это достоверно, коллектив детгородка не

*) Винтовка с отрезанным стволом.

знал. Одно было известно, что Петровский дважды был в детдоме гостем Веры Павловны.

Все старые учителя и воспитатели были уволены, без объяснения причины увольнения. «Венера» и на этот раз всплыла наверх и вышла из воды сухой, не замочивши даже башмачков.

ЗАМЫСЛЫ ХУДОЖНИКА

— «Куда вы так спешите, Озеров?»

— «А-а, господин профессор, здравствуйте!»

— «Я кое что для Вас имею... угадайте, что? — профессор хлопнул Озерова по плечу.

— «Приятное?»

— «Я думаю, что да!»

— «Так говорите же скорее!»

— «Вера Павловна просила вас приехать вместе с нами в городок в ближайшую субботу. Как вам это нравится?

— «Я очень рад!»

— «Вот и отлично! Ну, пока... Я тороплюсь. Смотрите, не опаздывайте, ровно в шесть!»

Старик, согнувшись в три погибели и находу влезая в воротник и нахлобучивая шапку на глаза, засеменял по снегу.

Ровно в шесть часов все вчетвером уже сидели в дачном поезде. Доехав до «Ветрянки» (маленький поселок), вышли на заснеженную площадь, где их ожидала пара лошадей, впряженных в старомодные большие сани. Под веселый звон бубенчиков промчались по селу. За мельницей свернули влево и рысцой влетели на пригорок. Санний путь лежал через поля, покрытые теперь глубоким снегом. Только кое где торчали из под снега группы низкорослых сосен в белоснежных чалмах. Полосами проходили мимо черные кустарники на склонах небольших холмов, блестящих солнечными бликами своих вершин. С них открывались чуд-

ные виды украинских, покрытых снегом, сел и деревень. Вдали виднелась полоса раскинувшихся на десятки верст лесов. Туда и мчались сани путников, служителей искусства.

Лошади бежали весело, вдыхая полной грудью чистый воздух, раздувая ноздри и потряхивая гривами. Морозец чуть пощипывал лицо, а легкий встречный ветерок румянил щеки путников. Большие сани чуть поскрипывали на снегу. Бубенчики игриво, словно полевые колокольчики, позвякивали в такт бегущим лошадям.

— «Какая благодать!» — вздохнул профессор и закрыл глаза. Через минуту он уже храпел.

Примерно через час завидели вдали мелькающие огоньки. Они проглядывали сквозь деревья и, казалось, двигались туда-сюда. Они манили путников на отдых и покой. Вдруг, словно вкопанные, кони стали у подъезда.

Дети высыпали на крыльцо большой гурьбой. Они кричали, хлопали в ладоши, радостно приветствуя гостей. Они сегодня будут петь «Рече тай стогне Дніпр широкий», «Вниз по Волге реке», «Ревела буря». . . В зале будет музыка, гимнастика и танцы.

Встреча Озерова с Верой Павловной произошла во время танцев. Сухо, в нескольких словах она просила обождать, не торопиться с назначением, она «подумает».

— «Вы погостите в городке. Я посоветуюсь с Зав. клубом, ну. . . а дальше будет видно».

Вера Павловна ушла. Она устала, а на утро следующего дня уехала. С Зав. клубом познакомились. Прием был еще суше, еще непонятнее.

На следующей неделе Озеров не захотел поехать в городок. Профессор был взбешен. — «Я ей устрою бенефис!» — ворчал он в студии. — «Она упряма, словно лошадь! В воскресенье там будет праздник и концерт. Посмотрим, чья возьмет!»

Профессор победил. В уютном зале собралось большое общество учителей и представителей Наробраза. Пела в первом отделении артистка оперы Надежда С. — меццо-сопра-

но. После перерыва дети попросили спеть дуэт «Не ищущай меня без нужды» Глинки. Это было мастерски подстроено профессором. Он выказал здесь Озерову всю свою симпатию. Дуэт, конечно, вызвал бурные овации, а Вера Павловна преподнесла артистке дивные цветы.

Воспитанницы городка, сгруппировавшиеся у двери, о чем то перешептывались. Неожиданно от группы отделилась девочка с букетиком цветов. Она шла через зал взволнованная и торжественная, направляясь к Озерову. Под аплодисменты всех детей, она сконфуженная подала ему цветы. Начальница была поражена.

— «Вот как! — сказала она Озерову, пожимая руку. Так легко вы завоевываете сердца моих девиц? Я поздравляю вас с двойным успехом! — Повернувшись в сторону профессора, она сказала: — Милый Петр Петрович, назначение преподавателем изобразительных искусств своего протеже считайте обеспеченным. Надеюсь, что теперь вы полностью удовлетворены?

— «Чрезвычайно вам признателен за это назначение!» ответил ей профессор, поклонившись и целуя руку.

Валентин, присутствовавший в зале, видевший успехи Озерова, был расстроен и не мог скрыть своего неудовольствия.

«Опять ребята вывезли!» — подумал Озеров. Он поднялся и громко поблагодарил детей. Как странно, до сих пор он ни о чем еще не помышлял и не предчувствовал; ни радости, которая была совсем недалеко, ни скорого решения судьбы.

Всё дело в том, что на концерт пришла Ларисса, только что вернувшаяся, и попала, словно «с корабля на бал». Она всё видела, всё слышала и радовалась за успех того певца, который завладел её вниманием и думами. Она с волнением слушала его знакомый голос, а предательская краска залила её лицо. Она и радовалась и сердилась на себя. Ну, что она нашла особенного в нем и чем он так её заворожил? Ей в то же время было и приятно. Раза три он пристально смотрел, как ей казалось, на неё. Глаза их даже встрети-

лись, а чувство ревности, которую она заметила во взглядах Валентина, еще больше будоражило её воображение.

Всё это видела Анастасия Тихоновна, наблюдавшая за Ларой. Эту женщину Ларисса уважала и любила за её внимание и дружбу к ней. Та искоса бросала взгляд на девушку. Она надеялась и радовалась; что второй певец своим приходом отвлечет её внимание от Валентина.

В свою очередь и Озеров заметил кое что. Он тоже воровски поглядывал на девушку и любовался её профилем. Плутовка чувствовала эти взгляды на своем лице. Краснела «в обязательном порядке», в свою очередь стараясь делать вид, что вовсе и не думает о нем, не замечая на себе его восторженного взгляда.

Сердца двух, помимо воли их хозяев, познакомились. Симпатия блеснула в голубых глазах и отразилась в карих. Это всё пока еще как легкая мечта, как сновидение, было покрыто легкой дымкой. Как эскиз, как мимолетный и талантливый набросок для большого красочного полотна. Идея, зародившаяся в голове художника и зреющая с быстротой и легкостью в его воображении.

Он только лишь нащупывал её волнующее содержание, насунив брови, за большим мольбертом. Мысль его усиленно работала и чувствовалось напряжение во взгляде темных и глубоких глаз, да и во всей его фигуре. Он весь целиком был поглощен исканием, стремясь найти глубокий смысл, нащупать пульс, раскрыть душевные переживания своих восторженных героев.

Как по своему характеру, по складу своего ума и по душевым качествам, они должны соединиться на его эскизе в одно существо, в один порыв, чтобы, вступая в жизнь, идти вперед легко, свободно, дружно и уверенно.

Художник осторожно, вдумчиво и не спеша накладывал мазки.

Пытался сквозь завесу будущего разглядеть судьбу своих героев.

В тот незабываемый и чудный вечер в этом зале, в этом

детском муравейнике, судьба двух воспитателей была, по-видимому, решена.

Сердца детей легко и быстро были завоеваны Лариссой. Они так же быстро и охотно потянулись к Озерову.

НА УШКО

Анастасия Тихоновна, женщина лет тридцати—тридцати двух, приветливая, добрая и скромная. Блондинка, с ласковым и теплым взглядом голубых глубоких глаз. В своем замужестве не видела ни утешения, ни радости. Она была готова целиком отдать себя семье и своему мужу и отцу. Она его любила, окружив заботой и вниманием, угадывая мысли и желания. Это была примерная и верная жена.

Муж был угрюмым, замкнутым и неприветливым. Себялюбивый, черствый человек, он не заметил ни прекрасных качеств — ни душевных, ни сердечных у своей жены и не оказывал ей должного внимания. Вечно одна с своими мыслями и думами, она грустила, плакала и сетовала на свою судьбу.

К великому прискорбию, таков удел многих прекрасных русских женщин. Гордость и поруганное женское самолюбие ей помогли подняться выше своего супруга. Постепенно женщина и мать ушла в себя, замкнулась и перенесла свою любовь на сына. Отдала ему лишь одному, всю душу и всю силу материнских чувств, по большей части, непонятную холодной и эгоистической мужской натуре.

Между тем отец всё больше уходил от сына, от жены и от своих обязанностей мужа и отца. Он, наконец, покинул самое святое и неповторимое — семью и ушел от собственного счастья.

Скоро он об этом пожалел, но было уже поздно.

Вера Павловна, «случайно» встретившись с Анастасией Тихоновной, сразу оценила её по достоинству. Она устроила её на службу в детском доме в качестве библиотекаря и во-

спитательницы. Мать с малюткой сыном прижились в детском приюте под защитой Веры Павловны.

На следующее утро после памятного вечера. После «обмена мнений» между парой голубых и парой карих глаз, заботливая Лара встала рано, чтобы проводить гостей, вносящих много радости в детский мирок. Она кормила их, поила чаем и давала на дорогу бутерброды.

Милое «вчера» прошло. Оно закончилось весельем, музыкой и танцами. Сегодня только утро понедельника, начала трудовой недели.

— «Ну, пора! — сказал профессор. — Сани поданы. Прощаясь с девушкой, он весело добавил: — Видите, Ларисса Павловна, я к вам привез второго тенора. Понравился небось?

— «Да ну вас! Вечно вы со своими шутками и прибаутками! — смеялась девушка.

— «А всётаки! — не унимался тот, заставив покраснеть её. Когда же подошел к ней Озеров, она сказала весело:

— «Вы пели хорошо. Надеюсь, не в последний раз?

— «Благодарю, Ларисса Павловна, я с удовольствием спою для вас еще, еще и вновь еще! . . Когда вы только захотите!

— «О-о! — ласково взглянув ему в глаза, шутливо протянула девушка. Она, накинув шерстяной платок на плечи, в легком платье вышла на крыльцо. Уже все четверо удобно разместились на сиденьях. Кони тронули. Снег закрипел под острыми полозьями саней. Звон вострепелых бубенчиков приятно разлился в слегка морозном воздухе.

В последнее мгновение встретились глазами. Сколько ласки и тепла увидел Озеров в том мимолетном взгляде карих глаз! В каком прекрасном настроении он уезжал на этот раз из детского приюта.

Март месяц подходил к концу. Весна была в разгаре. Педагоги так же приезжали по субботам в детский дом. Ребята были рады их приезду. Заслышав звон бубенчиков, они

гурьбой неслись навстречу им. Занятия по рисованию и лепке проходили в небольшой читальной комнате библиотеки. С Анастасией Тихоновной Озеров сдружился. Каждый раз к приезду дорогих гостей она заботливо приготавлила помещение к уроку. Ларисса изредка заглядывала в рисовальный класс и, как всегда, конечно, на минуточку.

Казалось, с того памятного вечера ничто не изменилось в отношениях молодых людей. Как видно, Валентин по прежнему ей нравился, — так думал Озеров. Всех тонкостей их дружбы он еще не знал. Старался быть в тени.

С Анастасией Тихоновной Лара очень близко подружилась. Они вместе коротали вечера. Частенько запирались в комнате и всё о чем то разговаривали. Тему этих частых разговоров и их милые секреты Озеров узнал только впоследствии. Он даже не подозревал, что его имя не сходило с уст двух заговорщиц. Если первая его расхваливала, то вторая возражала, даже спорила. Сперва словесная дуэль, потом уступки, уговоры, обещания. В дальнейшем соглашение и, наконец, «пакт о взаимной помощи».

— «Вы понимаете, что он мне нравится? — пугала хитрая библиотекарьша.

— «Тем лучше! — отвечала простодушная Ларисса. Выходите замуж!»

— «Что вы, что вы, милая Ларисса Павловна, ведь я ему совсем не подхожу!»

— «Еще и как! — смеялась девушка.

— «О нет! Вы заблуждаетесь. Он даже не посмотрит на меня. Я для него уже стара. Ему нужна молоденькая и хорошенькая. . . вот, как вы!»

— «Он мне не нравится. . . , совсем не нравится! — слукавила Ларисса.

— «Так ли это?

— «Так. . . почти, что так! — она закашлялась и густо покраснела до ушей.

— «Почти»?! Ай, ай, как это не к лицу вам! — упрекнула она Лару. — Знаете ли, моя крошка, маленький секрет? — меняя тон, спросила умная библиотекарьша.

— «Какой?

— «А вот и не скажу!

— «Нет, скажете! — самоуверенно ввернула Лара.

— «Ладно, ладно, так и быть, скажу... Однако, на ушко! — таинственно добавила Анастасия Тихоновна.

— «Кроме нас двоих, мне кажется, здесь никого и нет.

— «Случается и так, что стены слышат, моя милая.

— «Ну, говорите же скорей, чего молчите то?!

— «Он к вам неравнодушен! — наклонившись к уху девушки, шепнула та.

— «Да ничего подобного! — с каким то жаром, вырвалось у Лары. — И откуда это вам известно, а? Позвольте вас спросить?.. Он до сих пор не обращает на меня внимания.., такой противный, будто незнаком со мной! — Подруга хитро улыбнулась.

— «Почему же он такой?

— «Не знаю, и... и не желаю знать! — сердито пробурчала ей в ответ Ларисса.

— «Вы себя хотите обмануть. Меня не проведете, не-е-т! Вы сами то к нему неравнодушны, слышите?

Ларисса подскочила с места, как ужаленная. Чмокнула подругу в лоб и выскочила вон из комнаты, захлопнув за собою дверь. Однако, несмотря на не совсем благоприятный оборот, беседы эти нравились Лариссе. На другой же день, под вечер, она снова заходила в маленький читальный зал. Поцеловав подругу в щечку или в лоб, усаживалась поудобнее в своем излюбленном уютном креслице.

Анастасия, помолчав, закидывала парочку вопросов о погоде и еще о чемнибудь. Не получив ответа, осторожненько подсаживалась ближе, обнимая девушку за плечи:

— «Вы не в духе? Чтонибудь случилось? — та молчала.

— Вас наверно, ктонибудь обидел? — тот же результат. За поцелуем следовал вопрос, поставленный ребром: — Встречались ли вы с Виктором Петровичем?

— «Два раза в коридоре и в столовой! — раздраженно отвечала Лара.

— «Ну, и что?

— «Такой он гадкий и противный!

— «Разговаривали с ним?

— «И не подумала!

— «Что он?

— «А ничего! Столкнувшись утром в коридоре, будто снисходительно кивнул мне головой и...

— «Что?

— «Сказал, сквозь зубы, «с добрым утром» и прошел.

— «А за обедом? — Всё молчал, а пообедавши, сказал «спасибо» и ушел. — «Как жаль мне вас, моя бедняжка! Поверьте мне, он часто думает о вас! — Как бы не так! А вы не обижайтесь на него. — «И не подумаю! — сердито буркнула Ларисса ей в ответ. — Ну, и дела!.. Как жаль, как жаль! Я понимаю всё! Можно простить ему за замкнутость. У вас двоих торчит всё время поперек дороги этот... как его... ваш франт... — Какой мой франт? — «Ваш Валентин прекрасный!» — «Он не мой! — Да вы же еще любите его? — ни капли! — Если бы всё это была правда, вы бы не просиживали с ним часами в вашей комнате. Что вы нашли в нем, что? Так... финтифлюшка — пустозвон.

— «Вы не долбливаете его! — вступилась девушка.

— «Я... я его не уважаю! Я не пе... ре... вариваю вашего...

— «Не мой он... слышите вы?... — с жаром возразила Лара и закрылась шарфиком.

— «Так в чем же дело то? Зачем вы привязались к этому... Зачем вы терпите его и принимаете по вечерам? Уже ли Озеров не видит? Разве не страдает он за ваше легкомыслие? Он думает ведь, что вы любите того.

— «Он вовсе не такой плохой!

— «Вот как? Он не такой плохой! Что ж это значит? грустно проворчала ей в ответ Анастасия Тихоновна. — Я люблю вас и жалею. Он вас может погубить. Вы у него не первая, поверьте мне, наивная и глупенькая девочка! Поймите, не бегите! — задержала она девушку, намеревавшуюся выскочить из комнаты. — Я старше вас. У вас нет ма-

тери и некому вас пожалеть. Неопытная вы еще, мужчин не знаете. . . Он часто признается вам в любви?

— «Всё время говорит о ней.

— «Он вас не любит. Помните тогда в столовой? Я ему сказала: вам пора жениться. Что он ответил мне?

— «Не помню.

— «И совсем напрасно. Если бы вы были чуточку внимательнее, то слышали бы и запомнили. Он мне со смехом отвечал: жениться я не собираюсь, не имею времени. Ведь он «артист», он птица вольная. . . Орлов! . . Ух, жалкое создание! Да вы же сами как то вечером рассказывали мне, как он вам врал: «Моё сценическое имя будет «Жорж Орлов». Когда прочтете где нибудь или услышите — артист Орлов, то знайте — это я! Я буду петь для вас!» Вот видите, как кружат головы неопытным девчонкам пустозвоны, вроде вашего «Ор. . ло. . ва»! Озеров другого склада человек. Он деликатный и порядочный. Запомните — порядочный и честный! Он давно уж раскусил «Орлова Валентина». Его очень огорчает ваша дружба с ним. Он любит вас, поймите, Ларочка! Я уж давно это заметила. Вы только посмотрите на его глаза, в них столько грусти, и каким он взглядом провожает вас, надеясь, что никто не замечает этого. Ведь он достаточно самолюбив. Скажу вам больше, он боится и волнуется за вас, не веря ни на грош в порядочность «Ор. . . ло. . ва»!

— «И откуда вы всё знаете? — чуть слышно прошептала Лара, опустивши голову.

— «Он мне нечаянно проговорился, высказав свои догадки и предположения. Сама я виновата перед ним, что вызвала на откровенность. Он тотчас же спохватился, что открыл мне свои чувства к вам, но было уже поздно.

Девушка, уткнувшись в книгу, подозрительно молчала.

— «Вот пример: не дальше, как вчера, когда вы неожиданно вошли, он вздрогнул. . . Я это заметила. В его руках был маленький журнальчик по искусству лепки. Он не читал его. Когда вы уходили, он вздохнул и с грустью по-

смотрел вам вслед. Заметив, что я видела, он сильно покраснел.

Обнять хотелось мне его тогда, так было жаль бедняжку!

Девочка, родная вы моя! Что с вами? — вдруг забеспокоилась Анастасия Тихоновна. Обняла её, взяла за подбородок, чтобы приподнять немного голову и заглянуть в лицо.

— «Дитя мое! — промолвила она поспешно. — Ваши слезки — всё равно, что Божия роса. Как рада я за вас. Сердечко ваше поворачивается к нему всё больше.

Девушка ушла к себе задумчивая и взволнованная. Эта ночь, казалось ей, была такая бесконечная. Она лежала, не смыкая глаз, почти до самого утра. Всё думала, гадала и... конечно, плакала.

Сердечко Лары, словно раковинка, открывалось в эти памятные дни для Озерова.

СЕРДЦА ТРЕХ

«Невольню к этим грустным берегам

«Меня влечет неведомая сила!

— вырвался у Озерова вздох, когда он увидел, мелькнувший сквозь деревья и кусты, заветный дом. На этот раз только вдвоем с профессором он подъезжал на дрожках к детскому приюту.

Наблюдательный профессор еще ранее заметил перемену в настроении и поведении ученика, который стал задумчив и неразговорчив. — Озеров грустит, — решил профессор. — От любви страдают иначе. Он это знал по собственному опыту, припоминая свою молодость.

Тревога за судьбу Лариссы — вот причина этой грусти. Трудно примириться с мыслью, что не он, а кто то завладеет сердцем девушки. Ужели это не любовь, а просто сон, мираж, самообман! — терзался Озеров. — Не может быть! Я потерял покой, всё, только думая о ней. Какая то тревога, непонятная доселе, защемила грудь и завладела сердцем.

— «Дорогой Виктор Петрович, вздохами и сетованиями горю не поможете, — сказал профессор. — Валентин наглец, каких немало. Вы своим приездом основательно подрыли почву под его ногами. Он готов стереть вас в порошок, да видите ли, он немножко трусоват. Теперь Ларисса Павловна ему, пожалуй, не поддастся. Сердце девочки сейчас, как бы сказать, на перепутьи, раздвоилось. В этом ваша сила и заслуга перед ней, но всётаки зевать нельзя. Необходимо защищать свою любовь. Не уступайте своему врагу! У вас все данные для этого. Бог не обидел вас — ни ростом, ни фигурой, ни лицом и ни душевными богатствами.

— «Спасибо, господин профессор, — это не существенно! — отрезал тот. Профессор будто бы не слышал этой реплики и продолжал.

— «Вы своим пением побили своего противника. Он, кажется, готов бежать и «бросить шпагу». — Озеров поморщился и отвернулся.

— «Не давайте же ему опомниться! Я думаю, что вам давно бы следовало переехать в городок поближе к Ларочке. Она бы пригляделась к вам, увидела бы разницу между двумя «поклонниками». Это ваше главное оружие.

— «Вы кончили? Я, кажется, серьезно рассержусь на вас!

— «Нет, не совсем еще! — спокойно возразил профессор, улыбаясь. — Выслушайте до конца! Противник ваш отлично понимает всё и, как огня боится вас. Учтите следующее, что все женщины любят героев, слышите? На вашем пении она споткнулась. Покажите ей свои мужские качества, и девочка очутится в ваших объятиях!

— «Почти как в опере... немного пошлово, но!..

— «Что, но?

— «Не лишено дешёвенького остроумия.

— «Какой вы ядовитый, Озеров!

— «Нимало! Не сердитесь, господин профессор. Я ваш ученик и научился отвечать на ваши шутки шутками. Ведь вы уже состарившийся «Валентин», а шпага вам и до сих пор еще мерещится!

— «Пускай себе мерещится, что вам до этого? Вы лучше о себе подумайте и не гонитесь за судьбою Ленского. Вздохами да глупой щепетильностью больного самолюбия горю нельзя помочь.

— «Вы отомстили мне за дерзость, господин профессор?

— «Нет!.. Я повторяю, не идите по стопам идеалиста Ленского! — возразил старик. — Вам это не к лицу да и не в ваших интересах. Потерять невесту ни за что, «за здорово живешь», и собственную голову покорно положить на плаху... Фу! На что это похоже? Ей же, хоть бы хны!*)

— «Мне кажется...

— «Постойте, дайте досказать. На чем, бишь, я остановился?... Да! Быть может, Ольга и всплакнула для порядка. Слезы девичьи то ведь недорого и стоят. Может быть, и слез то не было. Мы с вами ведь не видели. Вы пойте своей Ларочке побольше про любовь, хотя бы тот романс: «Мне хочется любить в тебе венец создания, земной красоты чистейший образец!..» Вот здорово! Да, впрочем, мне ли вас учить? Вам можно драться и таким оружием и «душу возмущать».

Вот видите, как я вас полюбил, что сам, того гляди, возьмусь за шпагу. Правда, шпага у меня «немного» притупилась да и сильно поржавела. Помните же! Бейте своего врага! Идите против наглости с открытым сердцем, с радостной душой, а с Ленским вам не по пути, да и «куда вы удалились...», не к моменту.

«Я вновь пред тобою стою очарован и в ясные очи гляжу!» — вот это будет лучше и понятнее. Итак, проявите отвагу, не бойтесь врага. Идите всё только вперед и вперед!.. — с комической миной закончил артист весельчак.

Озеров, конечно, отдавал себе отчет в правдивости слов старого профессора, имея основание бояться за судьбу Лариссы Павловны. Он даже не подозревал еще, что у него есть скрытый враг, а потому и более опасный для него. Профессор, видимо, щадил ученика, но как то раз после заня-

*) хны — хоть бы что.

тий, он вдруг, неожиданно сказал: — Мне кажется, что Валентин для вас не так опасен, как Владимир. Вы его не знаете, как видно!

Озеров насторожился и, немного помолчав, спросил: — Что вы хотите мне сказать?

— «А вот что! Не заметили ли вы, что Лара иногда внезапно уезжает в город дня на два?

— «Заметил. Ну и что?

— «Задумались ли вы над этим хоть разок?

— «Нет, не задумался.

— «С какой же целью она ездит в город?

— «Я не знаю.

— «На свиданье! Слышите ли, на сви. . . данье!

— «Как же. . . на. . . свиданье?

— «Очень просто.

Озеров поднялся с места. Передвинул стул немного в сторону и снова сел. Поправил галстук, кашлянул. Провел рукой по волосам, потом полез в карман за носовым платком. Забывши высморкаться, положил его обратно. Снова встал со стула и прошелся раза два по комнате. Профессор молча наблюдал за всем, потом с улыбкой пригласил его присесть поближе. После маленького замешательства и некоторого молчания, потупившийся и притихший Озеров сказал:

— «Замах, хуже удара, господин профессор! Продолжайте, я вас слушаю.

— «И вам не страшно? — пошутил старик.

— «Ничуть не страшно. . . — неуверенно ответил Озеров.

— «Возможно, я ошибся?

— «Кажется! — последовал ответ.

— «Не может быть! лукаво возразил профессор, пристально взглянув на собеседника. — Чтoб я ошибся? Я ведь старый воробей, меня не проведете. . . не-е-т! Вы хорошо умеете скрываться в своей раковине. Это делает вам честь. Мужчинам не пристало смахивать на плачущую женщину. Ларисса Павловна, я думаю, за это не погладила бы по головке, а прошла бы мимо вас, не удостоив взглядом. . . Я ведь очень наблюдателен. Вы так красиво в первый раз за-

бросили крючек, вернее, чуть ударили по самой тоненькой струне. Слегка поранили сердечко, и оно болит...

— «Опять вы за своё!.. Как это пошло, скучно и старо. Как не к лицу вам это, господин профессор! — Озеров нетерпеливо дернулся, пытаясь встать, но твердая рука артиста опустилась на его плечо.

— «Не петушиться, милый мой! Спокойствие и выдержка для вас полезнее: «Сим победиши»! Кстати мы коснулись интересной темы: сила воли..., присутствие духа..., неустрашимость в опасности и всякое такое... этакое. Вы, конечно, хорошо знакомы с замечательной картиной Репина «Царевна Софья». Что вы скажете? Шедевр!

— «Мне ли не знать её, — ответил Озеров.

— «Простите за нескромность! Вы по ней, наверно, изучали анатомию (пластическую анатомию)?

— «Вы угадали, изучал. — Профессор усмехнулся.

— «Что написано на мраморном лице царевны Софьи? Ведь она через тюремную решетку в искаженных лицах верных ей, повешенных перед её окном, стрельцов, впервые осознала ужас своего падения и крах всех замыслов. —

Казалось, всё забыто! Озеров воспрянул духом. Лоб его наморщился от напряжения мысли. Взгляд внезапно заблестевших глаз устоялся в пространство.

— «Что это, экзамен?

— «Нет, потом скажу. Что отразилось на лице поверженной во прах, сильнейшей женщины в нашей истории?

— «Страдание!

— «Еще?

— «Озлобленность!

— «Еще?

— «Решимость, которой мог бы позавидовать коварный юный победитель Петр.

— «Брависсимо! Ну!

— «Непреклонность воли, царственная гордость и несломленная сила духа, несмотря на гибель всех её сподвижников и собственное заточение.

— «Конец?

— «Нет! В складках губ видна ирония и безграничное презрение к тому, кто, несмотря на молодость, всёж победил её.

— «Вот видите! Что может сделать кисть в руках великого художника. Попробуйте занять хотя одну крупницу силы воли у великой русской женщины и... вы неуязвимы! — закончил профессор.

— «Как это красиво! — Озеров мечтательно вздохнул всей грудью. На него нашло какое то болезненно-восторженное вдохновение.

— «Маэстро и волшебник мой! — Профессор засмеялся.

— «Можете ли вы представить, хоть на несколько минут, что вы и я — герои пылкого романа?

— «Не совсем!

— «Так слушайте! Большое огненное сердце, безразлично чьё. Горячая шальная кровь бурлит в каналах. Гордо поднятая голова и вдохновенное лицо. Пронизывающий и беспощадный взгляд. Отточенный, невыносимый блеск очей, зовущий всех на смертный бой!.. Вы слышите ли? — Озеров запел конец романа Речкунова:

«... И готов я всю Гренаду за любовь твою отдать!

Выходи-ж на серенаду, я не в силах больше ждать!»

Профессор сразу подхватил мелодию, ударив по мужски по клавишам. Закончив полным голосом под бравый аккомпанемент, певец, как будто, задохнулся от избытка чувств. Профессор затаил дыхание и ждал.

— «Я продолжаю свой рассказ: В недрогнувшей руке блеснула шпага мстителя. В очах его безумных — жар любви и дикой ревности. Крылатый конь храпит и в нетерпении бьет копытами. Во всем видно движение, во всем виден порыв.

Вонзилась шпага в грудь противника. Кровь медленно стекает по клинку. Враг побежден. Безмолвным трупом он лежит у ваших ног! (чеканил Озеров слова).

Читаешь и захлебываешься, а оторваться не хватает сил. Лист за листом мелькают в нервных и дрожащих пальцах. Губы что то шепчут. Губы пересохли. Грудь вздымается,

дыхание затруднено. Нечем дышать! Откройте поскорей окно! Приток ночного воздуха вам освежит пылающую голову.

Профессор широко раскрыл глаза от удивления.

— «Хотите буду продолжать до самого утра?

— «Довольно, хватит на сей раз. — Профессор разразился смехом громким, заразительным. За ним последовал его достойный ученик. — Всё это хорошо, — после минутного молчания сказал профессор иронически. — Скажите пару слов и о себе. Вы шутите, а ведь внутри у вас вулкан, и смех ваш, только смех сквозь слезы. Милый мой, я вижу вас насквозь! — Меняя тон с серьезного опять на шуточный, он продолжал:

— «Давайте лучше помозгуем, как вам быть и как любезную забыть! Не хочется, небось? Тогда последний выход... драться, только драться! Что же вы молчите? Снова загрузили? Не горюйте!

Последнее слово за вами и только за вами, я в этом уверен. Эх! — сказал он улыбаясь: беспощадная борьба написана вам на роду.

Когда автор писал эти строки, в коих приводил шутливый разговор профессора с его учеником, когда тот рисовал ему картины бесшабашной храбрости и дикой ревности; где чудились таинственные замки, в кои увозили рыцари похищенных красавиц; где отвага, кровь и стоны, перемешанные с серенадами во имя необузданной любви, — он с грустью вспоминал моменты из советской жизни.

Жил тогда в России с кличкой «есесер», в то время модный композитор Д. Он числился «звездой» кино-экранной музыки. Припомнил автор и слова старинной песенки, звучавшей у него в ушах от самой колыбели. Пела эту песенку его мамаша, сидя в кресле вечером и штопая чулки. Позднее он и сам пел её под тихий звук рояля. «Помнишь ли, милая, ветви душистые, ивы над сонным ручьем? «Тихо каптились струи серебристые, — там мы сидели вдвоем!»

Припомнил автор и другую, менее красивую и поэтиче-

скую песенку. К той же мелодии были подставлены слова с каким то «воровским жаргоном».

«Крутится, вертится шар голубой,
крутится, вертится над головой!
«Крутится, вертится, хочет упасть,
кавалер барышню хочет украсть!»

Как это так? Что значит — барышню украсть (похитить)? Это просто неестественно и глупо. Молодой советский человек да еще комсомолец... барышню украсть... и увезти... куда? в свой замок?

Бросьте шутки! Замка у советского парнишки вовсе нет. Он сам забытый, бедный и полуголодный. Ходит он всегда в одних заношенных, заплатанных и перелатанных штанах. Живет он, в лучшем случае, в малюсенькой и тесной комнатухе. Дыму в ней (он курит только вятскую махорку) столько, что и свету Божьего не видно. На полу такая масса мусора и хлама, что сам черт сломает себе ноги, не переступив порога.

На столе замурзанный, потертый чайник, обязательно с отбитым носиком. Давно немывтый замусоленный стакан и блюдец, заменяющее пепельницу. На столе фуражка, сальная измятая, небрежно брошенная «похитителем красавиц», бедным и уставшим «рыцарем».

Загородившее весь «замок» порванное кресло с вылезшей пружинной. В довершение всего, кривое зеркало, безсовестно засиженное мухами. Не в этом ли старинном креслице будет сидеть, не в это ли таинственное зеркальце будет смотреться бедная, похищенная барышня? Он сам, не раздеваясь, бухнулся в кровать и ну попыхивать махоркой. «Как бы мне украсть (похитить) барышню?» мечтал он на пустой железной кровати.

И к чему понадобилось композитору коверкать итальянскую песенку, такую мелодичную, красивую! Теперь о замках: замки на Руси, захваченной врагами, существуют и теперь. И так же на горе, хотя не на высокой, но на Холодной, то бишь, в Харькове. Томятся в этом замке узники, защитники любимой Родины. Томятся за... «контрреволюцию».

Оконца в «замке» все решетчатые. Двери мрачные, непроезжие, а стены каменные и высокие. Чтобы лишить несчастных узников последней радости, смотреть на Божий свет из своих мрачных камер, власть «народная» — советская забила окна толстыми досками.

— «Вы говорите, что замах хуже удара?»

— «Так!»

— «И да и нет! — спокойно возразил профессор. — Я ведь, собственно, и не замахивался. Я хотел предупредить вас о «засаде». Говоря вам о втором сопернике, я только лишь сигнализировал о той опасности, которая вам может угрожать и, в большей степени, Лариссе Павловне. Она еще неопытная и доверчивая. Сможет ли девица устоять против настойчивости и лукавства одного и против острых глаз другого?»

Володя, молодой занятный человек, жил в Харькове, в отцовском доме. Не успев закончить университет, он должен был идти в войска. Родители его довольно потрудились над образованием и воспитанием сына.

Революция и многолетнее шатание без дела снизили его душевные и умственные качества, опошлили и упростили взгляды и понятия о чести и порядочности, изменили взгляд на брак и на уклад семейной жизни. Это всё и заставляет беспокоиться о будущем Лариссы Павловны.

Володя — близкий друг родного брата Анны Кашиной. Брат и сестра ведут обширное знакомство и устраивают вечеринки. Там бывает и Володя, а живут они в том доме, что и я. Этот Володя мастерски поет различные сердцецепательные песни под гитару. — Третий тенор! — хитро подмигнул профессор.

Анна познакомила с ним Лару и сама увозит её в город на свои журфиксы. Мне известно, что Володя основательно увлекся Ларой. Думаю, что и она к нему не так уж безразлична. Очень уж он парень то пригожий. Девушкам такие нравятся.

— Сейчас они встречаются довольно редко из за рассто-

ания. . . Учтите это! — снова подмигнул старик. — И всё таки Ларисса Павловна туда еще стремится.

Озеров встречался с Анной в городке. Она недавно снова приезжала. Погостила у подруги и в субботу увезла её с собой.

— «Вам, дорогой мой, предстоит жестокая борьба. Не думая, что вы покорно сложите оружие. Ведь есть за что и драться то! Ларисса девушка хорошая, серьезная и неиспорченная. Днем с огнем не сыщите такую! — заключил профессор.

Озеров задумался. Он еще плохо знал Лариссу. Чем она живет, чем дышит и какие мысли бродят в голове, о чем стучит ей сердце? Кто ей нравится, за кем она пойдет и кого выберет. Не ошибется ли? Что за намерения у противников его. Куча вопросов громоздилась в голове. Тревога вдруг закралась в сердце Озерова.

Почему он так упорно думал о Лариссе. Разве первую её он встретил на своем пути и разве не дружил он с девушками? Сколько их, прекрасных, скромных русских девушек прошли перед глазами, не поранив его сердца. Почему Ларисса завладела его мыслями и почему он, третий, мимо воли стал двум первым поперек дороги?

Девичье сердечко неустойчиво и вольнодумно — думал он. Как трудно заглянуть в него, еще труднее что нибудь увидеть. Только глазки — зеркало души, таинственные и желанные ключи от счастья, иногда доступны страстному охотнику за милыми ключами. Глазки не обманут, проморгают, выболтают тайну сердца. Как бы только подойти поближе, заглянуть поглубже, чтобы уловить коварный взгляд хоть на секунду, хоть на миг! Не издали, как удавалось это Озерову, а в упор. Пронзить насквозь до самой глубины и вырвать тайну сердца.

Это невозможно для пришельца. Не успел он появиться и освоиться, как стал претендовать на право знать и видеть то, чего не удостоились узнать два первых, более знакомых, «близких и желанных».

Озеров решил, что ни один из первых двух еще не знал,

кого из них предпочитают карие глаза. Быть может, они только наблюдают, изучая каждого в отдельности, а может быть, шалят. Быть может, только вспышки зарниц, а не молний изредка поблескивают в них. До ярких вспышек молний, до раскатов грома, может быть, еще далеко. Еще не пробил час, когда уже нельзя будет ему установить громоотвод, переведя удар в желанном направлении.

Трое путников идут в одну и ту же сторону, к одной и той же цели и по одному пути. Дорога суживается. Идти втроем им будет тесно и один свернет с неё, если захочет. Если нет, его попросят уступить-посторониться.

Скоро и вдвоем им будет тесно, предстоит борьба. Два карих глаза — ласковых, глубоких, выразительных, — они стоят вдали и ждут. В них столько прелести, уюта и тепла. В них виден свет далекого и дружеского маяка. Он манит и зовет. Он обещает путнику покой, любовь и радость жизни.

ЕЖИК

До каких же пор он будет «прозябать» в техническом отделе Ю.Ж.Д.?

Быть может, ему нравится работа и, быть может, он доволен жизнью в чуждой и чужой семье родной сестры.

Наоборот! Не только служба, но и окружающая обстановка угнетала Озерова и была ему не по душе. Причины, заставлявшие его мириться с положением, навязанным ему Казанцевым, уже известны. Главное же, он не видел ясной цели, чего ради можно было бы решиться бросить всё — и службу и родных.

Теперь всё изменилось. Он нашел, чего искал. Ему хотелось быть поближе к детям и к природе, и его тянуло к той, которая бесповоротно завладела его мыслями, которая вошла, как полноправная хозяйка в его душу, завладела сердцем и вернула к жизни.

Вера Павловна уже не раз просила Озерова переехать в

городок. Это ему необходимо для здоровья и душевного спокойствия. Число учеников с каждым приездом Озерова увеличивалось, места в маленькой библиотеке не хватало. Нужно было что то предпринять, и Озеров решился, наконец, порвать все связи с городом, со всем, что было ему ненавистно, что стесняло его жизнь, что связывало по рукам и по ногам.

В последний раз, в один из будних дней недели Озеров приехал в детский дом с утра, один и налегке. Он был свободен от работы и решил воспользоваться случаем. Начальница столкнулась с ним в дверях. Она была в прекрасном настроении.

— «Я почему то ожидала вас сегодня. Кажется вы сами говорили о возможности приезда в среду или в пятницу.

— «Да, говорил.

— «Вот и отлично!.. Рада вам. Я приготовила для вас сюрприз!

— «Какой?

— «Вы не догадываетесь, на что я намекаю? — Озеров догадывался, о каком сюрпризе говорила Вера Павловна, но сделал удивленное лицо.

— «Пойдемте, я вам что то покажу! — Они пошли наверх. Остановившись на площадке, Вера Павловна открыла дверь в соседнее с библиотекой помещение. Большая комната, в которую они вошли, была приведена в порядок, вымыта и вычищена. Посреди комнаты стояли длинные столы и табуретки. Утреннее солнце заливало своим ярким светом комнату. В широкое венецианское окно, с потоком солнечных лучей врывались аромат полей, лесов и радостное пение птиц. Природа оживала. Свежая пахучая трава была усеяна веселым желтым цветом одуванчиков.

Неугомонные певцы, веселые щеглы и чижики наперебой, без передышки сыпали в окно своими замечательными трелями. В ближайшем лесу зацелкал первый соловей.

— «Какая благодать! — воскликнул Озеров, высовываясь из окна и с упоением вдыхая аромат весны. Глаза его

расширились от изумления, узрев неисчислимы дары родной природы. Сердце Озерова подсказало, что он нужен здесь и что его влечет сюда «неведомая сила».

— «Вы должны благодарить Лариссу Павловну. Она и девочки с такой любовью прихорашивали эту комнату для вашей студии! — сказала Вера Павловна. Как будто ангел прикоснулся к сердцу Озерова после этих слов.

Раздался шум на лестнице и в комнату влетели девочки веселой, радостной гурьбой и принесли с собой много полевых цветов. Начальница невольно улыбнулась.

— «Что вы скажете на это? Неужели и теперь у вас достанет мужества отказываться от такого рая и... от них? — она глазами показала на детей и на букеты полевых цветов.

— «Не хватит!

— «Значит, вы согласны? — Легкая заминка... За стеклом, на спуске лестницы ему почудились... , нет не почудились, он увидал глаза. Волшебная, невидимая нить соединила на одно мгновение две пары глаз.

Она исчезла. Только пышная прическа головы метнулась за стеклом и стукнула входная дверь на лестнице вниз.

— «Согласен!

— «О-о-о! — забавно вырвалось у девочек. Они со смехом выскочили на площадку и горохом сыпались по лестнице.

«... Назад ни шагу, всё только вперед и вперед!»

Сегодня Озеров учел все эти наставления профессора и... сделал временный скачок назад.

В апреле Озеров решился совершить свой смелый замечательный прыжок, поставив крест на специальности, полученной с таким трудом и жертвами. Его уже никто не мог остановить от этого «безумия», как был охарактеризован в общем мнении знакомых и друзей, его поступок. Лишь одна сестра была в восторге от решительности брата, но и та ему заметила:

— «Прыжок красивый, смелый, только шею не сломай!

— «Не беспокойся! У меня все распланировано и всё учтено.

Блестящую, по мнению людей, карьеру он променял на тяжелый труд учителя. Его педагогическая лестница — от детского приюта до технических высот. Его труды на пользу молодого поколения почти за четверть века принесли ему большое удовлетворение.

Поставив своего начальника в тупик и огорошив весь технический отдел своим отказом от «почетной» должности, счастливый Озеров ударил, словно обухом по голове, и покровителя Казанцева. Начальник знал, что добровольно перейти на новую работу можно только с повышением и выгодой, а потому и был в полнейшем недоумении. Казанцев же, когда узнал, что протеже его подал прошение об увольнении, он просто был сконфужен, чувствуя неловкость перед главным инженером и своими сослуживцами.

Домашний разговор с ним был короткий: — Ваш поступок огорчил меня! — сказал он только и ушел.

На утро Озеров уехал на вокзал.

Как будто тяжесть спала с плеч. Так радостно вдруг стало на душе как только, прыгнув с дрожек, Озеров вошел в подъезд и поднялся наверх. Войдя к себе, он сразу же почувствовал заботливую руку, наводившую порядок в его студии, создавшую уют. Он распахнул окно. Из сада на него пахло свежестью утра, наполнив легкие весенним ароматным воздухом. Неумолкаемое пение птиц неслось ему навстречу. Сад и лес еще стояли обнаженными, но почки на деревьях быстро набухали. Скоро вылезут из них зелененькие маслянистые листочки.

Только здесь, в детском приюте, Озеров почувствовал себя свободным и счастливым полностью. Он был в объятиях весны. Она была везде и всюду: в детском доме, на дворе, в саду. Она звенела на лугах, на речке и в лесу. Особенно она звучала в детском смехе, в детских голосах и в детском пении. Она кружились на веранде, под окном, плели веночки, украшая ими свои головы и пели песни.

«Мы нарвем цветов, мы сошьем венок

«Другу милому на головешку!»

неслись на встречу Озерову милые знакомые слова. Далеким детством веяло от них и навевало грустные воспоминания родного и неповторимого.

Спустившись вниз, он снова очутился в зале. Никого не встретил, всюду было пусто. Обошел все спальни для детей, и там царила тишина. Ребята были в школе, в мастерских или на пастбище. Он вышел в сад. Приветливые лица воспитательниц. Лучистые, смеющиеся глазки детворы его встречали всюду. Только пару глаз, которые хотелось видеть, он никак не мог найти.

Опять вернувшись в дом, прошел по коридору, заглянул во все углы. Зашел в тупик, где были две двери. Одна из них вела к Лариссе в комнату. Он постучал, не получив ответа. Снова вышел в коридор. Налево комната с открытой дверью. В комнате стоял рояль. Здесь — «музыкалка», говорили дети. Озеров прошел вперед. Направо выход на крыльцо во двор, налево — кухня. Дверь была открыта. В нос ударил запах русских щей.

Услышав голос Лары, Озеров остановился. Сердце билось учащенно. Что со мной? Какие глупости! — подумал он. Поправив галстук, кашлянул и сделал несколько шагов вперед.

Ларисса в длинном платье с фартучком заказывала повару меню на целый день. Увидя Озерова, девушка смутилась. Он вошел и извинился за столь неожиданный визит. Ларисса растерялась. Краска залила её красивое лицо. Она поспешно повернулась в сторону, стараясь привести в порядок свои волосы и поправляя фартучек. Деваться было некуда и поневоле встретились лицом к лицу. Глаза её, как две испуганные мышки вдруг засуетились и забегали туда-сюда и тут же опустились вниз. Лицо у девушки горело, словно зарево, а Озеров не мог скрыть своего смущения. Не отрывая глаз от милого лица и пожимая руку Лары, он благодарил её за созданный уют в его учебной комнате.

— «Не я, а девочки! — залепетала Лара.

— «Я охотно верю вам, но всё же... ваши ручки, несомненно потрудились больше всех. Я благодарен вам за это. — Не желая далее смущать Лариссу Павловну, которую нечаянно застал в «домашнем виде», повернулся к повару, чтобы приветствовать его. Сказавши пару слов, он вновь вернулся к девушке и, поклонившись ей, поспешно вышел.

Озеров хотя и часто виделся с Лариссой, эти встречи были лишь случайными и мимолетными. Только в столовой за обедом и за ужином, когда она сервировала стол для воспитателей, сидели вместе, перебрасываясь фразами, обменивались взглядами. А то, что было в сердце под тремя замками, не показывалось никому.

При встречах в коридоре или в зале Озеров пытался иногда поговорить с ней, но Лара вечно была занята и, извинившись, убегала прочь. Зато с приездом Валентина «оживала», как казалось Озерову, проводя с ним вечера, что снова охлаждало пыл и отдаляло Озерова от нее.

Он уходил в себя. Страдал от ревности и был с ней холоден при встречах. Кажущаяся веселость Валентина еще более усугубляла муки Озерова, приводя его в отчаяние.

Одно, на первый взгляд, ничтожное событие заставило его задуматься и быть внимательнее к девушке. Оно усилило уверенность, что Лара далеко к нему не безразлична.

Озеров припоминал прошедшие события; концерт и проходы на следующий день. Всё говорило о симпатии к нему Лариссы. Чем же объяснить такое «поведение»? Зачем Ларисса принимает Валентина? Он ей мил? И... может быть, любим? А я то что же?..

Так метались его мысли по ночам, а сон бежал. Ревнивая, безосновательная чушь всё чаще лезла в голову и утомляла мозг. А чистота и непосредственность натуры этой скромной девушки еще оспаривалась, не была доступна пониманию.

— «Быть может это всё игра?

Он тут же отгонял все эти мысли, оскорблявшие его. — Не может быть, она на это неспособна. Ласковое и открытое лицо её, застенчивость и скромность. Светлые лучистые гла-

за... нет, нет!... они не могут лгать. Подумать даже страшно и грешно.

Но всётаки он думал, думал и не спал.

— Ведь есть же у Лариссы эти... два поклонника. Кого то из двоих она наверно любит и кого то выберет!... — он обрывал с досадой свои мысли. — Ну, а если даже это правда, что тогда? Какое тебе дело? Почему ты стал её судьей? Кто разрешил тебе заботиться о ней? Или ты думаешь, что без тебя не обойтись? — А всетаки... кого из двух?... — он нервно будоражил свои волосы.

— Тот, — этот самый Вольдемар, со слов профессора, умнее и настойчивее Валентина. Этот же наглее и глупее. Часто ошибается и делает большие промахи. — Кого же она выберет?... Вот навождение! И вбила же тебе Ларисса этот ржавый гвоздь в твою бабку! — сердился Озеров и безнадежно утопал в своих догадках, взвешивая «за» и «против». Словно легче ему станет, если будет знать — кого: Фому или Ерему она выберет.

— Да почему только из двух, а не из трех? Возможность эта не исключена..., конечно, нет! — он успокаивал себя. Да что там говорить об этом!

Разве мало обещали Озерову ласковые взгляды Лары! Разве мало стрелочек амура выпускали карие глазенки при случайной встрече с ним, стыдливо прячась в носовой платочек. Чьи заботливые ручки прибирали студию художника?

Возможно ли припомнить всё?

Вот видишь, как несправедлив ты к девочке. Понаблюдай за ней получше, повнимательнее. Запасись терпением и изучи характер девочки, её привычки и наклонности. Увидишь много интересного и ценного, чего при первом взгляде не заметишь. Как она трудолюбива, как всё спорится у ней и всё горит в руках. Она такая скромная и тихая, ведет самостоятельно хозяйство городка. Без мала триста душ детей ей надо накормить три раза в день. Чуть свет она уже встает и провожает пастухов (ребят) на пастбище. Выбор меню на целый день и выдача продуктов повару. Мало того, она

должна и проследить за варкой пищи. Разве можно сравнить работу Озерова с изнурительным трудом Лариссы? Сам себе хозяин в студии. Никто не компетентен и никто не вмешивается в его работу.

Озеров всё больше узнавал Лариссу и чем больше узнавал, тем безнадежнее её любил. Гвоздь, вбитый в голову, однако, всё еще торчал. — Кого же она выберет из двух? Вот наказание то какое!

— Третьего! — решил он твердо, не без основания.

Еж вмешался в дело, он и виноват. Однажды утром дети рыли землю для оранжереи и поймали ёжика. Судили и рядили целый день: кому из воспитателей его отдать? «Художники» осилили, и вся ватага устремилась вверх по лестнице. Ворвавшись в студию, они подняли тарарам, смеялись и кричали враз, на перебой стараясь объяснить учителю, в чем дело. Следом за ежом приехала его квартира, пища и питье. Согласия учителя они добились без труда, и ежик поселился в студии. Кожевников — четырнадцатилетний мальчик, был объявлен дядькой и «опекуном» ежа до совершеннолетия.

От радости, что дело сделано, ребята кубарем скатились вниз по лестнице. Большой клубок из детских тел загородил всю нижнюю площадку.

— Лара крадется! — заметил Озеров через стекло. Он стал тихонько наблюдать за лестницей, стараясь быть в тени. — Совсем, как кошечка! — мелькнула мысль. Он засмеялся. — Вот хитрюха то!

Вначале показалась голова и снова спряталась. Потом опять. Потом два глаза — два разведчика. Стрельнув туда-сюда, увидели того, кого искали, и тотчас же спрятались, но делать нечего: пришлось хозяйке карих глаз подняться выше.

— Здравствуйте! — промолвила она, входя. — Как чистенько у вас и как опрятно; всегда так тихо, так спокойно и приятно! Когда бы ни пришла я к вам, — добавила она.

— «Когда бы ни пришли вы, всё равно! Приносите с собой и свет, и радость, и тепло! Ведь правда же? Не солнечный ли луч прорвется сквозь стекло, когда проходите по лестнице наверх, вы мимо моего окна. Когда ваш мимолетный взгляд «случайно» встретится с моим, я весь перерождаюсь!»

— Правда ли? Ведь не всегда вы так приветливы со мной? — сказала девушка.

— «Моя ли в том вина? — гласил ответ. — Кому же лучше знать из нас, коль не виновнице проказ?»

— «Не знаю!»

— «Жаль, что вы не знаете.

— «Как хорошо у вас, уйти не хочется! — невольно вырвалось у девушки.

— Да, разве я гоню вас? Боже сохрани! Я вас боюсь спугнуть, чтоб вы не вздумали бежать.

— «Ой, не нагрянула бы Вера Павловна! — вдруг спохватилась Лара.

— «Вам то что! — ответил Озеров, — пускай придет!»

— «Я... ничего... я так! Мне надо уходить! Я снова к вам приду. Хотите вы, чтоб я пришла?»

— «Хочу ли я? Я жажду видеть вас, хоть каждый день, хоть каждый час!»

— «О-о! — она, вздохнув, тотчас же покраснела вся, потом, махнув приветливо рукой, ни слова не ответила и выпорхнула вон. На лестнице еще раз обернулась.

— «Лара! — крикнул Озеров. Та удивленно повернула к нему голову. — Ларисса Павловна! — поправила она его, но Озеров как будто не расслышал этих слов..

— «Так значит вы не знаете?»

— «Возможно, что и знаю, но нев сё! — Ларисса, засмеявшись, бросилась бежать.

И вот она внизу. Вот стукнула входная дверь, и стало тихо всё кругом. Еще секунды Озеров прислушался, потом, вздохнув, сказал в полголоса: — Какой счастливый день среда!!

Визиты Лары в студию заметно участились. Девушка

имела множество причин и всяких поводов всё чаще навещать Анастасию Тихоновну. По дороге нужно было завернуть и в студию, хотя бы только на минутку, «чтобы повидаваться с ёжиком» или хотя бы через стеклышко «с ним» встретиться глазами.

С каждой встречей всё светлее становилось на душе художника, и всё смелее заходила Лара в студию. Особенно с тех пор, как поселился в ней счастливый ёжик. Зарумянится, бывало, и со смехом скажет, что ей надо уходить по делу. Мигом улетит, стрельнув глазами, и оставит за собой столько тепла, что даже солнышко так не согреет.

РЕВНОСТЬ

Незадолго перед первомайским праздником в один из дней перед обедом, Озеров в дверях столкнулся с Ларой. В первый раз она сама его остановила и сказала ласково, смущаясь:

— «Я сегодня вас еще не видела.

— «Я тоже, — отозвался тот — и здорово соскучился.

— «Вот удивительно! . . Не понимаю, отчего бы вам скучать? — спросила Лара. — Вас все любят.

— «Кто же это?

— «Воспитательницы, Анна Федоровна, Нина Николаевна, да и другие.

Вот оно что! Первые симптомы ревности — подумал Озеров. В руках Лариссы он заметил сверточек.

— «А это что у вас в руках?

— «Виктор Петрович. . .

— «Я вас слушаю, Лариса Павловна.

— «Виктор Петрович. . . — еще больше застеснялась Лара. Озеров невольно улыбнулся, гляде ей в лицо. — Пойдемте ёжика кормить! — чуть слышно уронила девушка.

— «Какая она милая — подумал он. Ну, и плутовка же!

— «Пойдемте! — весело ответил он и вместе с ней пошел

наверх. Кормление происходило под столом, сидя на корточках.

— «Как весело у вас! Какой счастливый вы!

— «Вы это правильно заметили, особенно сейчас, когда вы здесь. Ларисса пристально взглянула на него. — Совсем не потому... — произнесла она задумчиво.

— «... что дети любят?

— «... и Анастасия Тихоновна тоже! — еле слышно долетело до ушей.

— «Вы сами так решили?

— «Да. Она вас часто навещает, да и вы у ней бываете. Ко мне же не зашли ни разу.

— «Что поделаешь! Зато другой вас навещает.

— «Кто же?

— «Валентин Петрович! Не успеет прыгнуть с брички, как уже летит на всех парах и к вам стучится в двери.

— «Потому и не заходите? — печально вырвалось у девушки.

— «Вы угадали.

— «У-у... какой вы нехороший! — Лара грустно и с упреком посмотрела на него.

— «Вам лучше знать Ларисса Павловна. Он лучше и милее вам. Вы любите его.

— «Неправда! — огорчилась гостья. — Мы уже давно знакомы — вот и всё.

— «Простите! Я не смею обижать вас! Вы — такая славная!

— «Анастасия Тихоновна лучше и серьезнее меня. Она всегда вас так расхваливает и о вас всё время говорит.

— «Ларисса Павловна! — послышалось на лестнице внизу.

— «Ой, ой! «Она» зовет! — Ларисса пулей выскочила на площадку и нырнула в дверь библиотеки.

— «Где Ларисса Павловна, она не заходила к вам? спросила Вера Павловна, увидев Озерова в студии.

— «Она в библиотеке, — был ответ. В этот момент библиотекарша с Лариссой вышли на площадку лестницы.

— «Анастасия Тихоновна, почему вы у себя задерживаете Лариссу Павловну? Она мне так нужна сейчас!

— «Простите, Вера Павловна, она мне помогала разложить по месяцам газеты и журналы, я одна запуталась!

— Да, ёжик виноват во всем. Он счастье мне принес. Оно влетело в студию, как светлый луч, — подумал Озеров.

Однако, всякий раз с приездом Валентина новые припадочки ревности вновь отдаляли Озерова от Лариссы.

Время шло, не останавливаясь. Приближался Первомайский праздник. Детский городок готовился к «великим торжествам», а студия к художественной выставке. Рисунков было много. Акварельные работы, вышивание и лепка заполняли комнату и часть библиотеки. Намечались премии.

Известно всем, что праздники существовали прежде, существуют и теперь для всех, но только не для женщин (для хозяек). Их неблагодарная и «незаметная» работа часто не доступна пониманию мужского населения по недомыслию самих мужчин.

Вот почему в последние дни перед праздником «падения оков» и прочее, бедняга Озеров почти совсем не виделся с Лариссой. Жил «а темпо», а работал «пиано», но грустил «фортиссимо» в диапазоне двух октав. Ходил, повесив нос «на квинту» с настроением «ля-минор». «Гармонии» и в жизни и в работе никакой, полнейший «диссонанс» во всем.

Ай-ай! Что натворили карие глаза.

«Да здравствует великий праздник всех трудящихся!»

«Да здравствует «свободная» — закрепощенная — жена, сестра и мать! Какое счастье! Ведь она отныне будет прозябать не только в кухне. Она будет отдавать попрежнему все силы для своей семьи. Будет работать на заводе. На великой стройке социалистической страны и на общественной работе. Завоюет «равноправие», чтоб чистить улицы и скверы. Копать землю и таскать на стройке кирпичи. Сооружать каналы, гидростанции и мало ли чего еще сумеет делать наша горемычная, болезненная женщина, полезного для «ро-

дины трудящихся». Когда наступит ночь, она увидит мужа (если он работает не все двадцать часов).

Еще найдется время накормить семью, обшить детей, что называется «отрыжкой старого». Вот только очереди позабыли, что же делать с ними?

Озеров проснулся в этот день счастливый-радостный. Да как не радоваться, как не быть счастливым, если птички за окошком радуются, что живут «в стране трудящихся». А триста душ несчастных сирот разве не смеются и не радуются, что освободились от родительских оков? Наплись же люди добрые, которым Бог судил заботиться о них. Но их ведь только триста, а три тысячи, и тридцать, триста тысяч, — больше, много больше, — где они? Что с ними стало?

Даже эти триста — сыты ли они всегда по настоящему? И не идут ли они ночью, крадучись на ципочках, и не стучат ли кулаченками к Лариссе в двери, чтобы «выцыганить» — получить у ней кусочек хлеба. Лара их прикармливает по возможности и несмотря на неприятности позднее.

Дети любят добрую Лариссу Павловну. Она всегда приветлива и ласкова и, чтобы ни случилось в их среде, они бегут к ней в комнату за помощью, советом и за утешением.

Десять часов. В муравейнике «праздник труда». Дети будут сегодня плясать и смеяться. Дети сытно и вкусно покушают. Будет много гостей отовсюду. Знамена и красные тряпки счастливо полощутся всюду — везде. В доме шум-суета. Все куда то бегут. Кто — по делу, а кто просто так. Все чего то кричат, все кого то зовут. Медный колокол, что на веранде висит, всех зовет на площадку для игр.

Кто то выступит. Кто то будет кого то приветствовать. Будет сказано «теплое слово», возможно, и два.

Дети будут стоять час-другой. Это им надоест. Они будут толкаться плечами и фыркать носами, вытирать их своей пятерней. Если этого мало, тогда рукавом. Будут ссориться, тыкать друг друга локтями, давать тумаки. Это самое милое дело в строю.

Вот они уже тянут друг друга за волосы, наступают на пальцы. Они знают, что делать в торжественных случаях. Что поменьше, неистово плачут-кричат, причитая и жалуясь старшим на тех, что побольше и посильнее. А те, что побольше, и ухом своим не ведут. Продолжают и дальше шалить, развлекаясь по своему, . . не по программе.

— Кто открывает праздник? — Юные художники.

— Так в чем же дело? Почему так медлят то?

— «Ах, да! Начальника парада нет. Он что то задержался. Верно, поезд опоздал. Всегда эта железная дорога подведет. Приятнее ходить пешком.

Уже приезжее начальство разместилось в центре на большой террасе. Остальные гости и учителя устроились удобно около перил. Все ждали с нетерпением. Ларисса тоже вышла из дверей и стала в стороне, облокотившись на вазон с цветами. Озеров заметил Лару и она его заметила.

— «Виктор Петрович, ваши дети все в строю?

— «Так точно, Вера Павловна!

— «Уже пора и начинать!

«Художники» стояли в напряженном ожидании. Стояли «смирно», зная, что им суждено «открыть парад».

Лишь только Озеров хотел начать, как на верху широкой лестницы внезапно появился среди публики «прекрасный рыцарь» и отвлек внимание гостей. Он был неотразим; приглажен, припомажен и прилизан. От него повеял легкий аромат духов «На крыльях любви» или «Любовь на крыльях» — что то в этом роде. На руках его мелькнули белые перчатки. На ногах блестели лаковые сапоги. Лицо торжественно-серьезное, а галстук бантиком.

Нарисовать картину парой смелых и талантливых мазков было не мыслимо. Фотограф или загулял или не смог использовать момент. Всего лишь несколько секунд позировал прекрасный «Дартаньян». Он, обведя высокое собрание орлиным взглядом, сразу же заметил всех, кого хотел и не хотел здесь видеть.

Сделав артистический поклон начальнице, сбежал по лестнице и, подскочивши к Озерову и его «художникам», он театрально громко заявил ему: — Разве так делают? и вдруг скомандовал ребятам:

— Смирно!!! Те не шелохнулись. Только чуть подернули своими головами по привычке вверх.

— «Вот, как это делается, поняли? — он отошел в сторону, видимо довольный своим номером, а главное, самим собою.

— «Вольно! — прозвучал шутливый голос Озерова. Дети засмеялись, и балкон ответил дружным смехом. Только та, ради которой был проделан трюк, стояла, опустивши голову. Ей явно не понравилось бахвальство Валентина.

«Рыцарь» снова промахнулся. Красный, как бурак, он медленно прошел вдоль фронта. Он не знал, куда себя девать. Потом, воспользовавшись тем, что всё внимание гостей было сосредоточено на группе молодых художников, он скрылся с глаз начальства.

Озеров легонько похвалил своих учеников за прилежание, добавив, что не ожидал еще таких успехов. Все собравшиеся аплодировали «маленьким талантам». Но особенно охотно и усердно дети аплодировали себе сами.

По раздаче премий хор детей, под управлением профессора, пропел ряд русских и украинских народных песен, вызвав бурные овации присутствовавших.

Началась гимнастика. Прodelав ряд прекрасных упражнений, группа старших мальчиков закончила художественные приемы в своих дивных номерах красивой пирамидой. Общая овация покрыла выступления гимнастов.

Валентин сиял, как солнце в час заката (а закат был близок). Начались бега под общий смех и ликование детей: бег задом, бег в мешках, на четвереньках и другие вызывали бурю радости. Детишки дали полную свободу проявлению своих неудержимых чувств. Они смеялись громко, заразительно, кричали, хлопали в ладоши и стучали о землю ногами.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

«Травка зеленеет, солнышко блестит.

«Ласточка с весною в сени к нам летит.»

Неслось с лужайки возле дома. Дети-малолетки пели эту песенку под руководством старого профессора. Гулять он не пошел: куда ему идти с больными старыми ногами.

Утром следующего дня (второй день праздника) все воспитатели устроили пикник. Шли вместе, пели песни. «Рыцарь» был, конечно, на своем посту, идя всё время рядышком с Лариссой.

— «Безобразие! — воскликнула Анастасия Тихоновна.

— «Что случилось? — спрашивали все.

— «Как это что? Художника то позабыли!

— «Правильно! — воскликнул кто то из мужчин, и все остановились.

— «Я пойду за ним! — добавила она, косясь на Лару.

— «Вот еще... Подумаешь... персона важная! — сердито буркнул Валентин.

— «А как же! — возмутилась та. — Пойти позвать его! Кто здесь моложе всех?

— «О пикнике вчера весь вечер говорили. Он прекрасно знал. Не хочет и не надо, — продолжал ворчать упрямый «кавалер».

— «Нет, надо, надо! Слышите ли вы? Я сбегая за ним! задорно крикнула Ларисса. — Подождите здесь.

— «Тогда я с вами! — Валентин схватил девицу за руку.

— «Помощники мне не нужны, — отрезала она. — Я и сама сумею отыскать его!

— «Ай, да Ларисса Павловна, вот молодец! — неслось ей в след.

— «Что получили? — показала «нос» герою Валентина Карловна. — Как прозевали вы её? Ведь из под носа улетила ласточка. Ай, ай! — Раздался смех и реплики.

— «Да, улетила пташечка, лишь хвостиком вильнула на прощание... И знаете куда? Туда, к нему, прямешечко в заветное окошечко!

— «Не может быть! — раздался бас садовника Василия Терентьевича.

— «Значит, может! Уж не раз я говорила Валентину: улетит, смотрите в оба, улетит! Ну, вот и улетела.

— «Совершенно точно! — пригвоздил меланхолически начальник мастерской Лукич. Раздался новый взрыв веселья.

— «Не понимаю я, что за охота портить настроение человеку! — прогудел учитель Петр Петрович.

«Ласточка», меж тем, влетела в коридор и постучала в дверь. Ответа не было. Она летела далее и запыхавшаяся, красная влетела в студию.

— «Что вы сидите здесь? Я вас везде ищу. Идемте же скорей, вас ждут!

— «Что вы сказали, ждут? А я совсем забыл, увлекшись книгой. Вот оказия! Какая добрая вы, Лара! И. . .

— «И что еще?

— «Красивая!

— «Ах, вот оно что! — Лара плутовски взглянула на него, смутилась и хотела покраснеть, но не смогла. Она и без того уже была вся красная.

— «Я вас такой еще ни разу не видал! — он продолжал смущать девицу. — Это вам идет, как никому другому. Вы горите, словно зарево. Идите поскорей сюда и посмотрите в зеркало!

Вся раскрасневшаяся и смущенная она стояла перед зеркалом, приглаживая пышную прическу. Стоя сзади, Озеров восторженно смотрел на свою «ласточку». Он видел в зеркале её пылавшее лицо и карие лучистые глаза, которые любил без памяти.

Какие мысли — чувства — ощущения любовного восторга, словно зарницы мелькали в голове его в те чудные минуты. Как хотел бы он обнять её и как хотел поцеловать эти прекрасные глаза. А губки-бантиком — такие сочные и бархатистые! Для поцелуя созданные. И кому их Бог судил? Отдал бы всё за «бантик» да за карие глаза! — мечтал он, глядя в зеркало.

А что отдать? Отдать то нечего. Нет силушки смотреть,

так подмывало... Вот соблазн! Как конь ретивый, он переминался с ноги на ногу.

— Не для тебя, мой друг, не для тебя расцвел роскошный розовый бутон, не для тебя! За каждым лепестком скрываются колючие шипы. Во всем ты виноват, мой друг, любезный ёжик. — Он вздохнул, увидев выползавшего из под стола ежа.

Все понимала девица. Всё понимала красная. Всё видели, всё знали карие глаза. Вдруг Лара смело повернулась и... глаза их встретились.

— Еще не время! — промелькнуло в голубых глазах.

— Пора бежать — блеснуло в карих.

— «Ах, постойте, не спешите! Будет время убежать. Пойдемте вместе! Озеров схватил Лариссу за руку.

Шли рядом вниз по лестнице взволнованные и смущенные. — Момент то ведь какой для поцелуя, — думал он, но... не введи во искушение!

Спустились вниз и вышли в сад. Молчали, словно не о чем им было говорить, да и к чему слова? Словами сердце завладело, а язык прилип к гортани и не двигался.

Она задумалась, потупив взор. Улыбка легкая играла на лице.

— О ком же думает она? Конечно же о нем? Какой он недогадливый ужасно и смешной. Но это девичий секрет, и разгадать его не так легко, казалось ей. Она была права.

Он тоже думал и мечтал, о ком...? Она всё знала и всё видела. Он не умел хранить сердечной тайны от Лариссы. Как в раскрытой книге, она видела его насквозь и слышала биение его сердца. Ибо знала, что оно всё рвется к ней и бьется для неё. Душа её была в смятении. Радостный, приятный трепет охватил всё существо её в тот памятный весенний майский день.

— «О чем вы там секретничали? — встретила Анастасия Тихоновна девушку.

— «Вы на кого так загляделись, что споткнулись даже? — перебила Лара неожиданным вопросом подошедшего к ним Озерова.

— «На кого? На вас, конечно! Нас и было только двое: вы да я, да мы вдвоем.

— «А разве это интересно?

«Даже очень! — иронически ответил Озеров. — Гораздо более, чем просто интересно! — глядя ей в глаза, добавил он серьезно.

— «О-о, вот вы какой!

— «А вы что думали?

— «Я думала. . .

— «Довольно вам секретничать, — перебивая девушку, воскликнула одна из воспитательниц.

— «Смотрите, ведь и я ревнивая!

Идите к своему «герою». Он всё бродит по лесам и всюду ищет вас.

— «Герсй, герой! — сердито огрызнулась девушка, усаживаясь на траву.

— «Не понимаю, что случилось. Видно, ветерок подул в другую сторону! — обиделась Анна Ивановна.

Пришли к пруду, красиво расположенному в гуще леса. Порешили дальше не идти. Удобно разместились на опушке леса на зелененькой лужайке.

Две скамьи в тени развесистого дуба привлекли к себе всеобщее внимание. Вокруг весенняя трава, усеянная желтыми цветочками. Уселись как попало группами: кто растянувшись на траве, кто на скамьях.

— «Давайте будем петь! — воскликнул Озеров.

— «Идея не плоха! Вот вам и «карты в руки»... Запевайте! Просим, просим! — слышалось со всех сторон.

— «Не возражаю! — Озеров откашлялся и начал: «Вниз по Во-о-лге реке... — запел солист, и песня плавно полилась по перелескам и тропам лесным. Пропели дружно и закончили словами: «... Лучше в Волге мне быть утопленно-му, чем на свете мне жить разлюбленному!»

Услужливое эхо разнеслось в лесной чаще. Оно повисло над прудом и постепенно таяло, пока не смолкло окончательно.

— «А вот и Валентин, тебя мы все здесь ждали!» — весело пропел Лукич из «Фауста».

— «Явился наконец! Без вас и втора не звучит. — Но Валентин был чем то огорчен. Он молча подошел к Лариссе и уселся рядом с ней, бросая изредка недружелюбный взгляд на друга.

Озеров стоял в художественной позе, прислонившись к дереву, а Валентин, меж тем, разнежился, пригревшись возле Лары. Он забылся и опять попал впросак. Воспользовавшись шаловливым настроением девицы, весело болтавшей и трунившей над «героем», незаметно подтянулся к ней поближе. Поглядел просительно в глаза Лариссы и вдруг выпалил:

— «Могу я положить к вам на колени голову? — от удивления затихли все. Умолкли голоса, улыбки замерли на лицах в ожидании.

— «Ого, что вы придумали! — задорно и насмешливо сказала девушка. — Ни в коем случае!

ЛЮБОВЬ

Под вечер после пикника, когда все отдыхали, Валентин Петрович постучался в дверь к Лариссе Павловне.

Он был не в духе, почему и счел возможным для себя устроить маленькую сцену ревности. Попутно обвинить приятеля... в нечуткости, нечестности и множестве других грехов, чем уронить его достоинство в глазах девицы. Валентин ошибся. Девушка сидела, опустивши голову, поставив мысленно перед собой своих героев. Перед ней вставал портрет другого, более спокойного, уравновешенного и внимательного к ней.

Она лишь только снисходительно кивала головой, внимая Валентину, в то же время делая заметки в своем сердце в пользу Озерова.

Несерьезная, на первый взгляд «мальчишеская» выходка в тот самый вечер развенчала окончательно двухлетнего

«героя» скромной девушки. На столике стояла уцелевшая её единственная карточка, нравившаяся ему... Она была снята в том самом платье коричневого, в котором в тот счастливый день присутствовала на концерте. С фотографии глядели те же выразительные карие глаза.

И вдруг, о ужас! Валентин взял со стола, теперь вдвойне ей дорогую карточку и положил себе в карман. На все протесты девушки он отвечал, что «будет на неё молиться». В знак признательности обещал ей привезти свою фотографическую карточку с собственноручной подписью.

От неожиданности Лара растерялась и не знала, что ответить. Он ушел, оставив девушку в полнейшем недоумении. Какой то новый трюк готовил Валентин. Она даже догадывалась, для кого предназначался этот трюк. Для «друга» своего готовил он сюрприз, который и приподнесется в извращенном виде. Девушка была готова плакать от обиды.

Утром Валентин уехал в город.

Вечером того же дня уехала туда же и Ларисса. Озеров был опечален. Он отлично понимал, что так влекло её туда.

С отъездом девушки он захворал. Повидимому простудился, сидя на сырой траве во время пикника. Под вечер слег в постель.

«Она уехала к подруге, где, конечно, встретится с Владимиром». Температура, головная боль и ревность обострили чувство беспокойства за Лариссу.

Озерова можно было бы поздравить с замечательной победой, приготовленной ему противником своим неумным поведением. Но он не знал о том, что говорилось в её комнате.

Теперь она уехала, а Озеров метался в эту ночь в томительной тоске, в жару. То вскакивал с постели, подходил к окну и вглядывался в темноту, словно надеялся увидеть свет в её окне, то зарывался с головой в подушку.

Что же с ней случилось в эту ночь?

Был вечер, были танцы, музыка и пение. Она весь вечер танцевала только с ним, с Владимиром. Впервые тот заин-

тересовался Озеровым. Лара встрепелулась и насторожилась. Мысль её метнулась в детский дом, а сердце защемило. Настроение упало. Вольдемар это заметил и забеспокоился, поняв свою ошибку. Он стал нервничать и был несдержан. Ревность бушевала в нем. Решил поторопиться, выпил лишнего. Глаза зажглись каким то новым, незнакомым ей доселе, огоньком. . . Лариссе стало страшно. Вспомнила, танцуя с Вольдемаром, бедного больного, одинокого, которого покинула в тяжелую минуту. Захотелось плакать.

Пригляделась к этому. — Чужой! — мелькнуло в голове. Туда, к нему, вдруг захотелось ей. Глаза открылись как то сразу. Будто пелена с них спала неожиданно.

Во время вальса окончательно расстроилась и убежала вон, оставив всех гостей в растерянности.

— Что случилось? — сыпались вопросы. Лара, выбежала в корридор, метнулась в комнату подружки, где и разрыдалась.

— Я люблю его! . . . Что я наделала? Что он подумает, как встретится со мной, не отвернется ли? И поделом, сама я виновата перед ним. Что я нашла в этом смазливом Вольдемаре? На кого я променяла Озерова?

Девушка во всем призналась Ольге. Та, узнавши всё, обрушилась на бедную подружку.

— Ты испортила мне вечер, а Володя ходит сам не свой... Влюблен в тебя без памяти. . . Вчера еще делился с братом, говорил о свадьбе. . . Что же ты наделала? С ума сошла, мне стыдно за тебя!

— Я не хочу Владимира! — сквозь слезы отвечала Лара. — Я люблю его, только его. Теперь я поняла, как я была к нему несправедлива. Да и Валентин еще стоит мне поперек дороги столько времени. . . Какая я несчастная! Назад, домой, сейчас же с первым поездом домой! Я больше не могу. Я задыхаюсь здесь! Пойми меня!

Вернулась Лара в городок растерянная, пожелтевшая. Она сейчас же бросилась наверх к Анастасии Тихоновне, где и вылила слезами свое горе.

— «Ну, вот видите, бедняжка, сколько раз я говорила

вам: не ездите туда, не бередите раны сердца человека, преданного вам. Вы обязательно должны зайти к нему, ведь он больной! Порадовать его, сказать, что вы, соскучившись о нем, вернулись ранее намеченного срока.

Озеров лежал, сосредоточенно о чем-то думая. Он побледнел, осунулся. Его небритое лицо и красные глаза указывали на болезнь. Какая эта ночь была ужасная и бесконечная!

Температура снизилась, но голова болела так, что даже мягкая подушка причиняла боль. Его болезненный тяжелый взгляд уставился на дверь. Он напряженно думал. Вспоминал с большим трудом мельчайшие подробности своих несчастных встреч и разговоров с Ларой. Головная боль мешала. Утомленные обрывки мыслей стали путаться. Они летели вдаль, словно гонимые противным ветром, расплываясь во все стороны.

— Я, кажется, заснул, — подумал он. Возможно, что действительно заснул, но в то же время будто не во сне, а наяву, стоял он с ней на берегу реки. . . Пурпурные лучи заката догорали в небе, дивно отражаясь в омутах заснувших вод. Они присели на траву под деревом, стараясь поплотнее прикурнуть друг к другу. Лара положила свою голову к нему на грудь и словно утонула в молодых, несбыточных мечтаниях. Она мечтала о совместной жизни с ним, но вдруг она вся содрогнулась и поникла. словно боль, какая-то мучительная боль легла на сердце.

Он хотел спросить. . . , язык не слушался. Еще сильнее обнял, еще сильнее прижал её к своей груди.

Но, что случилось с ней в последнее мгновение?

Кристально-чистая слеза скатилась по её щеке, за ней вторая, третья. Вот уже горячим ручейком они спадали вниз. Он чувствовал их на своем пылающем лице.

Какое-то тяжелое предчувствие сдавило ему грудь. Держа в объятиях подругу, он тоскливо, судорожно прижимал её к своей груди, пытаясь спрятать от чего-то страшного, чего-то неизбежного.

Вдруг яркий свет ударил им в лицо. То солнце, в небе догорая, искрилось, блестя последними лучами. Блеск усилился, он обжигал глаза. И вот, всё закружилось перед ним. Тьма поглотила всё.

— Конец! — мелькнуло в голове. — А где она? — схватился он и начал ощупью искать. Она исчезла в темноте. Что стало с ней? Вдруг жалобный призыв звучит в ушах... Она зовет на помощь.

— Боже, что случилось, где она?.. — Где ты? — хотел он крикнуть. В это самое мгновение вопль отчаяния и ужаса прорезал темноту.

— Прости меня!.. Мороз прошел по телу...

— Что же это, сон иль на яву я слышу этот ужас? Озеров хотел бежать да ноги приросли к земле. Хотел кричать, язык застыл, застыло всё внутри. От холода дрожал, как в лихорадке.

— Где же я и что со мной?.. Глубокий снег кругом. Он по колено увязал в снегу.

И вот послышалось ему, как снег тихонько захрустел под чьими то ногами. Человек стоял на берегу реки и всматривался в даль.

— Кто это? — крикнул Озеров.

— Прошу вас, тише. Это я.

— Кто?

— Вольдемар. —

В ответ ему раздался голос в стороне: — Ага! Вот, наконец, тебя я встретил, негодяй!

Владимир предварил противника и крикнул, подскочив к нему:

— «Ты погубил её, чудовище, так на же, получи!» — он поднял руку, сжатую в кулак, и замахнулся на того.

«Кто тот, другой?» — не то проговорил, не то подумал изумленный Озеров. Он напряженно вглядывался в лица.

— «Твой соперник Валентин!»

— «Вот странно.., что со мной..? Откуда этот шепот? Или мне послышалось?»

События перед глазами развернулись с быстротой молнии.

Кулак Владимира остановился на пути когда дубина Валентина, просвистевши в воздухе, обрушилась на голову злосчастного Владимира. Его не стало. Он исчез. ., ушел в глубокий снег и, словно, провалился.

«Вот злодей!» — подумал Озеров, объятый ужасом. Он напрягался из последних сил, вытаскивая ноги, глубоко увязшие в снегу.

— «А-а... это ты..! Тебя то мне и нужно!» — дико заревел отвергнутый певец.

Что мог поделать Озеров. Он был беспомощен перед лицом врага, спешившего к нему с высоко поднятой над головой дубиной.

В тот момент, когда злодей с неимоверной силой размахнулся, собираясь нанести удар, снег обвалился под его ногами. Он качнулся в сторону и, потеряв опору, с воплем покатился вниз в реку.

«Я виноват в её гибели, я лгал напрасно!» — холодом неслось со стороны реки. В последний миг, взмахнув руками. Валентин исчез в пучине вод. Зловещий хохот прокатился над рекой и эхом расплылся в лесу. Большие льдины быстро уносил речной поток.

«Спасите! — Лара, что с тобой случилось?» — Озеров, рванувшись, вырвался из снега. Он летел вперед, но обесиленный упал, ничком уткнувшись в снег.

«Спасите! — Лара!» — Он проснулся.

Постучали в дверь. Ответа не было. Он знал, что это Лара, и никто другой, пришла встревоженная навестить его. Стук повторился, с тем же результатом.

Сердце напряженно билось. Да.., это она! Он даже слышал перед этим стук её знакомых каблучков по лестнице. Но судорога вдруг прошла по телу. Кровь ударила в висок и краской залила лицо. Язык как будто отнялся, — не мог сказать — войдите!

Дверь тихонько скрипнула и приоткрылась. Встретились

глазами. Девушка стояла у порога в ожидании. Больной молчал.

— Простите, что вошла без разрешения! Я очень беспокоилась за вас. Как ваше самочувствие? Вам лучше? Сколько искренности слышалось в словах! Ответа не было.

— Что с вами, почему вы не хотите мне ответить? краска залила лицо Лариссы. Жалко стало Озерову девушку, но, видно, бес вселился в душу из за ревности.

«Со мною? Ничего!» — запел в нем пылкий и упрямый Ленский. Он сдержался. Сердце сжалось, глядя на её пылавшее лицо.

— Всё хорошо, — ответил Озеров.

— Вам лучше?

— Да.

— Но всё же, что случилось? — пристально глядели на него любимые глаза.

— Прошу вас! Сядьте у окна!

Ларисса подошла к окну и села, но смутилась, что одна с ним в комнате, одна с больным.

— «Приехали? — спросил он. — Да! — ответила она. Зачем так скоро, может быть, скучали? — Да, скучала... даже больше — тосковала. — Отчего бы это? — Так... сюда тянуло. — Почему? — Я вам сказала, что соскучилась. — О ком? — Еще сильнее покраснела девушка. — О ком соскучились? — упрямо повторил он свой вопрос. — Так... обо всех, а более всего... о вас! — она смотрела вниз.

«Какой ты нехороший. И зачем ты так неделикатен с ней? Сам мучаешься и её терзаешь.»

— «Лара! — Что? — Простите, ради Бога... не сердитесь на меня. Я нездоров, мне... очень больно... Я и сам не знаю, что со мной... Увидя вас, я делаюсь несносный, а без вас...» — Два глаза пристально остановились на его лице и встретились с его глазами. Он не выдержал и виновато опустил свои.

— «... без вас скучаю, мучаюсь, тоскую!... Слышите вы? Каждый день я должен видеть вас... хотя бы издали! Вам

было весело в гостях, не правда ли?..» — молчание. — За чем же вы приехали? —

— «Мне вовсе не было там весело, совсем наоборот. Меня влекло сюда и мне здесь лучше.

— «Мне теперь понятно всё Ларисса!.. — Озеров запнулся. — Лара!.. Не сердитесь на меня! Я нехороший... да!.. Я недостойн вас. Притом я нездоров, а все больные эгоисты и... и... я хуже остальных.

— «Вот это уж неправда! — с жаром возразила девушка.

— «Вы для меня... — он не закончил то, чего хотел сказать, и повернул лицо к стене.

Такое странное свидание взволновало Озерова, причинив ему душевные страдания. В груди его всё клокотало. Голова кружилась. Он сдавил себе виски ладонями, напруг последние усилия, стараясь удержать в повиновении свои нервы.

Лара встала, утирая слезы, и пошла к двери.

КОВАРСТВО

Рано утричком проснувшись, Озеров почувствовал себя здоровым. Выйдя на крыльцо, сел на скамью возле окна и глубоко задумался. Ребята обступили своего учителя. Они все знали про его болезнь и, увидав здоровым, откровенно и по детски выражали свою радость. Появились девочки, прогнали мальчиков и сами сели на скамью, а кто на корточки и лепетали, кто во что горазд.

— «Вы выздоровели? — Да, уже!

— «А мы пришли из студии. Всё там прибрали, пол помыли. Накормили ёжика и «столько много» принесли цветов! — Не столько много, а так много.

— «Да... так много, даже больше. Просто ужас «сколько много»! — Стойте вы, сороки белобоки! Сколько много? — Нет, неправильно — как много, а не «сколько много»! — «Просто» — тоже позабыли? — Все смеялись и гримас-

ничали тоже «просто»: просто некуда, и просто не хочу, просто потешный этот ёжик. . . , много всяких «просто».

Милые детишки, бедные сиротки русские! Какое доброе сердечко трепетало там, в их маленькой груди! Сколько заботливости, ласки и участия сквозило в их словах.

Что с ними будет впереди? Не думали об этом головенки. Думы не туманили их детские умишки. И на что им это будущее? Жили до сих пор своим «дешевым» детским горем, радостями и заботами. Смеялись, плакали, шумели, ссорились, кричали и резвились. Жизнь была наполнена своим глубоким содержанием.

Что впереди — заботы нет! Само ко времени придет. Обиды, горе и нужда обрушатся на бедные головушки. Пусть веселятся до поры до времени. Так грустно думать о несчастном новом поколении, осиротевшем преждевременно, принявшем на себя, на свои слабенькие плечи страшные удары бедствия за грех своих отцов. Наверно кто-то будет отвечать перед Судьей Всевышним за малюток, брошенных на произвол судьбы, за слезами их, за всё.

Пришла Ларисса. Еще издали она заметила детишек, окруживших Озерова, и приблизившись к компании, испуганно и радостно смотрела на него. Все повскакали с мест и обступили девушку, суя ей в нос цветы. Но вдруг, переглянувшись, все исчезли с глаз. Хороший тон и вежливость им не были чужды.

— «Садитесь, Лара! — Нет, нельзя, мне некогда, да и не хорошо: что дети скажут, что подумают? Они всё сразу замечают, потому что наблюдательнее и чувствительнее взрослых. —

«Умница!» — подумал Озеров. — Вы правильно все подмечаете! Я лучше провожу вас «до дому». — Куда же? — засмеялась Лара. — Ну. . . хотя бы по ступенькам до двери и то приятно мне.

— «Я вижу — вы здоровы. — Да, почти! — Я очень рада и. . . Что вы так смотрите? — потупилась она. — А разве можно не смотреть на вас? — Зачем же? — Вы еще не знае-

те зачем... Молчите? То-то же! «Молчание ведь золото», оно дороже всяких слов, особенно, если слова пусты, беззвучны, неправдивы и неискренни. — Как это ново для меня! Как верно вы это сказали мне. Совсем другое говорил мне ваш приятель... — Валентин? — нечаянно слетело с языка.

— Бог с ним! Не будем говорить об этом... я всё поняла... Мне надо уходить, а... так не хочется! — она стояла на крыльце, «спешила поскорей уйти», но всё не двигалась и всё смотрела на него. Он тоже, стоя на ступеньку ниже, будто замороженный, всё глаз с девицы не спускал.

— «Ну, я пойду!.. — «Бежим, бежим!» А всё стоим и топчемся, как в опере! — сострил он. Лара прыснула. Потом, наморщив лоб, спросила, еле сдерживаясь и блестя смеющимися глазками: — Вы слышите?... Я уйду! — не слышу, я оглох, совсем оглох! — Ларисса приоткрыла дверь. Он, проводил её «домой».

«О, Маргарита! Здесь умру у ног твоих!» — пел Озеров, входя к себе наверх. Здесь, в своей студии он проводил свои свободные часы. Так мил ему, так дорог и уютен был его укромный уголок.

«Привет тебе, приют священный!..» — продолжал он петь любимую им каватину Фауста.

— «Душа ваша поет о Маргарите! — перебил его знакомый голос за стеклом. — Я так потрясена, что слов не нахожу!

— «Я так вам рад всегда, Анастасия Тихоновна! Заходите в студию.

— «А я — тем более! — сказала та, входя. — Откуда вы пришли в таком прекрасном настроении. Не от Лариссы Павловны?

— «Почти! — А почему — почти?... — Свиданье состоялось на крыльчке. — Значит...? — Что? — «На Шипке всё спокойно»? — женщина лукаво подмигнула. — Кажется...! — Вы тоже успокоились? — Почти. — Вот удивительный вы человек, в чем дело? — Дело в том... — смеясь ответил

Озеров. — В последние два дня мной овладело беспокойство... — Почему? — Опасность потерять свободу, голову и разум. — Вот как! Ха-ха-ха... Не поздно ли вы спохватились, милый друг? Однако, не волнуйтесь, это пустяки. Со всем не страшно ни для вас, ни для Лариссы Павловны... Не кажется ли вам, что ваша буйная головушка уже потеряна?

— «Ну, что вы, как же так...? — Вы не заметили? Нет, не успел еще... А вдруг это действительно случилось, что тогда? — спросил он с деланным испугом.

— «Что тогда? Вам разве не известно, что случается с мужчинами, теряющими свои головы? — Скажите, что? Моё ли это дело! Ваша Лара растолкует вам всё это лучше, милый «Трубадур». Она одна виновница всех ваших бед. В её сетях запутались вы, бедный мальчик, пусть сама их и распутывает. Мне вас очень, очень жаль, но к моему прискорбию, я ничего поделать не могу. Я — женщина, и потому в союзники вам не гожусь.

— «Как это мило с вашей стороны! Однако, разрешите не поверить вам!

Взаимное влечение двух воспитателей, перешагнувшее за грани дружбы, перешло в любовь. Ларисса не дичилась более и не старалась убежать. Наоборот, она врывалась в студию, как светлый, согревающий луч солнца, наполняющий и комнату и душу бедного художника уютом и теплом. Конечно, воспитатели всё это видели и, в большинстве своем, сочувственно смотрели на роман, родившийся под сенью студии, под покровительством ежа, и говорили: «Еж сосватал!»

В то же время не была ни для кого секретом та привязанность, которую питали дети к Ларе. Девочки, конечно, были наблюдательнее мальчиков и преданнее их. Они открыли тайну двух сердец, которая и проникала в детское сознание, как что-то светлое и радостное. Эти маленькие, милые друзья двух воспитателей с достоинством оберегали эту

тайну, даже больше, покровительствовали им. Они умели покровительствовать взрослым — тем, кого любили.

Эту детскую способность Озеров узнал и осознал в своей дальнейшей учительской работе лишь тогда, когда сумел проникнуть в тайники детской души. Всё больше набираясь опыта, как в воспитательской работе, так и в жизни вообще.

Прошло недели две. Спокойствие в детгородке ничем не нарушалось. Но приехал Валентин, а с ним и куча неприятностей. Опять нарушен был покой в сердцах наших друзей. На этот раз он появился в городке один и в неурочный час, расстроенный, сердитый, пряча зло в глубоких тайниках своей души.

О лошадях теперь никто не помышлял. Пройти от станции кратчайшим путем версты четыре по красивой местности не стоило труда. Вот почему он и явился так неожиданно и негаданно.

Влетевши в коридор и заглянувши всюду, не нашел, кого искал, и сразу бросился наверх, уверенный, что Лара в студии. Через стекло заметил Озеров злой огонек в глазах приятеля. Не поздоровавшись, тот вынул из кармана фотокарточку и театральным жестом подал её девушке.

— «Обещанное вам дарю! — развязно, громко произнес «герой». — Прощу прощения! — добавил он игриво.

Лара вспыхнула, но тут же овладев собой, тихонько поднялась и, извинившись перед Озеровым, с карточкой в руках, спустилась вниз. Заботы по хозяйству отвлекли её от неприятной встречи с Валентином. Не было заметно на лице душевной муки, клоковавшей у неё в груди, а Валентин торжествовал. Он, развалившись в кресле, наблюдал за нервными, произвольными движениями Озерова. Он отлично знал, какое впечатление произвела на друга эта сцена с карточкой.

Приятели спустились вниз и вышли на крыльцо. Когда шли по двору, им повстречалась Лара, грустная, расстроенная. Валентин, заметив это, задержался и спросил её, что с

ней случилось. Не ответив, девушка ускорила шаги и быстро скрылась за углом.

— «Что с Ларой, чем она расстроена? — спросил он, догоняя друга. — Тебе лучше знать!

Друзья молчали, продолжая медленно идти по узенькой тропинке к лесу.

— «Валентин Петрович! — крикнул кто то сзади. Оба друга оглянулись. К ним Бежала Лена, младшая сестра Лариссы. Запыхавшаяся, красная, она остановилась и сказала Валентину: — Вот... письмо для вас. Сестра велела передать его вам лично.

— «А-а... письмо! — воскликнул тот с какой то затаенной радостью, а девочка стояла и ждала. С самодовольным видом Валентин стал распечатывать конверт. Потом, как будто нехотя, он вытащил записочку и вдруг... в его руках его же собственная карточка. Лицо у кавалера вытянулось. Эту сцену он готовил для приятеля и вдруг... такой конфуз! Как он хотел бы скрыть теперь всё от него.

Записочка, скользя в заметно дрогнувшей руке, упала на траву. Он подхватил её и, пробежав глазами, покраснел, как рак:

— «Ну, что ж, не надо, так не надо! — Девочка, услышав этот возглас, весело, вприпрыжку побежала прочь.

Приятели входили в лес.

— «Не понимаю, что случилось с ней! — прервал неловкое молчание Валентин. — Сама просила, а теперь отказывается.

— «Ты говоришь... она просила у тебя фотографическую карточку? — А как ты думаешь? Я не посмел бы ей навязывать свою. — Я понимаю... Ну, а ты... она тебе дала свою? — Дала! — На память ей её? — тот утвердительно кивнул. — ...и с надписью? — Да-а... нет, но это не существенно! Давай поговорим о чемнибудь другом. —

О том, как очутилась карточка Лариссы в боковом кармане Валентина, нам известно. Нам известно так-же, как вернулась его собственная карточка к нему.

Как только возмущенная, расстроенная девушка спусти-

лась вниз, она сейчас же написала Валентину коротко и ясно: «Валентин Петрович! Получите вашу карточку назад. Она мне вовсе не нужна, а в следующий свой приезд верните мне мою. Ларисса». Подозвав сестренку, Лара наказала ей: «Возьми эту записочку и карточку. Вручи их поскорее Валентину. Обязательно отдай тогда, когда он будет вместе с Виктором Петровичем. Ты поняла?» — «Конечно, поняла, не беспокойся, я сумею это сделать!»

Озеров не знал о «дружеском» обмене карточками. Он не знал, конечно, и о том, как врал ему приятель и как нагло клеветал на девушку.

События с того момента стали быстро развиваться. В тот же вечер Валентин довольно поздно постучался в дверь к приятелю. Он счел необходимым сообщить ему о том, что он идет сейчас с визитом к Ларе, чтобы провести с ней вечерок. Он так не любил одиночества.

«Какой же ты подлец!» мелькнуло в голове, однако, Озеров сдержался, не ответив и на этот вызов Валентина. Если бы он знал всю правду! Если бы он мог предположить, какой разгром он произвел среди своих соперников! Когда бы мог он слышать разговор, происходивший в данную минуту в комнате Лариссы, он бы не страдал от ревности!

Теперь же, он ходил взад и вперед по комнате. Сомнения терзали душу. «Боже! Что со мной? Она, казалось, отвечала мне взаимностью. Ужели я ошибся?» Озеров не находил себе, ни места, ни покоя. Он считал Лариссу искренней, правдивой. Неужели эта девушка — спокойная, серьезная — была способна на такую недостойную игру?

Скитаясь из конца в конец по свету, он не раз задумывался о своей дальнейшей судьбе и об устройстве личной жизни. Наконец он встретил ту, которая всецело завладела сердцем и вошла в его тоскующую душу, стала для него дороже жизни. Несмотря на муки ревности, он всячески старался обелить свою любовь. Он изучил её глаза и через них проник к ней в душу, как мечтал о том. Ему казалось, что он знал уже её насквозь, и вот опять злой человек вставал

на его жизненном пути, как призрак, как злой гений. Озеров довольно хорошо знал Валентина и дурные стороны его характера. Чтобы добиться своего, тот может не побрезговать и клеветой. Хотя бы только часть, хотя бы маленькую дозу яда удалось ему влить в чистую, доверчивую душу Лары, и того достаточно, чтобы посеять в ней смятение, сомнение и страх. Он там сейчас у неё. Они сидят вдвоем. Свет виден у неё в окне. О чем они беседуют и что пытается внушить сиротке, бедной, славной девушке, испорченный, развязный и нечестный человек? Ведь для него все средства хороши!

Лишь только Озеров, не находивший себе места, вышел в корридор, как повстречался с Валентином тут же у входной двери. «Так скоро кончился визит?» — подумал он. — «Что же случилось с ним и почему он так печален и сердит?»

Столкнувшись с Озеровым, Валентин пытался улизнуть. — «Постой! Скажи мне, что с тобой? — Тебе какое дело до меня? — А всё-таки! — Отстань, не приставай! — сердито буркнул Валентин. Он, хлопнув дверь, вышел на крыльцо и скрылся в темноте. Как видно нахлобучку получил! Расставшись с другом, Озеров немного успокоился. Ему хотелось спать. Он возвратился в комнату и лег.

Спокойной ночи, милый друг! Ларисса шлет тебе привет, витал над спящим ветерок через раскрытое окошко. Озеров открыл глаза, но тут же вновь закрыл и захрапел в болезненном тревожном сне.

«Твоя подруга, как Диана, на крыльях ночи улетает.

«Избегнув счастливо обмана, она твой сон благословляет!

Вернемся чуточку назад. Что же случилось с Валентином после странного его визита к своему приятелю.

Он постучался в дверь. — Ларисса Павловна, могу я к вам зайти? — Зайдите, Валентин Петрович, это кстати.

Валентин вошел и сразу приступил к допросу.

— «Лара, почему вы до сих пор меня зовете Валентин Петрович, а не просто Валя? — В этом нет нужды. — Вот

как! Ужели ваше сердце перестало биться для меня? — Вы говорите глупости, и мне противно слушать вас. Вы поняли? — Простите! — Валентин нахмурился и замолчал, о чем то думая. — Вы так решительно отвергли мою фотокарточку. Чем мог я заслужить такое отношение к себе? ответа не последовало. — Неужели не нашли вы лучшего момента, более удобного для возвращения её? — Какого же? — Хотя бы вот сейчас, наедине! — Молчание. — Вы думали меня поставить перед Виктором в невыгодное положение? — Не думала и не было необходимости. — Чем объяснить вашу поспешность? — Я решила, что отдам вам вашу карточку, когда вы будете с ним вместе. — Почему? А почему вы сами мне вручили вашу карточку и так торжественно при нем же? — Я спешил исполнить обещание — ... которого я не просила и в котором не нуждалась, как и в вашей фотографии? Не сами ли её вы взяли со стола, без моего согласия и сунули в карман? — Хотя бы... Ну и что? — Как это что? Не вы ли на протесты отвечали мне — «молиться буду на неё»? — Да, отвечал. — Дарила ли я вам её когданибудь? — да... нет! — А вашу карточку то я у вас просила? — Нет! — Вам так хотелось в тот момент меня унижить перед Виктором Петровичем и оскорбить его одновременно? — Нет, я тогда... — Пойдите, я не кончила. Вы вздумали явиться перед ним не какнибудь, а в роли приближенного, а грубо говоря, моей симпатии? Тс... выслушайте до конца. Как это лестно для мужчин... второго сорта!

— «Ларочка! Что это значит всё?

— «Ларисса Павловна, хотите вы сказать?

— «Когда успели вы увлечься им? — Ларисса вспыхнула.

— «Прошу вас прекратить бессмысленную болтовню. Поймите же, что вы ведете гнусную игру, стараниями действовать на самолюбие его и клин вбивая между нами.

— «Я ошибся! — лепетал «герой».

— «Теперь вам ясно, почему я поступила так? Чтоб защитить себя от клеветы.

— «Я чувствую свою вину, но ненавижу Озерова всей душой!

— «Напрасно! Он ни разу не позволил себе чтонибудь сказать о вас нелестное, хоть чемнибудь унижить вас в моих глазах, а вы? Кто дал вам право осуждать его поступки и дела передо мной и даже явно клеветать?

— «Простите, я наказан и... я потерял вашу любовь!

— «Опять вы лжете! Если б знали вы, как тяжело и неприятно слушать вас.

— «Я голову теряю из за ревности! Я вас люблю и в этом вся моя вина.

— «Уйдите прочь! Я больше не желаю слушать вас. Я так утомлена от ваших глупых излияний! Слышите?.. Я спать хочу. Идите же!

— «Исполню всё! Я уйду, но вспомните Орлова!»

Он ушел. Лара вздохнула с облегчением.

КЛЕВЕТА

Холодное и неприветливое утро заглянуло в комнату. Оно сулило Озерову много неприятностей. Едва забрезжил свет, они вдвоем с Лариссой, взявшись за руки, спешили вдаль. Куда были направлены их помыслы, в какую сторону лежал их путь, они не думали. Он был не обозначен впереди, а даль была неясная, туманная.

На встречу им тянуло холодком, их пробирала дрожь. Он, скинув свой пиджак, набросил поскорей на плечи спутницы и сам прижался к ней.

Всё мягче, всё прозрачнее и чище становился воздух, всё яснее открывалась даль. Всё больше расширялся горизонт у них перед глазами. Насыпь впереди. Железная дорога проходила мимо них, пересекая путь, и рельсы убегали вдаль. Взошли на полотно, хотели перейти его, но передумали. Здесь, кажется, они должны расстаться. Он пойдет вперед, она воротится назад. Они остановились и задумались, — так не хотелось расставаться.

Нет! Они пойдут вдвоем туда, где занимается заря. Они уверенно свернули на восток. Приятный луч блеснул вдали, и рельсы заблестели серебром. Теперь они двумя серебряными ниточками убегали вдаль. Вокруг всё стало оживать. Восток горел огнем. Друзья шли под руку всё дальше, всё вперед, пока не вышли на берег.

Чуть плещется у ног прибой, лаская слух. Увидели ладью. Им захотелось сесть в неё, уйти от берега в морскую даль туда, откуда льется дивный свет лучей.

Проснулся Озеров, увы! — подружки нет, он снова одинок. Как жаль, что это только сон. Впервые утром он увидел девушку за чаем и вторично повстречался с ней на лестнице. Звала его к себе, хоть на одну минутку, но напрасно. Он ушел к себе наверх, пожав ей руку.

В это утро памятного дня она была в отличном настроении. Спеша по дому к Вере Павловне, она сбежала по ступенькам, что то напевая вслух, и даже не заметила сидящего на маленькой скамейке Валентина. Опустивши голову и подперев её обеими руками, Валентин о чем то глубоко задумался, повидимому, он грустил.

Когда Ларисса шла назад, она его заметила и, задержавшись на секунду, весело спросила:

— «Почему вы здесь сидите в одиночестве? — Каким печальным взглядом наградил он девушку! Чье сердце не почувствовало бы его душевных мук? Во всяком случае, не сердце Лары, коей и предназначался скорбный взгляд. Ей так хотелось петь и так хотелось жить! Ей так хотелось радоваться и смеяться громко, заразительно.

— «Не всем так весело! — ответил Валентин. — Не преждевременно ли радуетесь и смеетесь вы? — в его словах звучала явная угроза.

— «Я смеюсь... над вами? Вовсе нет! Мне просто весело и всё, а вам советую не вешать нос. Чем угрожаете вы мне? Уедете, забудете меня, и всё пойдет по старому!

— «Я вас забуду? Никогда!»

— «Какие глупости забили вы себе в больную голову.

Всё здесь не искренне, не верю вам! — Лара ушла, а Валентин, поднявшись со скамьи, пошел за нею следом.

Послonyaвшись от безделья, он пошел наверх, в библиотеку, но и там не знал, куда себя девать. Вернувшись и спускаясь вниз, столкнулся с Озеровым. Словно судорога вдруг исказила его лицо, оно покрылось пятнами.

— «Куда? — спросил он подозрительно.

— «К Лариссе Павловне.

— «Пойдем вдвоем! — ответил резко Валентин. Лишь только два приятеля спустились вниз, как повстречались с ней.

— «Вы что это гуляете в рабочие часы?

— «Я не гуляю! — молвил Озеров.

— «А до него мне дела нет, пускай ответит сам. . .

— «Я к вам по делу.

— «Вы. . . ко мне? Вот это мило с вашей стороны.

— «Вы как то жаловались, что я к вам не захожу и ни о чем вас не прошу. Вот я пришел просить и. . . даже не один.

— «Что, разве страшно одному то? — Озеров молчал.

— «Не избалована я вашими визитами. Вы будто избегаете меня и, кажется, еще ни разу не зашли ко мне.

— «О, это пустяки, за то мой друг не забывает вас.

— «И это всё, что вы хотели мне сказать? И лучшего придумать не могли, чтоб чемнибудь меня обидеть?

— «Не сердитесь на меня, Ларисса Павловна, вам это не к лицу. Ну, улыбнитесь. . . хоть немножечко, прошу вас! — Озеров соорил ей гримасу. Лара раскатилась звонким смехом.

— «Как же тут рассердишься на вас! — Она задорно бросила свой взгляд на Валентина. Тот молчал, насупившись. Он, видимо, о чем то думал, глядя в сторону.

— «Что вы хотите от меня, скорее говорите! Я спешу, мне некогда! — заволновалась девушка.

— «Не откажите, дайте вазу для натуры в мою студию.

— «Которую? Их несколько!

— «Большую и красивую. Однажды я зашел сюда и увидел

её. — Вот эта? — Да. — Я не могу вам дать её сейчас, она еще с вареньем. — Девушка взяла указанную вазу в руки, чтобы заглянуть в нее. Потом сказала ласково: — Ну, что мне делать? Отказать вам не могу! — она задумалась. Берите, так и быть, и улепетывайте с ней, пока не передумала!

А Валентин стоял, раскрывши рот от удивления. Ларисса посмотрела на него и рассмеялась. — Вам не нравится, что я такая добрая? — Я вижу, что вы добрая к нему и даже более, чем добрая. Меня вы так не баловали никогда. Ему и ваза и варенье, может быть, еще чегонибудь?

Ларисса промолчала, покраснев: — Берите вазу! — А варенье... как же быть? — С вареньем вместе! — Мне не съесть всего, тут очень много! — С кем хотите, с тем и поделитесь. Я бегу, мне некогда! — Она поспешно повернула ключ в замке и выбежала в корridor.

— «Ну, что! Теперь ты, кажется, удовлетворен, что мне на ногу наступил? Ты счастлив? — Валентин заметно побледнел, глаза его блеснули злым огнем.

— «Ты ошибаешься! На ногу я тебе не наступал, да и намерения такого не было! — Он удивленно посмотрел на собеседника. — Чем провинился я перед тобой?

— «Хотя бы тем, что ты приехал в городок, что черт принес тебя, что стал мне поперек дороги!

— «Здорово! Вот этого то я уже никак не ожидал! — воскликнул Озеров. — Всё это глупости и плод фантазии. Всё это чистый вздор! Два года ты приставлен к ней, как паж при королеве, никого не подпускаешь к ней. Не мне утнаться за тобой!

Приятели открыли дверь и вышли на крыльцо. Пришла пора им объясниться «по душам» и откровенно. Всё сильнее волновался Валентин: как видно долго он готовился, предвидя объяснение. Но как он ни готовился, а подготовиться не смог. Лицо его бледнело всё сильнее. Он любил Лариссу, но любил по своему. И лошадь тоже любят, но готовы наказывать её за своенравность и каприз. Игрушку дети тоже любят

до тех пор, пока не надоест, а наигравшись всласть, её не замечают более, а иногда и бьют её без жалости об стену.

— «Валентин Петрович, я вас слушаю! — впервые Озеров назвал приятеля на «вы». Тот, обращаясь к Озерову, называл его обыкновенно «Виктор», «Витя», — это было ранее, когда сердечко Озерова не болело от оков любви. — Что ты молчишь? Ты первый назвался на этот странный разговор, так говори же прямо и по совести! Чего ты хочешь от меня? Чем провинился я, что встретил Лару на своем пути и полюбил её? Не делай страшные глаза! Я говорю тебе открыто, не таясь. Мне нечего скрывать и нет причины прятаться Ты был свидетелем моих взаимоотношений с ней. Я не навязывал себя, а был в тени. Я даже к ней еще ни разу не заглядывал. Считаю, что это неудобно, что такой визит мог повредить её прекрасной репутации. Она, по простоте своей, еще не понимала этого. Я даже и сейчас не знаю, любит ли она меня серьезно и понастоящему. Она ведь очень молода еще. Но знай, что если да! — тогда... (какой тяжелый взгляд уставился в упор на Озерова) — я не уступлю тебе. Вплоть... до!.., ты слышишь?» — голос Озерова прозвучал решительно и жестко.

Валентин всё это чувствовал. Он знал, наверное, что битву проиграл, но у него еще есть «средство», он его использует сейчас, в последнюю минуту.

— «Выслушай теперь меня! — так начал свою мерзкую тираду Валентин, нетвердым голосом и глядя вниз. — Ты думаешь, что ты любим?» — он криво усмехнулся. Лицо у Озерова вспыхнуло, он был готов ударить Валентина, но... он неспособен был на этот шаг, он находился в детском доме.

Валентин, поняв его, учел невыгодный момент для друга и ободрился.

— «Что этим хочешь ты сказать? — чуть слышно произнес оторопевший Озеров. — Ну, говори скорее, не томи напрасно. Говори всю правду, только правду! Слышишь? Только правду говори скорей!

Лицо лжеца то покрывалось пятнами, то вдруг опять бледнело, а глаза горели, как у коршуна.

— «Ты хочешь правду знать? Так знай же, я скажу тебе всю правду! — Отойдя шага на два, он прохрипел: — Ты — только ширма между нами — понял или нет? Она меня любила, любит и сейчас. Тобой только играет, вот и всё! — цинично, беспощадно осквернял он имя девушки.

— Возможно ли всё это? — простонал ошеломленный Озеров. Испарина большими каплями усеяла его высокий лоб. Он напрягался из последних сил, чтобы сдержать себя и не наделать глупостей. Он ничего не возразил на это, получив удар, и только с горечью, взглянул на торжествующего Валентина. Опустивши голову, он повернулся и побрел к себе. Ведь он поверил этой клевете. Защелкнувши дверной крючок, он стал, как истукан, по середине комнаты.

«Зачем ей это нужно? Нет, не может быть! Но это правда? Лара, милая, зачем так?.. Что со мной?» Внезапная, как буря, скорбь на время поразила мужество и волю Озерова.

«На какие гадости способен человек в своей запальчивости», — думал он и верил клевете.

«Что сделал я ему плохого и зачем он опозорил имя девушки в глазах приятеля?» — метались мысли в голове его.

Каких же результатов он достиг? Презрения к себе. Бежал из городка, как истинный Иуда, заронив в сердца бывших друзей осадок горечи. Что было дальше, трудно передать! Сомнения терзали любящее сердце. Не хотелось верить. Озеров страдал и в силу этого поверил. Он не осознал всей глубины коварства, мерзкого поступка друга в отношении его и Лары, и который, при известных обстоятельствах, мог вызвать далеко идущие последствия.

Сигнал к обеду. Озерова нет.

— Вы не встречали Озерова? — Не встречал. Он что то бесится в своей берлоге.

— Что случилось с ним? — заволновалась девушка.

Забилось жалобно в предчувствии беды сердечко Лары. Кинулась она к нему, но не решилась постучать.

— Что сделали вы с ним несчастный?

— Я не знаю, — сумрачно ответил Валентин.

— Как я вас... ненавижу! — бросила ему в лицо Лариса.

— К Озерову постучали. Он ответил: — Всё в порядке. Я приду позднее.

Между тем, он всеми силами старался привести свое лицо в приличный вид, чтоб люди не заметили чего нибудь. Он минутно вглядывался в зеркало на свой портрет и всё масировал свое лицо.

Еще немного красные и грустные глаза. Минут пятнадцать — и всё будет позади...

Теперь пойдем покажемся!.. Уже пора. Все говорят, что «время — лучший врач. Доверься времени...»

— Ну, с Богом! — вышел в корридор и сразу увидел её. А сердце то как бьется тяжело!

Она его ждала со страхом и волнением, страдая так же, как и он. Он этого не знал. Она его любила всей душой, он в этом усумнился... Он поверил клевете. «Ты — ширма между нами...»

Ну, иди, храбрец! Зачем остановился, струсил? Всё равно придется встретиться, так лучше уж сейчас, вот в этом корридоре.

Озеров пошел вперед... И вот уж перед ним её испуганное личико.

Ты не узнал его? Не посмотрел... Не слышал, что она тебе сказала?

— Что случилось, что? Скажите хоть словечко!..

— Ничего!.. Хандра пройдет, и всё пойдет по старому. Они расстались.

Лара бросилась наверх за утешением к подруге.

— Боже мой, что приключилось с вами, моя милая? На вас лица ведь нет! — Уткнулась девушка в колени к ней.

— Вот видите, какие получились результаты. Я не стану вас журить. Я этого ждала. Всё это — дело Валентина, очернившего вас перед Виктором Петровичем. Об этом я пре-

дупреждала вас. Он отомстил обоим, вот и всё! — Она старалась всячески утешить Лару.

— Это разъяснится, не волнуйтесь, милая моя! Вы оба жертвы гнусной клеветы. Всё, всё уладится, лишь дайте успокоиться ему и сами тоже успокойтесь, а тогда и сможете поговорить.

— Где Валентин, вы с ним встречались?

— Нет! Я и сама его ищу, но он куда то прячется.

Прошел тяжелый день. Лишь поздно вечером, на том же месте Озеров увидел Лару.

Девушка мучительно его ждала и, наконец, ей удалось его остановить и настоять зайти к ней в комнату. Он в первый раз переступил этот порог. В глазах всё потемнело. Он присел на стул и первым задал ей вопрос: зачем она его оставила здесь и привела к себе.

— Зачем? — она печально посмотрела на него.

Он поднял голову и вздрогнул, увидав её опухшие и красные глаза.

— «Простите Лара! — голос его дрогнул. — Если бы вы знали, как обидно и как больно мне за все страдания, обрушившиеся на вас из за меня и только по моей вине. Я сам страдаю... он умолкнул. Девушка печально опустила голову.

— «Я плакала сегодня целый день и это не сумела скрыть от посторонних. Больше, чем себя, мне жалко вас. Вы извелись совсем. Зачем бежите от меня? Вам что то нехорошее сказали обо мне? Я ваши муки своим сердцем чувствую и потому страдаю за двоих — за вас и за себя.

— «Быть может...

— «Что? — она впилась в его лицо своими влажными глазами.

— «Может быть...

— «Молчите! Я всё понимаю... Боже мой! — её лицо исказилось страданием, она умолкла, собираясь с мыслями.

— «Вы допускаете, что я способна на такую недостойную игру? Ответьте прямо, слышите? Я знать хочу! Теперь я яс-

но вижу всё, что вам налгали на меня. Вы в состоянии понять, что это мерзость? — воскликнула она. — Я даже знаю, кто налгал . .

— «Я тоже знаю. . . это Валентин.

— «к великому прискорбию. . . — добавила она.

Озеров с трудом сидел на месте. Всё кипело в нем. Вновь запылало сердце. Он с тоской смотрел в её глаза, блестящие от слез. Она поймала этот взгляд, вновь выдали его глаза.

— «Я угадала, да? Скажите! Ну, скажите, не терзайте же меня! Я места ведь себе не находила целый день!

Он словно вырвался из темноты на Божий свет. Он с упоением глядел в глаза, в которых было столько искренности и симпатии к нему, которые просили верить им, которые молили о забвении тяжелых мук, которые любили искренно и преданно.

Что может быть позорнее и отвратительнее клеветы? Как он осмелился ступить на этот скользкий путь? Ту девушку, с которой он дружил на продолжении двух лет, которую не оценил, не понял и оклеветал. За что? За то, что смела полюбить другого да еще его приятеля? Ну нет! Поговорим еще мы с ним наедине. Не увильнет от этого свидания. Придется поморгать своими гнусными глазами перед другом.

Озеров не мог сидеть, хотелось вырваться, бежать искать его, ведь всё внутри кипело, как в котле. Он всё сильнее нервничал. Где он сейчас, развенчанный герой.

С тревогой и волнением смотрела девушка ему в глаза.

«Не горячись любезный друг! Ты здесь не на балу у Лариных, а в детском городке, не поддавайся искушению. Смири свой гнев! Зажми себя в кулак, чтоб не наделать глупостей,» — нашептывал ему какой то голос изнутри.

«Ты должен быть предельно осторожным в исключительных условиях приюта, дабы честь Лариссы не запачкать и не дать её на острый язычок любезных кумушек.» Любители посплетничать и брата осудить находятся везде, и в городке они водились тоже.

«Боже, как мне быть, что предпринять, чтоб не наделать шума? Как сдержать свой пыл? Да и не всё ведь только от него зависело. Как поведет себя его противник Валентин?»

Какое счастье, что в такой момент он находился здесь, у Лары в комнате. Она держала его руки, крепко сжав в своих руках. Какой незабываемый момент!

«Вторая Лара» — вспомнил Озеров и, взглядываясь в карие глаза Лариссы, прошептал: «Вот эта девочка — моя любовь! Учись у ней владеть собой!»

Теперь, наполненный до верха счастьем, он выходил из комнаты тихонько закрывая дверь. Осталась только узенькая щелочка. И в эту щелочку он увидел всё тот же ласковый, любовный взгляд её глубоких и прекрасных карих глаз.

Как будто рок какой его преследовал везде и шел за ним всё время по пятам. Лишь только выйдя в корридор и не успев дойти до перекрестка двух дорог, он вдруг столкнулся с Валентином, словно выросшим из под земли. Всё закипело в нем, душа затрепетала, кровь ударила в лицо. Столкнулись бывшие друзья. Остолбеневший Озеров остановился, задрожав, как лист сухой на дереве осеннею порой. И тот остановился перед ним, как вкопанный. Он был неузнаваем. Жалкий, бледный и несчастный Валентин предстал перед своим приятелем с поникшей головой. Он не глядел «противнику» в глаза и отвернулся, словно испугавшись призрака, которого не мог ни избежать, ни спрятаться в укромный уголок.

Свет лампочки неумолимо освещал его лицо в то время, как его счастливый «враг» стоял в тени.

— «Ну, что ж, поговорим? Сама судьба свела нас вместе в поздний час! — сказал, волнуясь Озеров, и подойдя вплотную, он схватил одной рукой за локоть Валентина, а другой за кисть его руки. Тряслись сцепившиеся руки двух друзей. Стучали зубы у того, но видно не от страха, а скорее от стыда за свой поступок, за свое предательство. Два сердца встретились в ночной тиши. Одно пылало от любви, другое би-

лось от тоски, беспомощно и жалобно, как птица, поломавшая крыло.

Как два козла на узеньком мосту они столкнулись лбами неожиданно. Вся разница лишь в том, что, встретившись с противником, один всё наступал, другой всё пятился назад. Хотелось бы уйти, да некуда, и он покорно уступил. Его рука была не на свободе, а до боли сдавлена в клещах счастливого соперника.

— «Чего ты хочешь от меня? — хрипел испуганный певец. Когда чернил свою двухлетнюю любовь, тогда он храбрый был. Когда же в сердце наносил удар приятелю, тогда торжествовал. Теперь стоял он перед ними с печальным видом петуха под проливным дождем. Как жалок был петух!

— «Идем! Здесь нам с тобой не место спорить о своих делах. Зайдем ко мне и там поговорим наедине, с глазу на глаз. Всё разберем, всё выясним, что нас интересует. — Озеров тащил за руку Валентина, словно пленника. Тот шел за ним, покорный злой судьбе.

Зайдя с приятелем в свою уютную квартирку, Озеров закрыл входную дверь на ключ, который тут же положил в карман.

— «Садись! — скомандовал он сухо, занавешивая окна наглухо.

— «Скажи мне, что всё это значит?.. Что случилось?.. Что с тобой? Чего ты хочешь от меня? — взмолился Валентин.

Ты побледнел, как полотно!

— «И ты не лучше выглядишь! — ответил Озеров, волнуясь.

— «Виктор!.. Витя!.. Что с тобой? Ну, говори же! Я ведь ничего... Я...

— «Замолчи! Язык твой — лютый враг тебе! Дай мне сказать! — после короткой паузы он произнес торжественно и тихо: — Я люблю её..! Без памяти люблю! — Тот как то съежился, ушел в себя. — Ты понял ли значение моих слов?

— «Да... нет! Я знаю..., но... не думал я, что это так серьезно у тебя.

— «Не думал? — Озеров сел на диван. — Иди сюда! Да, что с тобой? — Иди сюда! Ну!.. — Валентин покорно поднялся и подошел к нему.

— «Садись со мною рядом... так! Ты говоришь, что ты не думал, ты не знал? Что ты имеешь против девушки, которой ты не стоишь? — Озеров повысил голос.

— «Я... я ничего, я... равным счетом ничего... Ей Богу, ничего!

— «Не смей божиться! Так поверю. Ты мне больше не соврешь и не посмеешь! — Озеров не узнавал своего собственного голоса.

— «Какие у тебя права на Лару?

— «Право никаких!

— «Как ты осмелился так распустить себя, как допустил такие вольности, как смел её позорить предо мной?

— «Не знаю... Ничего не знаю я...

— «Что было между вами? — Валентин молчал. — Большие капли пота выступили у него на лбу.

— «Я ничего, ей Богу, ничего!

— «Опять божиться стал? Чего ты добивался от неё? Ну говори скорей! — тот нервно теребил в руках свой носовой платок. С опаской покосившись на хозяина, он еле слышно произнес: — Я тоже ведь...

— «Ну, что?

— «Любил её...

— «А что она?

— «Не знаю... ничего... Да что ты нападаешь на меня? —

— «Ну?

— «Говорю тебе, не знаю; мне казалось, что она... меня любила.

— «И до сей поры тебе всё кажется? — Молчание. — Я жду! И говори всю правду, иначе...

— «Я не уверен... — перебил он Озерова.

— «Может быть, она тебя и не любила?

— «Может быть...

— «Эх ты, артист Ор... лов! «Только для вас я буду петь. На вашу карточку молиться буду»! — сыпалось на голову «великого артиста» Валентина. «Жорж Орлов» оторопел и чуть не с головой влез в свой пиджак, так сильно съежился.

— «Значит... она тебя серьезно любит? — произнес певец загробным голосом. — Она тебе всё рассказала обо мне?

— «Я знаю все твои «художества» последних дней. Буквально всё, чем осыпал тебя ты её. Как ты осмелился так грубо оскорблять её?

— «Я... я... не оскорблял!

— «Врешь! Ты слово мне давал не врать. «Ты так обманул её.» Кто это говорил? Кого ты этим оскорблял?

— «Тебя!

— «За что?

— «Я ревновал... Мне было очень тяжело...

— «Тебе? всё только о себе заботился. А как она всё это перемалывала, бедная? О ней ты не подумал? Нет? «Ты ширма между нами», а? Молчишь теперь «печальный рыцарь»! Не на рыцаря ты смахиваешь, а скорей на курицу. Не веришь? Полюбуйся в зеркало на свой портрет. Споткнулся и свалился в грязь и мордочку свою запачкал! — Озеров махнул рукой. Настала тишина. Приятели сидели молча. Озеров, повидимому разрядился окончательно и, глядя на товарища «Орлова», ему стало жалко Валентина.

Тот молчал. Лицо его было бледно и пасмурно, как видно, он грустил.

«Лежачего не бьют — не правда ли? Зачем ты так безжалостно отделал друга? — Озерову стало стыдно. От обиды не осталось и следа. Ради любви и дружбы, ради счастья своего, хотелось всё простить. Он искоса взглянул на Валентина и, слегка обняв его, спросил: «Не сердись?»

Тот, вздрогнув, приподнял своё печальное лицо. Ему не верилось, он думал, что ослышался. Глаза их встретились. В них не было вражды. Была лишь только грусть в одних и ласковость в других.

— «Прости! Возьми её... пожми! — сказал волнуясь,

Озеров, протягивая руку Валентину. Тот схватил её и с силой придавил к своей груди.

— «Спасибо!.. Легче стало. Ты простил, а... Лара не простит мне!

— «Бог с тобой! Как мог подумать ты, что Лара не простит. Она уже простила... я уверен! — говорил, волнуясь, Озеров. — Теперь иди! Иди, пожалуйста!.. Так много пережили мы за этот день. Иди! Забудь, что было между нами. Слышишь, Валентин Петрович?

— «Слышу! Слышу! — повторил он.

— «Что еще?.. Ну, говори мне, — легче будет на душе.

— «Она!..

— «Да, что она?

— «Она... мне не простит.

— «Ты ошибаешься! Пойди к ней завтра утречком и, как мужчина настоящий, попроси прощения... и ручку на прощанье поцелуй! — «Ну, ладно, не сердись... я так, по дружески, сказал, — добавил Озеров, заметивши, как передернулось лицо приятеля.

— «Ну, уходи скорее! Убирайся вон, пока не прослезился, как две девочки-подруженьки «до гробовой доски».

— «Тебе то хорошо шутить... хотя, кому я это говорю...

— «Сам виноват, что наварил, то и хлебай, а плакать не о чем. Иди скорей! Ну, что стоишь? — случайно вспомнил Озеров, что запер дверь на ключ и ключ в кармане. — Тьфу ты пропасть! На, возьми, открой и уходи!

— «Спасибо, я не закрывал, не мне и открывать. Не я арестовал тебя, а ты меня, так ты и выпускай!

Итак друзья расстались. Рано утром Валентин уехал, не простясь ни с кем.

РАСЦВЕТ

Жизнь в детском приюте текла, словно речка в своих берегах: то спокойно, задумчиво, то волнуясь, бурля, то опять замолкала и тихо шепталась в густых камышах; то опять,

под порывами ветра, под шумом грозы, она снова бурлила и снова кипела. Огромные белые гребни вновь с ревом бросались на берег, шумели и бились о скалы и снова катились обратно в реку, на встречу потоку и новым волнам, широко разливались они по отмели и, схлынув назад, оставляли на гладком песке свою белую пену. Вместе с пеной и сор, приносимый течением вод, осаждался по берегу речки и плыл по затихшей воде. Этот мусор — житейская накипь — на долгие дни осаждалась в душе, пока медленно вновь не расцасывалась. Нервы вновь успокаивались. Организм перебарывал все неурядицы. Вновь на сердце покой, вплоть до новых раскатов житейской грозы. И всё то, что, казалось, давно устоялось, давно улеглось, снова мутной волной выплывало вверх.

Какие изменения происходили на глазах у Озерова за сравнительно короткое его там пребывание. Почти еженедельные и явно беспричинные перемещения и увольнения учителей и воспитателей, а также служащих вносили путаницу и расстройство в деловую творческую жизнь учительского коллектива.

Назначались люди далеко не компетентные, недобросовестные, чуждые. Они вносили в общество разлад и несогласие, и это всё неблагоприятно отражалось на занятиях, на воспитании несчастных призреваемых детей. Такие люди не могли, конечно, долго удержаться на работе. Уходя же, оставляли по себе плохую память и осадок горечи и след тяжелых и дурных воспоминаний.

Как, например, могла попасть в семью учителей и получить в Наробразе назначение на должность воспитательницы женщина, заведомо сомнительной и скверной репутации. Она явилась неожиданно с рекомендательным письмом, каким и от кого, никто не знал и пробыла всего два месяца. Особа эта, молодая, «скромная» на первый взгляд, предпочитала общество мужчин, а в женском обществе не находила себе места. Женщины платили ей полнейшим презрением. Однако, это всё её ни мало не тревожило.

В присутствии мужчин тотчас же перерождалась. Оживленная, болезненно воспламеняющаяся и нервная. В её полубезумных серо-голубых глазах, которые впивались в жертву было много страсти и отравы.

Озеров один из первых удостоился её «внимания». Произошло это во время танцев в зале городка.

Встревожилось сердечко Лары; запылали щеки в этот памятный момент. Метали искры карие глаза. В одно мгновение Лара подскочила к Озерову, подхватила его под руку и увлекла из комнаты.

Свою любовь она оберегала, как умела. Но куда идти и где искать покоя и забвения? Сердечко подсказало ей, что только там, в саду, под нежным, трепетным сиянием луны.

Протиснулись через толпу танцующих и вышли на террасу. Ароматный теплый ветерок ударил им в лицо.

И вот они уже спускаются по лестнице, они уже внизу. Луна стояла в небе высоко, почти над головой. Своим таинственным, пленительным и мягким бледным светом освещая путь влюбленной паре, удалявшейся в ночную сень.

Как легкое видение в ночной тиши, как тени, шли они вдвоем среди акаций, наполняющих весь сад душистым ядом.

— «Спойте чтонибудь! Так хочется послушать вас, — чуть шевеля губами, тихо попросила девушка.

Упрашивать не нужно. Озеров запел вполголоса знакомую ей песню. Звуки полились в прозрачной тишине то тихо и задумчиво, то нарастая вновь, то снова затихая. Резонанс лесной услужливо поддерживал певца, усиливая звук и унося его по просеке, идущей к озеру, там разливался эхом по окрестности, пока не замолкал.

«Стемнело зарево заката

слилось с лазурью голубой.

«Туманной дымкой даль объята,

поднялся месяц над рекой. . .»

Затихли звуки песенки, замолкло всё кругом. Как будто тишина еще усилилась, и только сердце девушки ритмично

билось под прозрачной кофточкой, слегка ускорив бег. Луна их осветила мягким нежным светом.

— Как здесь хорошо! — шепнула спутница. Они остановились на распутьи, думая о том, куда идти? Вперед или назад. Любовь искала выхода. Пошли вперед. Она, потупя взор, едва переступая с ноги на ногу, словно боялась незначай спугнуть счастливые минуты. Озеров, как будто в униссон своей чудесной спутнице, задумавшись, молчал.

И вот, случайно или нет, со вздохом вырвалось из уст его. Чуть слышно произнес он эти вечные, волшебные слова: — Как я люблю вас, Ларочка! —

Виновница прогулки повернула к нему голову и вздрогнула её рука в его руке. Казалось, это было для неё не новостью. Она это слыхала от него не раз. Однако, это было сказано совсем не так, а как то иначе — глубоко, задушевно, убедительно.

Улыбка засветилась на лице у Лары, и она вдруг, шаловливо так, взглянув своему спутнику в глаза, сказала:

— Докажите, что вы любите меня!

Он улыбнулся и поцеловал её руку.

Вернулись, быстро поднялись по лестнице наверх. Зашли к ней в комнату и сели на диван. Она всё не могла придти в себя. Как это так могла она задать такой вопрос? Ей было стыдно и смущенная она сидела рядом с ним.

Вот снова день прошел и вечер наступил. Луна была в зените. А любовь? Повидимому и она к зениту подошла.

Их снова потянуло в лес. В нем так волшебнo хорошо, таинственно и тихо. Вдруг она услышит те же чудные слова: Как я люблю вас, Ларочка! — Всю ночь они звучали в голове.

Он снова на террасе, ждет её. Она спешит к нему. Спускаются по лестнице. Идут рука в руке по той же памятной аллее. Милая тропиночка! Она полна волшебных грёз. Сегодня, так же, как вчера им освещает путь волшебница-луна. «Аллея грёз» так называл Озеров чудесную тропу. Она уж пройдена, они опять в лесу.

Сначала были грёзы и мечты, потом объятия, за ними пер-

вый поцелуй. Как это всё произошло? Вошли в сосновый лес и сели на траву под деревом, в густой тени кустов. Сняв с плеч своих пиджак, накинул на подруженьку, сам сел к её ногам.

Не спрашивая разрешения, он вытянулся на спине и положил к ней на колени свою голову. Прошло минуты две. Она приглаживала ему волосы, водила пальчиками по лицу. Сама же не сводила глаз с него. Он это видел в темноте, глаза у ней блестели. Лара наклонила своё личико к его лицу. Оно уже совсем приблизилось. Горячее её дыхание он чувствовал на собственном лице. И, как то невзначай, обвив руками шею девушки, он притянул её к себе.

«Нашли друг друга, наконец, застенчивые губы». Как и тогда, во сне, в ладье они сидели рядышком «под трепетным лучем предутренней зари». Так и теперь в лесу, но только не во сне, а на яву.

Как долгод был волшебный миг? Возможно ли учесть минуты подлинного счастья, оставшиеся в памяти у них навеки, на всю жизнь.

Лишь только холодок ночной помог очнуться от забвения времени, да крик пичужки в стороне встревожил их, заставив встрепенуться и прийти в себя.

И вдруг знакомое «ку! ку» звучит над головой. Насторожились оба, начали считать: пять, десять, двадцать, тридцать, тридцать пять. . , а добрая колдунья продолжала куковать. Довольно, кажется, зачем так много лет?

Тут оба сбились, потерявши счет годам и поцелуям.

ИСКУШЕНИЕ «ВЕНЕРЫ»

С каждым днем всё крепче и сильнее росла любовь. Казалось, что никто им больше не мешал. В действительности же судьба готовила двум воспитателям еще одно большое испытание.

Известно, как болезненно воспринимала Вера Павловна крушение своей любви. Однако, время шло. У неё родилась

дочь, и раны сердца затянулись. Вновь она ходила гордая и обаятельная.

Сердце женщины рвалось к победам. Озеров стал замечать со стороны её к себе всё более предупредительности и внимания. И вообще, он стал заметнее. Он был, как видно, на виду у ней. При встрече, мило улыбаясь, награждала Озерова взглядами. Она его заботливо и мило спрашивала: не нуждается ли в чемнибудь и как живет. Не примитивны ли условия, в которых он находится? О, если это так, он может, не стесняясь, обратиться к ней. Она охотно поспособствует ему во всем. Всегда, всегда готова Вера Павловна ему помочь, лишь только пожелает.

Озеров был скромен, вежлив вообще, а с женщинами и тем более, с начальницей в особенности. На вопросы Веры Павловны он неизменно отвечал, что не нуждается ни в чем и благодарен ей за все заботы и внимание к нему.

— «Скажите, почему вы не заходите ко мне, чтобы развлечь меня и вечерок покоротать наедине со мной?» — при встрече с Озеровым спрашивала Вера Павловна. Такие встречи во дворе или в саду всё чаще стали повторяться.

— «Что вы прячетесь? Как крот сидите в студии, зарывшись с головой в журналы и рисунки? Ай, ай, ай! Я вас еще сегодня и не видела. Наверно, всё работаете?» Озеров молчал.

— «Не кажется ли вам, что вы довольно гордый человек?»

— «Нет, Вера Павловна, не думаю. Ведь я довольно прост, и мне гордиться не к лицу.»

— «В вас скромность говорит, а скромность лучшее свидетельство душевной чистоты! Я понимаю вас. . . Да, кстати! вы еще не слышали о том хорошем мнении, которое составилось о вас в Наробразе?»

— «Нет.»

— «Так вот я вам об этом говорю и радуюсь за вас. О ваших же учениках не смею говорить. Вы так заворожили их, в особенности девочек, они все без ума от вас. Смотрите, не вскружите головы девицам, ха, ха, ха! У вас есть взрослые,

совсем уж барышни. — Она кокетливо взглянув на Озерова, погрозила ему пальцем на прощанье. Озеров задумался.

Был тихий летний вечер. Солнце плыло по вершинам многолетних сосен и берез, стараясь спрятаться в густом лесу и отдохнуть до следующей зари.

Идя по делу, Озеров опять столкнулся с Верой Павловой. Она была очаровательна. Одета элегантно-просто, но со вкусом женщины, желающей понравиться. Эскиз в два-три мазка дополнить может каждому его воображение.

Её блестящие, зовущие глаза глядели ласково из под густых ресниц. Но эта ласковость во взоре львицы прикрывала непреклонное желание добиться своего, а цель одна любовь цыганки — страстной, беспашапной и неукротимой.

— «Ах, как кстати я вас встретила в такой прекрасный вечерок. Вы не хотели бы пройти со мной. . . Не очень далеко, лишь только до Вавиловки?» — Она вторично обожгла его горячим ядовитым взглядом. Озеров смутился. Вы свободны?

— Да занятия давно закончены и я охотно провожу вас до Вавиловки. — «Охотно» было сказано довольно холодно.

— Простите за мою нескромность и настойчивость. Вы не боитесь быть со мной наедине?

— Я не совсем вас понимаю! Почему я должен этого бояться?

— Ах, как вы наивны. . . Почему! Да просто потому, что я ведь женщина, к тому же и. . . опасная для некоторых скромных молодых мужчин. . . Ну, если не боитесь, так возьмите меня под руку, вот так! — Она повисла на его руке. Немного помолчав, она заговорила вновь.

— Поверьте, милый друг, что от меня ничего не скроется. Уж если я не ошибаюсь. . . нет, конечно, нет! Вы, скромный мальчик, завели себе дружка? У вас имеется симпатия, не правда ли, я угадала ведь? О-о, не краснейте! Я не думала вас этим упрекнуть. Во-первых, это дело не моё — любить не запрещается. А во-вторых, ведь вы сейчас в расцвете лет. Возможно, что и сердце ваше уже занято? — настойчи-

во сверлила Вера Павловна. — Здесь столько милых лиц. Не мудрено увлечься кемнибудь из наших барышень, а может быть... и дам. Вот кстати, вы сегодня видели Лариссу Павловну?

— Да, видел раза два.

— И к ней заходите?

— Да.

— Славная она, не правда ли? — Молчание. — Красивая, такая стройная и привлекательная..., добрая, трудолюбивая и честная. — После минутной паузы она добавила: моё желание — её пристроить.

— Как пристроить?

— Выдать замуж. — Озеров встревожился. — Есть на примете у меня прекрасный человек; он всеми уважаемый, серьезный, рассудительный и дельный. Главное, он нужный и полезный здесь. Он говорил мне о своей любви к Лариссе Павловне, причем просил неоднократно о содействии. Вы сами понимаете, что это дело очень щекотливое и деликатное. Присватать девушку, на первый взгляд, нетрудно, а на деле то выходит иначе. Все наши девицы упрямы, несговорчивы. Конечно, и Ларисса Павловна не исключение.

— Вы обещали? — вырвалось у Озерова.

— Да, я обещала всеми силами и всем своим влиянием помочь ему! — От этих слов у Озерова захватило дух. — Я намекала ей, но, как и следовало ожидать, она и слышать не хотела, фыркнула и даже рассердилась. Вы же знаете меня — я духом не упала... нет! Всё можно одолеть. Я с этим делом не спешу. Есть время убедить её. Не о себе я думаю, о ней, я счастья ей хочу... А если нет!... — она нахмурилась. — Ах, вот мы и пришли. Как заболталась я, что даже не заметила... Я очень благодарна вам, что слов не нахожу. Вы были так любезны и милы, и так галантно проводили даму... Если вы имеете желание... — она вплотную подошла к нему и, вынув маленький батистовый платок непринужденно поднесла его к своим губам, — ...если имеете желание и не торопитесь... туда! — тогда вернемся вместе, хорошо? Прошу вас обождать меня... всего, од-

ну минуточку! Я вас не задержу, не беспокойтесь, милый друг, на задржу! — Она играла носовым платком и хлыстиком с красивой ручкой из слоновой кости, окаймленной золотом.

Настойчивый сверлящий взгляд коварной женщины впервые бросился в глаза учителю, заставив глубоко задуматься. Тревога за Лариссу, вновь запала в сердце Озерова.

Кто из смертных мог бы не понять угрозы счастью своему? Так захотелось вырваться и убежать, — да убежать к той, в руках которой было всё, что дорого ему теперь. Вся жизнь его, всё счастье их двоих.

Едва закрылась дверь за Верой Павловной, как Озерова «след простыл». Он убежал позорно, без оглядки, в лес. Бежал кратчайшим путем, объятый думами настойчивыми, невеселыми.

Как поступить теперь, что предпринять? Ему и ей грозит реальная беда. Он знал, что значит «право сильного», которым пользуются люди недостойные, но власть имущие.

При первой же попытке запугать её лишением не только покровительства, а даже увольнением со службы, предложить Лариссе обвенчаться с ним. Он сознавал, что этот шаг в данный момент опасный, преждевременный, но и единственный в подобном случае.

Какой же результат? — Потеря службы и разрыв с начальницей. Время тяжелое. Они вдали от города, останутся бездомными, без средств к существованию, — ведь есть над чем задуматься. Им нужно как нибудь стараться оттянуть решение судьбы и время выиграть во что бы то ни стало.

В голове сумбур от множества проектов и намерений.

Вернувшись Озеров застал Лариссу опечаленной. Она в волнении ходила взад-вперед по комнате. То выходила на крыльцо и всматривалась в лес и всё ждала, ждала. Она ведь видела свиданье Озерова с Верой Павловной и с болью в сердце провожала их глазами. Сердце девушки почувствовало страшную угрозу их любви. Она не спрашивала ни о чем взволнованного друга. Только глазки карие пытливо

искоса глядели на него. Она боялась и ждала чего то неприятного, что мог он принести с собой оттуда. . . от неё

Он сразу же заметил беспокойство на её лице.

— Скажи мне, что с тобой? — Случилось чтонибудь, и почему ты так взволнована? — он спрашивал скороговоркой, пряча собственное беспокойство и волнение, бурлившие внутри.

— Пока, как будто не случилось ничего, но может и случиться в скором времени, — ответила она.

— Что хочешь ты сказать? Ну, говори!!

— Ты не волнуйся. . . Это ничего. . .

— Что ничего?

С минуту помолчав, собравшись с мыслями, она поведала ему свою печаль.

— В последнюю неделю Вера Павловна к ней сильно изменилась. Стала насторожена, не так приветлива, не ласкова, как прежде. Сухо отдаёт распоряжения и часто сердится, уходит недовольная к себе.

— И это всё?

— А что еще? — Ларисса жалобно глядела на него своими грустными глазами.

— Вера Павловна имеет на тебя виды. Как страшно мне!

— Ну, что ты!

— Да, да, да! Я понимаю всё. Она ревнует, бесится, что я невольно стала на её пути. Она, наверно, уж похвасталась, что хочет сбить меня и выдать замуж.

— Да, похвасталась, но не сказала за кого. Кто тот счастливый человек?

— Заведующий мельницей. Какое «счастье» мне! Он правая рука у Веры Павловны.

— Но это нереально, неестественно, и просто бред какой то! — волновался Озеров.

— И да, и нет! И бред, и горькая действительность.

— Влюбленная мегера далеко нацелилась! Двух зайцев сразу метит застрелить, не так ли? — нервно крикнул Озеров взъерошив свои волосы. Ларисса, боязливо бросив

взгляд на дверь, закрыла ему рот рукой. Он улыбнулся и поцеловал ладонь.

— Ты меня любишь?

— Больше жизни!

— Не отдашь, не бросишь?

— Бог с тобой, что ты сказала? Без тебя теперь и жизнь мне не мила!

— Мой милый, мой единственный!

— Не надо плакать, бедная моя!

Он с нежностью смотрел на свою ласточку, о чем то думая. Затем порывисто схватил её за обе руки и спросил:

— Хотела бы ты быть моей женой?

Ужели мир перевернулся?! Лара не могла произнести ни да, ни нет!

Лишь только грудь её красивая вздымалась чаще от волнения и радости.

«Уж не ослышалась ли?» — думала она.

— Что ты сказал мне? Повтори! Хочу еще раз убедиться, что не брежу, не ослышалась?

Он, глядя ей в глаза, чуть слышно повторил:

— Ты хочешь быть моей женой?

— Какая я счастливая и... презабавная, смешная... Что я плачу то? От радости не плачут, а смеются!

— Плачут! Плачут и смеются, вот как ты сейчас!

Она повисла у него на шее, прижимаясь, словно кто то покусался на её любовь, и терлась мокрыми от слез щеками о его лицо. Счастливый Озеров, держа в объятиях невесту целовал её глаза, а струйки слез, застывшие на щеках, вытирал своим лицом.

— Я никому не уступлю тебя — мою невесту, эти карие глаза, которые так сильно полюбил.

— А я!.. — Что ты? — Я не пущу тебя...

— «Куда? — Тень пробежала по её лицу, она поникла головой.

— Куда не хочешь ты меня пустить?

Она вздохнула: — К ней... туда! Она такая сильная, красивая, богатая, а я... такая бедная! Я так её боюсь! Тог-

да, вон там, она впилась в тебя глазами, как тигрица! Я уж больше не дуюлю её. Такая ненасытная, готова всех мужчин себе забрать. . . в тебя вцепилась!

— Успокойся, милая моя! Ей нас не разлучить. Нас Бог соединит!

Так снова началась борьба за счастье. Без борьбы, как видно, не дается ничего, — подумал с грустью Озеров. Враг сильный и настойчивый. В ход будет пущено, конечно, всё от женских чар до женской мести.

Что ж, поборемся!

Нужны терпение и осторожность, осторожность и терпение. Придется покривить душой во имя светлой цели.

После памятного вечера спокойствие ничем не нарушалось. Правда, Вера Павловна была раздражена поступком Озерова: как он смел так поступить, как мог её покинуть на Вавилонке? Вернувшись в одиночестве, она метала гром и молнии, высказывала недовольство всем и вся. Крутом всё делалось не так.

Набегавшись по дому, напумев, ушла к себе и заперлась до следующего дня. День на второй потребовала к себе Лару. Последовал приказ пойти с ней вместе на Вавилонку и там произвести учет инвентаря. Она была веселая, шутила с девушкой. Однако, не успели женщины спуститься вниз и выйти на тропу, как вдруг она спросила вкрадчиво: — Я слышала, как будто бы, у вас опять роман?

От неожиданности девушка сконфузилась и покраснела вся, как маков цвет.

— Простите! Я не думаю вас в чем то упрекать или читать нравоучения, наоборот, я вас хочу предостеречь. Меня пугают ваши увлечения мужчинами, причем, довольно частые. Как будто до сих пор у вас был длительный роман? . . Пойдите, я не всё сказала. Валентин Петрович из за вас покинул городок и даже не изволил известить меня о том. Что это значит, что случилось между вами?

Девушка молчала. После паузы последовал второй вопрос.

— Вы, кажется, его любили?

— Нет!

— Вы не любили, отвечайте прямо!

— Не любила!

— Даже так? Смотрите, моя милая, вы очень ветрены, а главное, неосторожны в отношении мужчин. Вы их совсем не знаете и можете нажить большие неприятности. Теперь вы, кажется, заинтересовались Виктором Петровичем, не так ли?

— Да! — решительно ответила Ларисса.

— Ну, а как же Валентин Петрович?

— Я не знаю. Признаюсь и вспоминать не хочется. Его я не любила никогда.

— А Виктора Петровича то что ли любите? — Совсем смутилась девушка. Ей так хотелось убежать от этого вопроса Веры Павловны.

— Не бойтесь, отвечайте мне, я не хочу вам зла. Мне жаль вас, видит Бог, как «дочь свою»! Ну, говорите смело!

— Да, люблю его всем сердцем! — уронила девушка.

— С чем вас и поздравляю! — не могла скрыть раздражения начальница. — Я вам, как мать добра желаю. Вы неопытны, совсем еще ребенок. Что вам говорил Виктор Петрович, что он любит вас?

— Да, говорил.

— Всё та же песенка, всё те же старые избитые слова. Конечно, любит, как же иначе! — злорадно засмеялась Вера Павловна. — Какая бедная вы жертва и как жаль мне вас. Ужели вы серьезно верите его словам?

— Да, да! Он только правду говорит, он не умеет врать!

— Всё это глупости! — всё больше раздражалась Вера Павловна. — Не верьте вы ему! Мужчины все поют красиво, убедительно, когда хотят добиться своего. Он тоже, как и все, и вас не любит, верьте мне! Он лишь играет с вами, наигравшись, бросит вас, как вещь ненужную, и всё. О жалости им не пристало говорить. Не первая вы у него, в чем я уверена. Понежился и поиграл и был таков! Какие же последствия для вас? Вы это уясняете себе, хоть чуточку?..

Разбитая любовь, разбитые мечты и слезы горькие, а может быть, похуже станется.

— Напрасно вы его так оскорбляете. Он вовсе не такой! Я лучше знаю и... люблю его! — с горячностью вступилась оскорбленная Ларисса.

— Вот как! Вы это мне вторично подтверждаете, так далеко зашло у вас? Как это мило получается, я вынуждена уступить. Вы опытнее и умнее, где уж мне. Вы лучше знаете его, что он хороший, честный и... конечно, лучше всех, без памяти влюблен и, может быть, он даже женится на вас? Ха-ха! Очаровательно, прелестно, восхитительно!... Какая умная вы стали вдруг, и я, конечно, уж глупее вас! А я то думала, что делала для вас добро!...

Смотрите, чтобы не пришлось раскаяться и пожалеть! Я вас терплю, но это только до поры — до времени. Не забывайте, помните всегда, что вы... «ничто», Ла-ри-и-сса! Ха, ха! — истерически смеялась Вера Павловна, не замечая, что творилось с бедной девушкой. Лицо начальницы покрылось пятнами, глаза горели, грудь вздымалась бурно и порывисто, она глотала воздух.

Лара растерялась окончательно. Она беспомощно покачивала головой, как бы не веря собственным ушам и вздрагивала. Что случилось с бедной девушкой? За что её так оскорбила Вера Павловна, которую она любила — благодарная. Которой была предана... За что? Что сделала она плохого ей?

И вдруг начальница, словно нечаянно, заметила дрожащую всем телом, перепуганную, бледную Лариссу. Ей до боли стало стыдно перед слабой, незащитной сиротой.

Она взяла холодную, худую руку Лары: — Не сердитесь на меня, Ларисса Павловна! Погорячилась я. Забудьте этот разговор... — она запнулась, пересиливая собственное самолюбие. Вздохнула, как бы отмахнулась от него, и продолжала говорить: — Я верила сама когда то, да!... Я то же ведь любила, как и вы... Вы слышите ли, моя девочка? — с отчаянием и горечью вдруг вырвалось у ней. Глаза её заискрились.

— Как я тогда любила! Боже мой, как я любила. . . , как я плакала! Вы сами знаете, как я страдала и сейчас еще страдаю. Если бы вы знали всё! . . — конвульсия подернула её лицо. Она сдвинула руку девушки и, притянув её к себе поцеловала. Вера Павловна крепилась, но не выдержала, слезы заблестели в её глазах.

Лариссе стало жалко Веру Павловну.

С расстроенными нервами, «расстрепанными чувствами», как говорили в городке, ходила Вера Павловна недели полторы. Она всё чаще стала запирается у себя, в своем особняке, подальше от людей, которых не хотела видеть.

Гордость сильной, властной женщины была ущемлена. Ей всё повиновалось до сих пор. Она не знала возражений, делалось всё так, как приказала Вера Павловна. К тому же она женщина, и этим всё оправдано. Ведь стоит призадуматься над тем, что скромная и тихая девица стала поперек дороги ей, всесильной госпоже «помещице».

Начальница питала слабость к этой девочке, которую любила и жалела, доверяя ей во всех своих делах. Ларисса отвечала ей взаимностью. И вот, теперь всё вдруг перевернулось кверху дном. Они — соперницы. они — враги. Ведь, можно только посмеяться, но. . . Им не было смешно, ни той, и ни другой.

Но вот хандра прошла.

«Не лучше ли пустить все чары в ход и всё использовать в борьбе?» — решила Вера Павловна.

Вдруг кличут всех наверх *). Хозяйка вышла на балкон. Уж сколько раз садовник говорил: — Пора, де, вишню убирать.

— Готовоить лестницы, корзинки и всё прочее, что нужно для уборки ягод.

— Все сюда! Все молодые женщины и девочки. Никто

*) Морское выражение. Сзывают экстренно команду корабля «наверх», на палубу.

не должен оставаться в помещении. Всем стать пред ясными очами Веры Павловны!

Сбежались девочки, пришла и Лара. Вера Павловна её приветствовала вежливо и даже ласково, как будто между ними ничего и не было.

Всё приготовили и лестницы поставили. Подолы подогнули, рукава засучили, косынки подвязали, обувь в сторону отбросили и босичком полезли на деревья. Вера Павловна была веселая, как никогда, и первая полезла вверх по лестнице.

— Давайте, девочки, споем, чтоб веселей работалось!

— Что будем петь?

— А что вы пели в воскресенье?

— «Девицы красавицы».

— Все знаете?

— Все, все! — послышалось из за ветвей деревьев.

Озеров не знал, что делалось в саду, когда слышал пение девиц. Он подскочил к окну и перед ним знакомая картина из «Онегина»: вишневый сад, деревья все усыпаны кроваво-красной вишней. На ветвях, как воробьи, сидели девочки с корзинками в руках.

Хотелось Озерову выйти в сад. Он видел свою Лару среди других девиц. Она смеялась и шутила, заражая всех своим весельем, а он смотрел в окно, но в сад не выходил. Что же мешало Озерову выйти, посмотреть на чудную картину и послушать пение?

Там среди них была «она», которая ему весь день покоя не давала.

Вера Павловна сама командовала армией девиц и вместе с ними пела песенки. Потом спутившись вниз и подозревая к себе Лариссу, что то наказала её и удалилась.

Озеров закрыл окно и пулей выскочил из студии. Вот он уже в саду, его увидели и стали подзывать к себе. Он подошел, все замолчали почему то, тихо перешептываясь меж собой.

«Какие радостные, раскрасневшиеся лица!» — подумал Озеров. Он не заметил ничего и не почувствола предательст-

ва, когда кровавый град посыпался ему на голову. Он тут же бросился бежать. Другого выхода не было. Что мог сделать он один против девичьих батальонов?

— «Не ходи подслушивать песенки заветные!»... — несло с деревьев позади его. Не выдержали девочки, прервали пение и раскатились дружным хохотом.

— Не бойтесь, подходите к нам! — заманивала Лара своего героя, уверяя, что опасность миновала. — Правда ведь, не будем больше?

— Нет, конечно, нет! Смелее подходите к нам! — кричали все наперебой, и Озеров поверил им. Ему так не хотелось уходить от этих воробьев, которые расселись по сучкам.

— Ну подходите же, не бойтесь нас, мы обижать вас больше не хотим! — манили молодца коварные девченки.

— Я вас вовсе не боюсь!

— Зачем тогда вы удирали без оглядки? — крикнула одна из воспитательниц. — Зачем позорно убегали вы под градом наших сладких пуль?

— Не слишком ли уж сладкие они? Такие же, как и улыбки ваших глаз? Я знаю цену девичьим глазам, а пулям и проделкам вашим и тем более. Они опасны иногда и лучше уходить подальше от греха!

— И правда ведь, смотрите, девоньки, он весь изранен, весь в крови!

— Как жаль нам молодца!.. Что будем делать?

— Пожнать плоды! Рубашку то мою, кто приведет в порядок, а? Кто смоет кровь?

— Я! Я! — несло со всех сторон.

— Ну ладно уж, потом поговорим. Особенно достанется вон тем, что там повыше забрались да и чирикают!.. Я доберусь до вас. ! Пойдите же, девченки гадкие, прегадкие!..

— Ау-у! Ау-у! Виктор Петрович, слышите? — раздался звонкий голос Веры Павловны. Она стояла на террасе и звала его к себе. — Идите поскорей сюда и покажитесь мне, что с вами сделали девчонки шаловливые? Пожалуйтесь на них!

— Ого! Какой у вас растерзанный, печальный вид, — она

сочувственно качала головой. — Не сами ли полезли вы в осиное гнездо? Как видно, вы еще неопытны и незнакомы с девичьими шалостями. —

Вера Павловна хихикала, жеманничая, словно девушка в пятнадцать лет. Она стояла у перил, облокотившись на бруствер и подставляя грудь испуганному взгляду «трубадура».

И действительно она казалась девушкой, во всяком случае, моложе своих лет. Одега просто и воздушно. Кофточка с короткими рукавчиками, вся прозрачная, как вешняя лазурь или как юная мечта, намек на что то. Гимназическая юбочка, коричневая и короткая, стыдливо доходила до колен. На ножках — свежие прозрачные чулки мечтательно-го цвета. Две косы, как две огромные змеи, спадали вниз до самого сидения. И вдруг, непринужденным жестом головы они взметнулись вверх и, перекинувшись вперед, красиво улеглись поверх груди.

Она стояла у перил сама, как ясный майский день. «Венера вышла на балкон» — так озаглавлена картина неизвестного художника. Но вот она сбежала в сад и заспешила по траве, мол, догоняйте, коли сможете догнать.

Она уже полезла по ступенькам лестнички на дерево и спряталась в листве. А «бедный» Озеров, как видно, «выбивался из последних сил», таща туда же собственные ноги и «стараясь не отставать от милой дамочки».

— Куда же вы, постойте! — кликнула Венера, видя, что он хочет улизнуть. — Какой неповоротливый субъект! Вы не умеете ухаживать за дамами! Я еле удержалась на ногах, чуть не свалилась с дерева! — «Как жаль!» — подумал Озеров. — Идите же скорей сюда и подержите лестницу.

Тяжелый труд, еще труднее испытание. А что же бедная Ларисса Павловна? Она была грустна. Веселости былой и след простыл.

— Где же дошкольники? Я их не вижу на площадке, где они? Наверно разбрелись по комнатам. Ларисса Павловна, скорей бегите в дом и обойдите спальни малолеток. Выведите всех на улицу. Где Анна Карловна? — так Вера Пав-

ловна гнала свою помощницу подальше от себя, — она мешала ей.

Каким печальным взглядом обменялись Озеров с Лариссой. Сердце бедной девушки рвалось на части, глядя на такое странное свидание у лестницы.

Беда обрушилась на них. Ей стало страшно. Поскорей бы день прошел и вечер наступил. Опять он будет только с нею. И какая эта Вера Павловна бессовестная, вероломная. С чего вдруг прицепилась к ним? Сама же наговаривала на него. Сама же, как пчела летит на мед и тянется к нему.

«У, у! Ведьма старая! Как я тебя любила прежде, а теперь всем сердцем не люблю!»

Как больно бедной девушке, как тяжело ей оставлять его наедине с такой ужасной женщиной. Ведь не поймет никто, никто не пожалеет, только он один. Какое счастье дал ей Бог. Вся жизнь теперь перевернулась. Как жила она одна, до встречи с ним, ей было непонятно. Каждый день и каждый час — всё время хочется быть с ним вдвоем и никуда его не отпускать. Что он сейчас, бедняжка, думает, что чувствует и как болезненно переживает? .. Ну, а вдруг она... О, нет! Избави Бог, я не хочу! .. Как страшно мне. Он мой теперь, ты слышишь, мой! Я не отдам тебе его!

Она вбежала в комнату, объятая тревогой и тоской. Схватила на руки подушку, обняла её, зарывши в ней свое пылавшее лицо. Немного успокоившись, вновь вышла в сад.

— Ну что?

— Там нету никого, они наверно все пошли гулять в поле или в лес.

Повидимому Вера Павловна решила издеваться до конца над сердцем бедной девушки. Лишь только та приблизилась, как услышала голос Веры Павловны.

— Виктор Петрович, подойдите ближе к лестнице. Я не могу тянуться к вам, могу упасть, могу убиться ведь. Я собирала вишенки для вас получше, поспелее. Подставляйте рот! Она смеялась без конца, кокетничая с ним. Сама косилась в сторону Лариссы. Девушка была не в силах скрыть своей безумной ревности и боли.

Озеров не выдержал. Он сделал жест, что поперхнулся вишней и пошел из сада, бросив взгляд на грустное лицо своей Лариссы. Всё лицо его горело, как в огне. «Какая подлость!» — думал он, обеспокоенный за Лару, — ведь она осталась там одна с своей тоской, со своим горем.

Скрытая и напряженная борьба трех продолжалась. Вера Павловна вела игру спокойно и настойчиво, уверенно и нагло. Озерова стала выделять среди всех остальных мужчин, стараясь окружить своим вниманием, а к девушке всё больше придиралась.

Август месяц подходил к концу. Успехи молодых художников росли, и многие готовились к осенним испытаниям в художественное училище.

Однажды Озеров пришел наверх, чтоб приготовить помещение к уроку. На столе стоял букет цветов из маленькой оранжереи Веры Павловны. Заныло сердце Озерова, словно кто то прищемил его. Рассеянный и опечаленный он начал урок.

Ребята съёжились, притихли, словно чувствовали, что случилось что то нехорошее, что так расстроило учителя. Урок прошел без оживления, спокойно, вяло и закончился немного ранее обыкновенного. Букет для Озерова был как бы живым укором. Будто бы и впрямь он в чем то провинился перед девушкой.

«Как избежать опасности. грозившей им обоим?» — думал он. Ведь Вера Павловна шла в наступление с упрямством опытной в интригах женщины. Ларисса, увидавши на столе цветы, была потрясена до глубины души. Она стояла, стиснув зубы, словно завороченная, не спуская глаз с роскошного букета.

Девочки, оставшиеся для уборки помещения, смутились окончательно, увидевши, какое впечатление произвело на Лару появление цветов.

После ухода учениц, оставшиеся молодые люди предались своему горю, ища выхода из тупика, в котором очутились неожиданно.

— Что предпринять? Что можно сделать в данную минуту в тех условиях всеобщей нищеты, стихийно поразившей Родину?

Зависимость от женщины, решившейся разбить их счастье, угнетала их. Они клялись друг другу в верности и ждали только вечера, когда останутся совсем одни.

К началу сентября жизнь в детском городке для Лары стала совершенно невозможной. Аккуратная и неизменно исполнительная девушка всё чаще получала оскорбительные замечания и колкости со стороны начальницы. Она была бессильна защитить себя от женщины властолюбивой, сильной и решительной.

В начале сентября, под видом материнской заботы о дальнейшей судьбе и счастье Лары, «грозная начальница» потребовала от неё согласия на брак с заведующим мельницей. Но получив решительный отказ, пришла в неопишемую ярость, угрожая увольнением со службы. Девушка была в отчаянии и, не стерпев обиды, разрыдалась. Вера Павловна была неумолима и стояла на своем. Она поставила для девушки условием дальнейшей работы в городке её замужество. Давался срок на размышления до двух недель. Придирам к бедной Ларе не было границ. Начальница всё чаще стала появляться в кухне, в кладовой и в спальнях комнатах у девочек. Кричала и бесилась, находя повсюду безпорядок. Жаловалась всем, что Лара ничего не делает, и долго продолжаться это так не может.

Раздраженная она влетела даже в студию, чего с ней не случалось никогда. Такой необычайный, неожиданный визит разгневанной начальницы смутил хозяина. Он встал из за стола, приветствовал её и, подставляя стул, «участливо» осведомился о причине гнева. Вера Павловна была поражена спокойствием и выдержкой учителя.

— Простите за мое нескромное вторжение в ваше «святыще» в таком ужасном настроении.

Что стоило ему наружное спокойствие, когда от возмущения всё клокотало у него внутри. Стоял он перед нею блед-

ный и взволнованный в недоумении и страхе, что же дальше?

Озеров вторично вежливо осведомился о причине гнева Веры Павловны.

— Я успокоилась уже!.. Благодарю... Я не могу здесь... Вы меня обезоружили. Простите, что я так невежливо нарушила здесь ваше милое уединение и добровольное затворничество; ворвалась в ваш храм искусства, чем нарушила его покой, испортив ваше настроение.

«Венера» горько усмехнулась, но не просто так, а как то по змеиному, и вдруг, поднявши голову, уставила на Озерова странный и тяжелый взгляд. Глаза горели нехорошим огоньком.

«Кармен!.. Как пить дать... вылитая!» — злился Озеров. — А я то здесь при чем? Я — не Хозе, .. Чего ей нужно от меня? Однако, он не мог смотреть в лицо начальницы и опустил глаза.

— Не правда ли, я ведь совсем другая женщина, ни капли не похожая на вашу, как её... Лариссу? — Озерова передернуло. — Во мне кипит шальная кровь южанки, всё сжигающая, страстная! — «А мне какое дело до твоих страстей!» опять подумал раздраженный Озеров.

— Вы влюблены сейчас и в этом видите противоядие, ха, ха! Вы ошибаетесь, герой!

«Герой» стоял перед начальницей, как у позорного столба, и молча слушал наглую самоуверенную болтовню. Он напрягал всё свое мужество, дабы не потерять спокойствие и разум, и не быть с ней грубым.

«Бедный мальчик», бедный Озеров! Тебе ли защищать свою любовь!» — так думала начальница. Он как то «неуклюже и беспомощно», казалось ей, вдруг отвернулся в сторону. Замешкавшись на несколько мгновений (Озеров искал чего то на столе), — найдя среди разбросанных рисунков акварель одной из учениц, он просиял. Он поборол себя и, резко повернувшись к своей гостье, весело спросил, подняв листок: — Скажите, Вера Павловна, .. не правда ли, красиво нарисовано? И знаете, чье это творчество? Елены

Критской! Здесь она нарисовала женщину в прозрачной тунике с венком на голове, с горящим факелом в руках. Сама, как облако, плывущее в прозрачной дымке утренней зари, а сверху надпись: «Моя жизнь в искусстве», вот и всё. Но сколько жизни и стремления вперед и ввысь!..

Ну Озеров!.. Какой маневр он применил, чтобы отвлечь себя, а главное, её обезоружить. Цель достигнута. «Какое страшное лицо у Веры Павловны!» — подумал он.

Она, вздохнув всей грудью и немного помолчав, взглянула на него. Потом перевела свой взгляд на лист в его руке и снова на него и поняла.

Как будто холодно ей стало вдруг. Она вся съежилась, закрыв лицо платком. Потом, вдруг, распахнув его, расхоталась нервно, неестественно. «Какой ужасный и холодный смех!» опять подумал Озеров. Он овладел собой, он был неуязвим.

Поднявшись Вера Павловна метнула на него последний острый взгляд.

— Как мужественны вы! — промолвила она. — Уж не последнее ли слово вы сказали, показавши мне, как истый матадор свой красный плащ, в свою защиту и спасение!?

Ответа не последовало. Озеров смутился и молчал. Ведь перед ним стояла женщина. Как мог он так её обидеть только что. Теперь стоял он перед ней с поникшей головой, запутавшись в переживаниях, как в собственных сетях.

На счастье и «Венера» разрядилась окончательно. Она была удивлена.

— Ну, милый «трубадур», прощайте! Не сердитесь на меня. Я лишь немного пошутила, вот и всё!.. Ха, ха!.. — и снова этот неприятный смех прошел по нервам и болезненно отозвался в груди.

— Ну подойдите хоть сюда ко мне, я не кусаюсь ведь!.. Не бойтесь же меня!.. Какой теленок вы, однако, презабавный и бодливый, брыкаться умеете! Вы влюблены сейчас, и в этом ваша сила, думаете вы? Но это всё пройдет. Тогда поговорим, неправда ли? Как всё это смешно! Да ведь и вы

смешны, как погляжу на вас. Пожмите руку мне!.. Я тоже женщина... вот так! Спасибо и за это.

Я надеюсь, что мы встретимся еще в хорошую минуту и... поговорим... поговорим!.. — она кокетливо поправила платок, подняв его концы двумя руками выше подбородка и поддерживая их. Взглянула на него, на этот раз приветливо и ласково. Она ушла.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

— Необходимо нам выиграть время. Потерпи, мое сокровище, еще немного потерпи! — он умоляюще смотрел в её открытые глаза.

Она, обвинив его за шею крепкими руками, лепетала: «Я люблю тебя! Ты мой, навеки мой! Мне лучше умереть, чем потерять тебя. Я не отдам тебя! Ты слышишь, не отдам! Пойду я всюду за тобой, куда бы ты ни захотел, но не отдам. Тебя мне Бог послал. Пускай Он и разлучит нас, но... не она!.. Ведь правда, что ты любишь лишь меня одну? Скажи, что правда! Любишь, да? — сама же поминутно закрывала ему рот своими поцелуями и не давала говорить.

— Осунулся то как и пожелтел, бедняжка мой! Как тяжело тебе бороться с ней! Вот видишь, я уже не плачу... Знаю, что ты мой, навеки мой! Ты не покинешь ведь свою сиротку, правда, не покинешь? — а сама уж плакала. От счастья плакала она и от обиды за него, глотала слезы горькие.

— Ну мне пора идти, а так не хочется! — сказал и испугался собственного голоса. Он жалобно смотрел на Лару. «Боже мой, как я люблю её!» — с тоской подумал он. Ларисса побледнела.

— Что?... Тебе идти... куда... зачем? — бессвязно лепетала девушка. — Туда?... к ней?... к этой женщине?

— Да Бог с тобой! Что говоришь? — «Как тяжела борьба для слабой бедной девочки!» — с тревогой думал Озеров, держа её в своих объятиях.

— Я не пущу тебя, ты мой! Останься здесь со мной! Не уходи... мне страшно без тебя! Ты слышишь? —

Озеров страдал... Кто мог бы заглянуть в его больную душу? Он мужчина, он опора ей... Так разрыдался бы вот тут в её коленях. Выплакал бы всё, что наболело на душе, да страшно за неё, за бедную Ларису-девочку. Она страдает и ревнует безотчетно и боится за него. Она нуждается сейчас, как никогда, в его поддержке. Как же он проявит слабость, выпустив наружу свою внутреннюю боль. Ему не страшны искушения «Венеры» и не этого боится он. Его любовь сильнее чар бесовских. Он не подготовленный вступает в жизнь в неподходящий исключительный момент. Их выбросят из городка, а время страшное: повсюду голод и нужда. Они раздеты и без средств. Куда идти, что предпринять? Поехать в город на поклон Казанцеву? По этому пути он не пойдет. Пойти в Наробраз? Там будут все ему врагами, потому что все они друзья «Венеры». Специальность, за которую боролся много лет в Казани, бросил навсегда. Одной мечты и страстного желания стать педагогом недостаточно. Его никто не знал.

Ни средств к существованию, ни теплого угла. Теперь он не один. Нашел себе любовь, невесту, друга и он должен позаботиться о ней. Он для неё оплот, защита и надежда.

— Ты мой навеки, навсегда!

— Конечно, твой и только для тебя одной...

Стук в дверь. От неожиданности оба вздрогнули. Стук повторился.

— Ларка, открывай скорее, это я!

— Ну, слава Богу, это Лена.

— Ты скорее открывай!

— Сейчас открою, подожди! — Сестра, как вихрь, влетела в комнату.

— Ах, ах! Ты не одна..., но что случилось? Почему ты так бледна?..

— Ну, я иду. Не «беспокойтесь», Ларочка, всё будет хоро-

шо. — Он по привычке обнял девушку и, чмокнув в губы, выскочил за дверь, но в коридоре спохватился. «Что я сделал? Вот осел! Что обо мне подумает сестренка Лары?»

Чуть позднее Озеров опять пришел. Какая встреча, сколько радости, как будто много дней не виделись.

— Какой ты бледный! Что нибудь случилось? — Нет! Он взял в охапку свою ласточку и закружился с ней по комнате, смеясь: «Какой же я дурак, какой осел!»

— Зачем ты так бранишь себя?

— За то осла и бьют кнутом, что он осел! Ну, что сестра? — тревожно задал он вопрос. — Сестра? Да ничего! — смеялась девушка. — Когда ты выскочил за дверь, сестра стояла удивленная, раскрывши рот.

— Ну, расскажи!

— Что это значит? — Ленка сделала сердитую гримасу. — Отвечай мне?.. Значит он... — она усиленно глотала слюны, будто чем то подавилась. — Значит Виктор то Петрович... тебя любит? Отвечай мне!

— Значит любит! — отвечала я.

— И... значит... ты его?..

— И значит я его...

— Значит... любишь?

— Значит люблю. Я передразнивала Ленку, так меня смешило это «значит». Сестра задумалась, засунув пальцы в рот. — Значит... оба вы теперь... хи! хи!.. жених с невестой?

— Значит оба мы жених с невестой.

— Вот тебе и раз!.. А как же это?

— Очень просто!

— Значит... он теперь тебя, всегда вот так... значит целует?

— Всегда вот так значит целует! — продолжала я дразнить сестренку. — И... ему совсем не стыдно? — Почему же стыдно? — Как смешно... хи! хи! Ой, как красиво. Ларка, ты счастливая какая! Я хотела бы, чтоб и меня хоть кто-нибудь немножко полюбил и также целовал... хи! хи!

— Смотри же, Ленка, не болтай об этом, слышишь?

— Что я дура?

— Вовсе нет! Нечаянно проговоришься, вот и всё. — И не подумаю... Вот так ладошечкой закрою рот... хи! хи! Вот умница, дай поцелую. — Ну уж ладно, поцелуй разок и только в щечку. — Почему же в щечку и разок, а если в губы два разочка? — Хи! хи! хи! — она закрылась фартучком. — Ты лучше жениха... хи! хи! которого ты любишь... в губы то целуй! — гримасничала младшая сестра. — Я и тебя люблю! — «Взаправду» любишь? — Ленка, словно клещ, вцепилась в Лару и, повиснув у неё на шее, целовала в губы.

— Знаешь ли, что я надумал и зачем пришел к тебе? Ларисса удивленно посмотрела на него. — Сначала сядь сюда, ко мне поближе!.. Так. Теперь смотри в мои глаза и не мигай! —

— Ну, говори!

— Скажи, что ты увидела в моих глазах?

— Всю правду!

— Bravo! Что еще?

— Что любишь.

— Правильно!

— Ух ты, мой сокол, мой божок!

— А ты, мой ангел-утешитель.

— Правда?

— Ну, конечно. Видишь ведь, пришел к тебе и сразу успокоился. — Ты не боишься более?

— Кого?

— Её.

— Нет, не боюсь. Ты — мой громоотвод. Чуть что, сейчас же прибегу к тебе, взглянуть в твои глаза...

— И что же?

— Поцелую «бантик» раз, два, три, четыре, пять...

— Хорошая защита.

— Лучшей не хочу. Теперь послушай, что я буду говорить, — он сделал строгое лицо. — Начальница позволила тебе любить меня всего лишь две недели и никак не больше.

Это мало для меня. Однако, это только на словах. Когда и после двух недель ты всё же будешь продолжать любить меня и не захочешь выходить за мельника... — Она насторожилась. — Что тогда? — Простят тебе грехи, а если не простят, последует указ об увольнении, изгнании тебя из «рая». По закону, это значит две недели дополнительно. —

Она забеспокоилась и вопросительно глядела на него. Он продолжал: — Так полагается: об увольнении она должна предупредить тебя за две недели.

— Ну, а дальше что? — перепугалась девушка.

— А дальше — спрашиваешь ты? Ну, угадай, что будет дальше?

— Я... не знаю!

— Ах, какая же ты недогадливая!

— Ну, скажи!

— Сначала я тебя помучаю, потом скажу.

— Ну, говори скорей, что дальше!

— Даль...ше ты...

— Не мучь меня!

— Моя... жена! Всамделишная, настоящая, без «ну».

Притихла бедная. Лицо всё вспыхнуло.

— Моя жена! Моя подруга, женушка! Теперь уж скоро. В этом месяце. Какой красивый этот месяц в нынешнем году. Счастливое и радостное «бабье лето». — Лара, что с тобой? — Она всё ниже наклоняла голову к нему. Он взял её за подбородок, приподняв лицо. Оно горело пламенем. Она была в слезах.

— Так это правда... правда? — лепетала девушка и вдруг, порывисто вскочивши на ноги, повисла на его груди. — Какое счастье! Мой любимый, мой единственный!

Что было в городке, какие изменения произошли в соотношении двух борющихся сил. Какой экзамен предстоял двум нашим радостным друзьям и как прошел, благополучно ли? Об этом скажем пару слов.

Довольно поздно Озеров был в комнате у Лары. Как всег-

да, они сидели на диване и, прижавшись поплотнее, думали-гадали о своей дальнейшей судьбе. Как выбраться отсюда и куда. Что предпринять, на что решиться и что думает об этом Вера Павловна. Не бросила ли она бредовую мысль «пристроить» Лару, выдав её замуж за своего «мельника».

Но вот пришла одна из фавориток Веры Павловны и постучалась в дверь. Её впустили в комнату. Она вошла и растерялась, покраснела до ушей, не зная что сказать. Пролетала что то несурзное, смешалась окончательно и вышла вон. «Разведчица от госпожи начальницы» — решили оба. Прислана всё осмотреть и разузнать, как здесь, на фронте их любви, — всё то же ли братание, а может быть, и охлаждение, которого ждала.

Встревожилось сильнее прежнего сердечко Лары. Это не просто, — заволновался он. Враг их не позабыл. Была разведка, а за ней минуты грустного, томительного ожидания.

— О, Боже, помоги всё это пережить! — с тревогой вырывалось из наболевшей девичьей груди.

Прошло не больше полчасика. Всё тихо, только сердце билось беспокойно у него и у неё.

Стук в дверь. — Кто там? — Открой мне, это я, сестра.

— Ты не ложились спать еще? — Та утвердительно кивнула головой. — Зачем пришла ко мне так поздно и откуда принесло тебя?

— От Веры Павловны.

— Вот это новость. . и зачем? — У Лары захватило дух. Она дрожала и с трудом держалась на ногах.

— Садись, моя родная, — ласково сказал ей Озеров, с трудом скрывая внутреннюю боль. Он усадил Лариссу на диван, набросив ей на плечи что попало под руку.

— Зачем пришла? — чуть слышно повторила свой вопрос Ларисса. — Вера Павловна просила Виктора Петровича придти к ней. . Лена не закончила. — Сейчас? . Так поздно? — Да! — ответила смущенная сестра.

— И это всё? — Да, всё. — Иди скорее спать, уж поздно так. — Закрылась дверь за Леной. Побледнела Лара पुще прежнего.

— Как плохо что то стало мне, — промолвила она с трудом. — Как больно, тяжело дышать, невыносимо тяжело!

— Голубка бедная моя! Что делают с тобой нечестные и злые люди. Боже, помоги нам. . . ей, моей Лариссе! — Лара вздрогнула, услыша этот шепот.

— Подойди сюда! — сказала она, чуть дыша. — Вот так! Теперь нагнись и обними меня. Вот так! И поцелуй! Вот так! Скажи, что любишь! — Озеров сдавил её в своих объятиях.

— Люблю! — Еще скажи! — Люблю! — Еще разок! Люблю! Ну вот и всё! — Рассеянно, чуть слышно прошептала девушка. Со страхом Озеров глядел в её сухие, воспаленные глаза.

— Ларисса-Лара, что с тобой? — он попытался улыбнуться. — Видишь, я спокоен ведь. . . как никогда!

— Да вижу, как спокоен ты, мой бедный, мой страдалец, но. . . я вижу и другое, что ты любишь, ну. . . иди к ней, к злой помещице всесильной! Ты придешь ко мне?

— Приду! — Когда? — Сейчас. . . сегодня! — Правда? Милая моя! — болезненно, чуть слышно вырвалось у Озерова. Он сдавил ей руку на прощанье и, не глядя на неё и не оглядываясь, выскочил за дверь.

Вот несколько ступенек впереди.

— Я очень рада видеть вас! — услышал он с веранды голос Веры Павловны. С трудом он различил фигуру женщины, стоящей у двери. Она была в тени, а он был виден ей на всем пути. — Как это мило с вашей стороны! — она взяла его за руку и ввела в свой будуар. — Вам холодно? — промолвила заботливо она. — Рука у вас слегка дрожит!

— Нет, мне не холодно, совсем не холодно, наоборот, мне почему то очень жарко. — Озеров обвел глазами комнату. Он здесь, в таинственных покоях «королевы», нет — «богини». Он никогда еще сюда не заходил и на секунду растерялся, не заметив, что она не выпускала его руку из своей.

— Я рада вам. Присаживайтесь вот сюда, вот в это кресло, поудобнее и будьте здесь как дома. — Озеров молчал. Он чувствовал себя, как тигр, попавший в западню.

Какой кошмарный сон приснился наяву! Всё было предусмотрено и всё рассчитано. Ей не впервые было принимать такого гостя у себя. Он сел.

Уютная и небольшая спальня Веры Павловны, в которой очутился Озеров, была полусообщена зажженной лампочкой, стоявшей у кровати, на красивом круглом столике. Зеленый абажур давал волшебный полумрак. Знакомый ландыш наполнял всю комнату чудесным запахом. Кровать была роскошно убрана. Ковер и мебель мягкая кругом глушили стук шагов и говор.

Обстановка, тишина, пленительный покой и тайна будоражили диктовали говорить негромко и спокойно.

Вера Павловна была очаровательна в своем турецком замечательном халате и с распущенными косами. Халат, то ли случайно по небрежности, а может быть умышленно, был не застегнут наглухо. А кто из смертных молодых людей сумел бы устоять против безумного соблазна перед женщиной полуодетой, перед нимфой, опытной в таких делах, пустившей в ход все женские прелести, весь арсенал своих страстей.

— Должна я извиниться перед вами, — прервала Вера Павловна неловкое молчание. — Я чувствую себя нехорошо, что так некстати я нарушила прекрасные минуты вашего свидания. Я знаю, что вы любите её и всё же я осмелилась вас разлучить на время. Ведь я тоже женщина и тоже недурна собой. А собеседницей могу служить для вас не худшей, нежели она, а более занятой. Вы всегда найдете здесь покой и отдых. Видите, какой здесь рай, какой уют, и это всё вы можете иметь. Вы много настрадались! Вам до крайности нужна забота женщины, которая вас может полюбить. . . , а может быть. . . — она придвинула свой стул. . . — уже и любит.

Похолодело сердце Озерова. «Лара, милая моя! К тебе стремится мое сердце и моя душа!»

Он вдруг припомнил разговор: Анастасия Тихоновна как то намекнула ему вскользь на то, как жаждет Вера Павлов-

на найти успокоение в семье. Она еще так хитро улыбнулась и добавила: «На всякий случай, будьте осторожны. Будьте преданы своей любви, и да не соблазнится сердце ваше!»

Он тогда не понял смысла этих слов. Теперь глаза открылись окончательно. Он — избранник её! Какое счастье привалило вдруг. Она богата и влиятельна и может дать ему буквально всё: и радость, и любовь, и положение.

Озеров всё выслушал спокойно-снисходительно, но грустно было на душе. Он устремил свой взгляд на женщину. Глаза его просили только снисхождения, чтоб отпустила поскорей и не томила душу. Он не мог обидеть женщину. Ему так тяжело с ней грубо поступить, подняться и уйти.

Она всё поняла. Когда она звала его к себе, она еще надеялась на силу своих женских чар. Она никак не ожидала от него такого безразличия, такой холодности. Ей это было не знакомо до последних дней. Её не оценили и отвергли. Но что самое ужасное, что так обескуражило её, это утонченная вежливость и снисходительность и... даже жалость. Вера Павловна сидела несколько мгновений молча, опустивши голову, и Озеров её не узнавал.

Секунды размышления и грусти пронеслись, как вихрь.

Со стула поднялась не просто женщина, а истая Венера. Сколько гордого достоинства в её лице, в её поднятой голове и сколько грации в осанке Веры Павловны!

Не глядя на него, начальница сказала холодно: «Я не задерживаю вас... Вы можете идти!» Переступив порог, гость обернулся и тихо произнес: «Простите!» и спустился вниз по нескольким ступенькам.

НАКАНУНЕ

Вера Павловна столкнулась с Ларой в коридоре и, не поздоровавшись и даже не остановившись, пробурчала, глядя ей в лицо: «Подайте заявление о том, что вы намерены оставить службу в городке.» Немного отойдя, вернулась и, окликнув Лару, бросила ей: «Если вы в ближайшие три дня

не подадите заявления, я буду вынуждена сообщить в Наробраз, что вы мне больше не нужны!»

Ларисса ничего ей не ответила и, только опустивши голову, стремглав метнулась в свою комнату, где разразилась горькими слезами. Что случилось с бедной девочкой? За что её так оскорбили, так ужасно наказали? Кто же поступил с ней так жестоко, так несправедливо, неужели Вера Павловна? Разве сама она не плакала, переживая крах своей любви? И разве не Ларисса утешала Веру Павловну, которая была на грани безответственных решений и безумия? И разве не помощницей была ей верная Ларисса?

Что же случилось с ней и почему её так оскорбляют и так гонят? Чистая душа! Она еще не знала, что такое право сильного. Что может сделать власть в руках нечестных, злых людей.

Она теперь всё это поняла, когда столкнулась с этим злом и испытала его действие. Ларисса горько плакала и сетовала на людскую злобу и несправедливость.

Девочка, очнись, тебе ли плакать? Вытри слезы, улыбнись, засмейся, у тебя есть он. Вот уже скоро будешь ты его женой! Не сам ли он это сказал тебе?

Стук в дверь... Узнала, встрепенулась. Это он, её любимый и желанный. Бросилась к нему, рыдая и смеясь.

— Мой ненаглядный муж!

Начальница хандрила, запираясь от людей. Прошли три дня. Ларисса всё еще не подавала заявления.

Уже вторая половина сентября, а Озеров попрежнему работал. Вера Павловна при встрече с ним, хотя и сухо, отвечала на его приветствия. Лариссу не хотела видеть, а при встрече отворачивалась от неё. И только по прошествии трех дней слегка кивала ей в ответ. О заявлении не заикалась, но не разговаривала с девушкой. Распоряжения давала через фаворитов-мальчиков. Работникам своим и воспитателям не доверяла.

Что же будет дальше? Всё, казалось, шло по старому. Пошла последняя неделя месяца и вот уже 29-ое число. В то

утро в комнате Лариссы шли какие то приготовления. Он попрощался с ней, при этом получив изрядно наставлений на дорогу, порцию объятий, поцелуев, обещаний, заверений и всего, что полагается при расставании «на долго». Наконец он встал и, бросив взгляд на девушку, полный любви и преданности, вышел в корридор. Последнее рукопожатие, и Озеров уехал в город, чтобы приготовить всё к торжественному дню, Судьба его и Лары будет решена. Они должны вступить на новый путь совместной и тяжелой, но счастливой жизни.

Озеров ни разу не показывал свою невесту ни сестре, ни матери. Он только много говорил о ней своим родным и воспевал её достоинства. Сестра его всегда предупреждала и уму-разуму при встрече наставляла, как должен он себя вести в торжественный момент решения судьбы. Мужчины ветренны и легкомысленны, не чутки, невнимательны и... много всяких минусов у них... Когда то ошибалась мать, теперь ошиблась и сестра. Хотя она и женщина и знала в совершенстве всех мужчин: хороших, так себе, а главное, плохих, — их было больше, чем хороших.

— Ну, а как же я? — осведомился Озеров в большом недоумении. — Я тоже ведь мужчина, как ты думаешь? Я тоже к категории плохих принадлежу, к числу испорченных и безнадежно павших?

— Нет, совсем наоборот. Ты — не в пример другим. Тебя я знаю хорошо.

— Ты правду говоришь?

— Чистейшую правду!

— Почему я лучше остальных?

— А потому, что ты не настоящий!..

— Как же так?.. Наполовину значит! — засмеялся Озеров.

— Вот именно!.. Ты не сердись, я пошутила... Видишь ли... ты слишком мягкий, добрый и уступчивый. Мужчинам это не к лицу и...

— Что еще?

— Ты не умеешь целоваться. Это женщинам не нравится.

Ты сам рассказывал мне о прогулках при луне и без луны и только обещал когда то доказать свою любовь, а ей хотелось раньше. «Ложка дорога к обеду».

Озеров подумал и спросил: — И в этом вся моя вина? За это вычеркнула ты меня из списка настоящих?

— Совершенно верно!

— Ольга, Ольга! Как отстала ты от жизни, как мне жаль тебя! Прошу не беспокоиться за настоящего. Я это докажу тебе... сейчас, немедленно. Садись сюда со мною рядом и молчи. Я буду говорить теперь!

— Скажи мне, Витька! — снова перебила Ольга, — Что с тобой случилось? Почему ты сегодня пришел такой торжественный и возбужденный? Уж не хочешь ли мне доказать, что ты действительно мужчина?

— Как тебе не стыдно? Не сама ли ты лет пять тому назад сказала, помнишь?

Ольга засмеялась. — Как же помню, помню я твой рыцарский поступок с Леночкой!

— Теперь припомни, что сказала ты, стараясь защитить меня от наставлений матери?

— Не помню что то!.. Позабыла.

— Ну, так я тебе напому. Ты сказала: «Мама, ты не знаешь Витьку! Он у нас мужчина и герой. Будь я на месте Леночки, я прицепила бы ему на грудь свою подвязку, а потом и весь чулок свой обмотала вокруг шеи моему герою, . . может быть. . . «Что может быть?» — спросила мама. . . — и сама повесилась бы».

— Дура я была, вот и повесилась. Теперь сама жалею. Ты ведь не такой, как «мой»! — она поцеловала брата. — Говори, зачем пришел ко мне?

— По делу!

— По какому же?

— По очень важному. Решается моя судьба. Я сам хочу повесить Ларочкин чулок себе на шею.

— Что ты говоришь?

— Я этим делом не шучу. Пришел поговорить с тобой об этом.

— Говори скорее! Я вся превратилась в слух.

— Я завтра привезу свою невесту в город. Ты прими её и приласкай. Она заслуживает этого! Я также должен буду говорить с «твоим». Он должен мне помочь. . . Пустое дело, не волнуйся за него. Он должен быть одним из двух свидетелей на брачной записи.

— Ну, слава Богу! Я признаться, так боялась за неё. . .

— Что за причина?

Ольга покраснела. Озеров нахмурился.

— Я думала. . . а вдруг ты передумаешь и охладеешь к ней. . .

— Вот как? — Она замолкла. Озеров вспыхнул: — Твои поступки мне не могут быть примером. Ты разбила сердце Макса, а себя навеки искалечила. . .

— Остановись! . . Ни слова более! — Глаза сестры наполнились слезами.

— Ну, прости! Сама ты вызвала меня на эту реплику.

— Я так несчастна. . . Я заслуживаю осуждения. Ведь до сих пор я не могу его забыть.

— Ну, не сердись! . . Я «хунд», я «езель», «швайн» и «элефант», я. . . — он припоминал все свои школьные невинные ругательства, когда бывало в юности казнил себя за всякие проступки. Он поцеловал сестру. Она уже смеялась. Ей знакомо это всё. Звонок.

— Он, он пришел! — засуетилась бедная сестра и Озерову стало жаль её. Вошел Казанцев.

— Здравствуйте! Давно не виделись. Ну, как дела?

— Прекрасно!

— Ну? Мне это нравится. Что, повышение по службе или. . . может быть вы женитесь?

— Вы угадали!

— И на ком? . . На карих глазках?

— Да!

— Какой вы постоянный и. . . порядочный. — «Уж не в пример другим!» — пеебывая мужа, вставила сестра.

— Немного помолчи! — ответил мрачно муж и посмотрел

стеклянным взглядом на супругу. Озеров вмешался в спор и перебил Казанцева. — Я к вам пришел за помощью!

— Просите! . . . Только было бы по силам мне, в моих возможностях и компетенции.

Сестра моргнула брату, Озеров поморщился.

— Я лишь хочу просить вас быть свидетелем на брачной записи да и другого подыскать.

— Когда же?

— Завтра!

— «И в каком часу»?

— Когда удобнее свидетелям.

— Часа в четыре? Это время самое удобное, и в «Загсе» посвободнее. Согласны?

— Да. Спасибо. Это всё, о чем я вас хотел просить.

— А как же после свадьбы, там останетесь работать?

— Нет, — замялся Озеров.

— Куда же вы поедете с своей женой?

— Еще не знаю сам.

— Но это главное!

— Пусть будет так.

— И вы рискуете жениться?

— Да, как видите. . . рискую! — раздраженным голосом ответил Озеров.

— Вы непонятный человек! Что вас уволили или. . .

— Потом, потом! . . .

— Ну, как хотите, дело ваше. Я хотел бы вам помочь!

— Спасибо, в этом нет нужды.

Казанцев пристально смотрел на собеседника. Он понял всё.

— Итак до завтра. Значит в «Загсе» к четверем? — Так точно! — Я спешу! — Казанцев проглотил свой завтрак и уехал в Управление. С сестрой договорились так: она всё приготовит к завтрашнему дню и встретит молодых. Они ночуют в городе и выедут на следующий день.

Вернулся Озеров к Лариссе поздно вечером. Он был в хорошем настроении, веселый и счастливый. Никому и в голову бы не пришло заметить, а тем более понять тревогу, глу-

боко запавшую в его душе. Так тяжело сложились обстоятельства. Остаться в городке с своей женой он не хотел да и не мог. Его никто не увольнял, наоборот его ценили, несмотря на все события последних месяцев. Он должен выехать из городка. Как жаль ему ребят, но что поделаешь. Какой то новый путь готовила ему судьба. И он покинет этот детский мир. Покинет милые места, чтобы забыть всё прошлое и снова обрести покой. Он должен оградить свою жену от своеволия и мести. Он прекрасно знал, что это неминуемо должно произойти, лишь только он проявит слабость и беспечность. Нужно строить свою жизнь семейную на новом месте и в других условиях. Завоевать себе авторитет и уважение, но как это осуществить? Покинув городок, счастливая чета столкнется в тот же день с нуждой. Остаться без пристанища и без работы — вот что им грозит в «медовый месяц».

Что же предпринять, куда идти, кого просить? Есть от чего придти в смятение кому угодно. Это беспокойство накануне свадьбы скрашивалось радостным сознанием, что он теперь не одинок. Вдвоем им будет легче пережить удары лихолетия нависшего над Родиной.

РЕШЕНИЕ СУДЬБЫ

Сентябрь — тридцатое число.

Какой хороший день! Приехали вдвоем взволнованные и счастливые. Одеты скромно, почти бедно. В «Загсе» небольшая очередь. Присели на скамью в тревожном ожидании приезда двух свидетелей. Ларисса беспокойно с нетерпением поглядывала на входную дверь. Так долго не идут свидетели! Минуты ожидания казались ей часами. Удивительно и странно! Ведь она уйдет отсюда не одна, а с мужем — с суженным, которого по милости судьбы себе приобрела. О чем стучало сердце девичье, когда в своей трепещущей руке она держала руку друга и защитника, кото-

рого любила и желала, с кем жизнь свою сиротскую теперь соединяла.

Вот и приехали свидетели. Забилось «ретивое» пуще прежнего, пришлось придерживать рукой. Пошли к заветному столу и подали документы. Проходит полчаса, закончены формальности. — Поставьте свои подписи вот здесь и здесь.

Им выдали свидетельство. Все поздравляют их. Прочли бумагу, обнялись. Не верилось глазам. Теперь он муж её, она его жена. Схватила под руку: — Теперь ты собственность моя! Теперь ты мой «навовсе, навсегда»! — Плутонка весело смеялась, глядя на него.

— Я скоро буду дома! — крикнул им Казанцев и спустился вниз.

По улице шли под руку и только видели: она его, а он её, и больше никого.

Пришли домой, их встретили сестра и мать. Сестра приветливо и ласково подружку брата обняла. Мать встретила молодую, как дочь свою, — расстрогалась и слезы пролила. Накрыли стол на шесть персон, а посреди стола — букетик роз.

Звонок!.. Приехали свидетели.

— Пожалуйте к столу!

Закончен путь скитальца горемычного. Он получил себе жену «навовсе, навсегда».

На следующий день счастливые супруги шли по улице к вокзалу. По пути зашли к фотографу.

В петлице белой кофточки воткнута розочка, а на руках у молодой осенние цветы. Теперь глядят из под стекла счастливые и радостные лица.

В тот же вечер праздновала Вера Павловна свой день рождения. Ларисса, видя торжество, пошла её поздравить. Не успев переступить порог, она столкнулась со своей начальницей. Она, взволнованная, протянула Вере Павловне цветы и тихо вымолвила: «Поздравляю!» Слезы счастья засверкали на её глазах.

Начальница схватила верную Лариссу за руки и привлекла к своей груди. Две женщины не выдержали и заплакали, и было от чего! Слезами искупаются ошибки и грехи.

— С законным браком, милая Ларисса Павловна, я... — голос Веры Павловны дрожал, — ...желаю вам найти в своем супруге верную защиту, дружбу и любовь!

Её желание исполнено. Он защитил свою любовь от Веры Павловны. А дальше будет то, что Бог пошлет. Пришла любовь, придет и дружба. Волею судьбы и счастье к ней придет.

Прошло недели две, не более. Однажды по утру пришла и стала у крыльца крестьянская подвода. Дети высыпали на площадку возле дома, окружив подводу.

У детей сегодня неприятный день. Они расстанутся с двумя своими воспитателями навсегда. Они привыкли к ним, они любили их.

Из дому вынесли два чемоданчика и пару узелков. Багажеты был не ахти какой большой. Они пошли прощаться с воспитателями. Поднялись наверх к Анастасии Тихоновне, где присели на минуточку. Без слез не обошлось. Две дамы обнялись, поплакали и потужили. Что поделаешь, ведь всё кончается. Настал момент прощания больших друзей.

Все заглянули в студию, где столько радостных, счастливых дней остались позади. Всё в прошлое ушло. Остались дети-сироты. В их маленьких сердцах сегодня поселилась грусть — недолгая, но ощутимая.

Так рушатся надежды и желания, уходят вдаль мечты.

Детишки плакали, смеялись, прыгали вокруг подводы и кричали все наперебой: «Счастливого пути! Когда вернетесь к нам?» — И много всяких пожеланий трудно было разобрать, — отдельные слова, отрывки фраз лишь долетали до ушей среди неумолкаемого шума детворы.

Цветы, цветы! Как много их совали дети в руки плачущей, растроганной Лариссы её маленькие верные друзья. Поистине незабываемые проводы.

Все были во дворе, кроме самой начальницы. Подвода тронулась. Так Озеров с своей женой покинул детский дом и съехал со двора.

ЭПИЛОГ

Уже запахло октябрём, а тихое, задумчивое «бабье лето» всё не хотело уходить. Оно попрежнему стояло над полями, рассыпая золото вокруг.

Звенела осень в вышине. Дул легкий и прохладный ветерок. Шуршали листья под ногами. Расползлся по земле предутренный туман. Заря за лесом занялась. Уж скоро солнышко взойдет.

В версте от столбовой дороги, посреди холмов раскинулось село. В нем жили, как и всюду, люди бедные. Великой скорбью веяло от ихнего жилья. Соломой были крыты ветхие домишки и сарайчики.

На площади села церковка возвышалась небольшая, но уютная в былые времена. Вокруг была ограда каменная, но теперь она была почти совсем разрушена.

Печальный вид имел в то время Божий дом, да и вокруг него всё было пусто и уныло. Божий храм, казалось, был закрыт, но это лишь на первый взгляд. В то утро, раннею порой свершилось скромно в тишине святое таинство венчания. О нем никто не знал, никто не слышал. Только два служителя — псаломщик и звонарь — свидетельствовали святой обряд.

На паперть вышли двое и остановились, словно призадумались. Необъяснимой тайной радостью была полна их светлая душа. Они спустились вниз и, оглянувшись во все стороны, пошли вперед.

На площади царила тишина. Вокруг не видно ни души. Лишь кое где сквозь тусклое оконное стекло виднелся огонёк в печи. Навстречу путникам тянуло холодком. Они крепче обнялись и так прошли по узкой улочке. Они уже в степи. Их путь лежал по боковой тропиночке, терявшейся вдаль.

Вдруг радостный небесный луч ударил путникам в глаза, и сразу осветилась даль. Туман рассеялся.

Друзья шли, как одна живая тень на встречу свету и теплу. Она — задумчива, как мысль, как затаённая мечта. А он, взволнованный и радостный, тревожно вглядывался в даль.

Что там, в печальном далеке, увидели его глаза? Что ожидало их в Родном Краю?

О том они не ведали.

Им не было дано заглядывать вперед и предрешать свою судьбу!

К О Н Е Ц